

Владимирский государственный университет

И. Л. ПЕТРОВА

**ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ
ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Учебное пособие

Владимир 2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

И. Л. ПЕТРОВА

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Учебное пособие

Электронное издание

Владимир 2021

ISBN 978-5-9984-1440-4

© Петрова И. Л., 2021

УДК 34:81
ББК 67+81

Рецензенты:

Кандидат юридических наук, доцент
зав. кафедрой гражданского права и процесса
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Т. В. Кивленок

Зам. председателя Арбитражного суда Владимирской области
И. С. Гребнева

Петрова, И. Л.

Текст как объект и предмет юрислингвистического анализа [Электронный ресурс] : учеб. пособие / И. Л. Петрова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. – 220 с. – ISBN 978-5-9984-1440-4. – Электрон. дан. (2,82 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Рассматриваются теоретические вопросы, связанные с областью пересечения и взаимодействия права и языка, особенности юридического текста и других высказываний, попадающих в сферу правовых отношений; предлагаются алгоритмы их анализа и практические задания по применению указанных принципов и операций.

Предназначено для магистрантов направления подготовки 40.04.01 – Юриспруденция, изучающих курс «Юридическая лингвистика». Представляет интерес для практикующих юристов, лингвистов, преподавателей юридических и лингвистических дисциплин вузов, колледжей, школ, а также студентов и учащихся.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 111 назв.

ISBN 978-5-9984-1440-4

© Петрова И. Л., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ТЕКСТ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	6
1.1. Многоаспектность текста	6
1.2. Лингвистическая теория текста	10
1.3. Текст как объект и предмет юридической лингвистики	14
<i>Вопросы и задания</i>	16
2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА И ЯЗЫКА.....	21
2.1. Право и язык как социальные регуляторы	21
2.2. Право и язык как нормативные системы.....	23
2.3. Юридическая лингвистика как отрасль знаний.....	27
2.4. Объективация права в аспекте юридической лингвистики.....	31
<i>Вопросы и задания</i>	33
3. ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО СПЕЦИФИКА	38
3.1. Язык как иерархическая система	38
3.2. Морфемные, лексические и морфологические особенности юридического текста	40
3.3. Конструктивные (синтаксические) особенности юридического текста	44
<i>Вопросы и задания</i>	52
4. ПРАКТИКА ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА	58
4.1. Грамматическое толкование текста нормативного правового акта	58
4.2. Качество языка современных нормативных правовых актов.....	65
4.3. Проблемы анализа текста инвективной направленности	73
4.4. Вопросы судебно-лингвистической экспертизы (в том числе анализа текста экстремистской направленности)....	82
<i>Вопросы и задания</i>	97
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	109
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	111
ПРИЛОЖЕНИЯ	121

ВВЕДЕНИЕ

Нам не обойтись без высокой гуманитарной культуры юриста: без культуры нет права и нет правоведа.

И. И. Карпец

Преподавание юридической лингвистики, включенной в учебный план магистерской программы Юридического института ВлГУ по специальности 40.04.01 – Юриспруденция, предполагает анализ различных проблем, которые в настоящее время являются актуальными для отечественного направления этой междисциплинарной науки.

Одна из целей магистерской программы – формирование у обучающихся навыков исследовательской и производственно-прикладной деятельности в сфере юридической лингвистики, подготовка магистров права, обладающих комплексной компетенцией в области юрлингвистического исследования текстов, вовлекаемых в сферу правотворчества и правоприменения.

Освоение данной магистерской программы предполагает формирование у магистрантов экспертно ориентированного мышления юриста, использующего язык права как инструмент в правотворческой, правоприменительной и правозащитной деятельности.

Объектом курса «Юридическая лингвистика» является сфера пересечения языка и права, имеющая две составляющие: юридический аспект русского языка и лингвистический аспект права.

В рамках установленного для изучения юридической лингвистики количества часов – 2 зач. ед. – мы сосредоточиваем внимание на рассмотрении проблем теоретического и практического характера, таких как:

- 1) текст как объект исследования гуманитарных наук;
- 2) общее и различное в языковой и правовой нормативных системах;
- 3) сферы пересечения языка и права;

- 4) социально-правовые функции языка;
- 5) анализ юридических текстов на значимых языковых уровнях;
- 6) анализ ошибок и недочетов в текстах нормативных правовых актов и других юридических документах;
- 7) анализ инвективной лексики в проекции на проблемы юридической защиты прав человека;
- 8) юрислингвистический анализ текстов, предположительно экстремистско-террористической направленности;
- 9) проблемы юрислингвистической экспертизы.

Поскольку учебным планом не предусмотрены лекционные занятия, постольку теоретический материал основных тем курса излагается в данном пособии. Магистрантам при подготовке к практическим занятиям предлагается самостоятельно освоить теоретические основы определенных нашей рабочей программой юрислингвистических тем и на основе этого ответить на контрольные вопросы и выполнить практические задания.

В процессе подготовки данного пособия учитывался объективно невысокий уровень грамотности (как устной, так и письменной речи) многих современных юристов, поэтому в конце каждого раздела помещены материалы для «Лингвоюридической разминки» (с нее начинается каждое практическое занятие).

Интерес к юридической лингвистике и приобретённые в результате её изучения навыки анализа различных текстов, вовлечённых в сферу «право-язык», могут стать основой для написания магистерской диссертации. В связи с этим в пособии предлагаются темы для юрислингвистических исследований (см. прил. 1).

1. ТЕКСТ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Понятие текста универсально: оно охватывает как общественные результаты духовной деятельности человека, так и переработку, распределение исторической действительности, человеческого бытия в виде определённой социальной информации.
В.Л. Кохановский.

1.1. Многоаспектность текста

Язык является универсальным средством коммуникации.¹ Именно он обеспечивает психологическое, культурное, научное – словом, любое общение, являясь средством, интегрирующим коммуникативное пространство человека и социума. Н. Хомский, выдающийся американский лингвист, публицист, философ и теоретик, писал: «Есть несколько причин, по которым язык есть и будет особо важен при изучении природы человека. Одна – та, что язык является подлинным свойством человека как вида, присущим в своих основных чертах только человеческим существам... Далее, язык решающим образом участвует в мысли, действии и социальных отношениях. Наконец, язык сравнительно доступен для изучения».²

Коммуникативная деятельность человека осуществляется, прежде всего, посредством текста, в связи с чем он [текст] является объектом и предметом исследования многих гуманитарных наук.

Текст (от лат. *textus* – *ткань, сплетение, соединение*) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность,³ – это

---

¹ Коммуникация (от лат. *communicatio*, от *communico* – *делаю общим, связываю, общаюсь*) – общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д. – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности (Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 233).

² Хомский Н. Язык и мышление. Монография. М.: Изд-во Московского университета, 1972. С. 132.

³ Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 507.

система, коммуникативная по своей сущности. Он является, по М.М. Бахтину, «первичной данностью» гуманитарно-философского мышления, он – «непосредственная действительность», из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. При анализе сущности высказывания как единицы речевого общения учёный придавал особое значение «отношению высказывания к самому говорящему (автору высказывания) и к другим участникам речевого общения».⁴

Одной из важнейших категорий текста является его информативность, т.е. «способность» передавать самую разнообразную информацию. И.Р. Гальперин выделяет следующие типы информации, передаваемой посредством текста:

- содержательно-фактуальная (сообщения о фактах, событиях, процессах, происходивших, происходящих, о тех, которые будут происходить, или могут происходить, или должны происходить в окружающем мире, реальном либо ирреальном);

- содержательно-концептуальная (сообщение индивидуально-авторского понимания отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидами);

- содержательно-подтекстовая (скрытая информация, «извлекаемая» благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативные и оценочные значения, а также благодаря способности предложений приращивать новые смыслы).⁵

Сущность процесса коммуникации состоит, прежде всего, в передаче информации от одного коммуниканта (участника общения) к другому. Коммуникация (в широком смысле) – одна из основ жизнедеятельности человека, поэтому текст входит в «круг интересов» многих гуманитарных наук, где он является объектом исследования.

---

⁴ Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 236.

⁵ См. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. С. 27-28.

Таким образом, в гуманитарных науках текст как объект исследования выступает в его коммуникативной сущности. Предметом исследования различных научных направлений является текст в его отношениях к системе языка, к субъектам высказывания, к праву и субъектам правоотношений и др. В этом плане можно выделить различные аспекты текста, ставшие предметом изучения и представляющие его как:

- знак: сложный знак или знаковую последовательность – в структурном, семантическом, функциональном аспектах, в парадигматическом и синтагматическом аспектах (+ текст как последовательность не только языковых знаков: произведения музыкальные, хореографические, архитектурные и др.);
- систему, тип и феномен;
- единицу динамическую – в аспекте текстопорождения, текстообразования и текстопонимания; как текстовую деятельность;
- психолингвистический феномен;
- социолингвистический феномен;
- юрислингвистический феномен;
- компонент или явление культуры, средство межкультурной коммуникации;
- комплексный междисциплинарный объект.

Как видим, многоаспектность текста становится основанием его вовлечения в сферы интересов многих гуманитарных наук: лингвистики, семиологии, прагматики, герменевтики, антропологии, психолингвистики, социолингвистики, юридической лингвистики и др.

Так, благодаря различным направлениям исследования в *лингвистике* сформировалась теория текста, объектом которой является коммуникативная деятельность человека посредством текста (об этом подробнее – в следующем параграфе).

В *психолингвистике*, возникшей в 50-е годы 20 века, за интересом к тексту стоит интерес к происхождению и функционированию отражательной способности людей, к языковой личности, образу мира человека, так как в любом тексте проявляется личность. Текст – произведение речетворческого процесса, поэтому, как единица коммуникации, он включен в отношения между субъектами. Общение коммуникантов

(участников процесса коммуникации) является контекстом для высказываний, объединяющихся в текст; в общении текст реализует своё значение и может быть интерпретирован в соответствии с коммуникативными целями автора.

В процессе коммуникации психолингвисты выделяют три основных элемента: *затекст* → *текст* → *подтекст*. Поскольку текст является своеобразным отражением действительности, постольку в нём предполагается наличие *затекста* – фрагмента действительности, который описывается в тексте, причём затекст присутствует не явно, а как отсылка к реальным событиям, фактам, явлениям. Цель *текста* – представление затекста в том ключе, в каком он видится автору. В свою очередь, *подтекст* – скрытая информация, которая извлекается из текста благодаря ассоциативным свойствам языковых единиц или восстанавливается из конситуации (контекста и ситуации речи).

В рамках указанного направления выделены и описаны *психолингвистические признаки* текста: цельность, связность, эмотивность (способность вызывать эмоции), креолизованность (соединение вербальной – словесной – и невербальной частей), прецедентность, скважность (пропуски смысла, восполняемые догадками).

Обязательными условиями социолингвистического исследования текста являются учёт и описание социальных факторов при порождении речи. На речевое поведение человека, с позиций *социолингвистики* (в научный обиход термин введён в 1952 году американским социологом Германом Карри), влияют такие обстоятельства, как социальная (или классовая) принадлежность, возраст, образование, род занятий, место жительства, пол, канал коммуникации, обстановка, тема, форма, цель, характер общения. Предметом социолингвистики, следовательно, является языковая стратификация общества и влияние на язык социальных процессов, социальная дифференциация языка, языковая политика.

Итак, многоаспектность текста предопределяет интерес к нему многих гуманитарных наук. Одной из центральных категорий гуманитарного знания становится «человек и его язык» в философском смысле.

1.2. Лингвистическая теория текста

Прежде всего, текст является «исходной реальностью», объектом и предметом исследования *лингвистики*⁶ – науки о языке, в которой сложилось особое направление – лингвистическая теория текста.

Возникновение этой теории относят к 50-70 годам 20 века, однако своими корнями лингвистика текста уходит в глубокую древность – во времена античности. Учение о тексте начинает складываться на базе двух областей античного знания – риторики и филологии.

В риторике (науке красноречия) текст рассматривался в своей динамике – от замысла к говорению, т.е. связывался только с *устной речью*. В античной риторике разработаны каноны речи, составляющие «риторический канон»: изобретение, расположение, выражение, память, произнесение.

Возникшая в эпоху поздней античности филология (букв. в переводе с греч. *любовь к слову*) была сосредоточена на *письменном тексте*: анализировались условия возникновения текста, его включения в культуру, устанавливались закономерности его понимания и толкования.

В следующие за античностью времена, а особенно с середины 19 века идёт процесс накопления эмпирических знаний и теоретических описаний текста, выдвижения гуманитарными науками идей, которые легли в основу формирования к середине 20 века лингвистической теории текста.

В грамматических описаниях и исследованиях российских мыслителей начиная с 18 века предпринимаются попытки выйти за рамки предложения, когда анализируются конструкции, не укладывающиеся в представления о предложении: диалог, период, конструкции с чужой речью, сложное синтаксическое целое, абзац.⁷

---

⁶ Лингвистика (от лат. *lingua* – *язык*) – то же, что языкознание – наука о естественном человеческом языке вообще и о всех языках мира как его представителях (Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 267, 618).

⁷ См., например, работы *М.В. Ломоносова* «Российская грамматика» (1755), *Н.И. Греча* «Пространная русская грамматика» (1827), *А.Х. Востокова* «Русская грамматика»

Фундаментальное значение для становления теории текста имело изучение произведений художественной литературы. В.В. Виноградов и Г.О. Винокур разработали методологию лингвопоэтических и стилистических исследований,⁸ реализованную ими в анализе художественных текстов и их фрагментов.

Объединяя идеи филологии и риторики, Г.О. Винокур обозначил главную цель изучения поэтического языка по текстовым материалам – «личность художника, его идейный и художественный замысел, поэтика произведения или собрания произведений».⁹

Определяя место текста в системе языковых явлений, лингвисты поначалу отводили ему *служебную роль*. Так, Л.В. Щерба отождествлял тексты с языковым материалом, из которого могут выводиться «все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике».¹⁰ Тем не менее, таким образом определяется статус текста в качестве «отправной точки» лингвистических исследований. Л.В. Щерба трактует тексты как «совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы».¹¹ Учёный рассматривает текст как процессно-предметное единство, выделяет две его стороны: говорение и понимание, выдвигает идею об изучении текстов в единстве со «средой их существования» – в общем, определяет основные черты и принципы исследования текста.¹²

В 60-70-е годы 20 века в процессе исследования сущности текста утверждается его место в системе «язык – речь»: текст – *высшая синтаксическая единица*. В этот период текст квалифицируется как синтаксический знак, устанавливается его иерархическая структура, он

(1831), Ф.И. Буслаева «Историческая грамматика русского языка» (1868), А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (1914), А.А. Шахматова «Синтаксис русского языка» (1925).

⁸ См., например, В.В. Виноградов «О теории художественной речи», Г.О. Винокур «Филологические исследования: Лингвистика и поэтика».

⁹ Винокур О.Г. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 138.

¹⁰ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 26.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

рассматривается с точки зрения плана содержания и плана выражения, в функциональном и коммуникативном аспектах, а также с позиций моделирования и др. Лингвисты и философы видят в тексте особую сущность, которая порождается и функционирует в коммуникации и трансляции, а потому, делается вывод, его [текст] необходимо описывать с учётом связей языкознания с психологией, социологией, теорией коммуникации, семиотикой, логикой и другими гуманитарными науками.¹³ Таким образом, текст признаётся и единицей, формирующей высший – синтаксический – уровень языковой системы, и единицей речевой коммуникации. Эта «двухвекторность» текста определяет его как объект исследования и лингвистических, и междисциплинарных наук.

Современные исследователи квалифицируют текст как *высшую реалию языка*, а лингвистика текста, «понимаемая широко», является, по словам Л.А. Новикова, одним из «магистральных направлений мировой науки о языке XXI века».¹⁴

Лингвистическая теория текста обогащается новыми фактами и положениями. И.Р. Гальперин, например, определяет текст как «данность, имеющую свои, присущие только ей *параметры* и *категории*».¹⁵ К таковым автором отнесены следующие:

- *информативность* – степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли;

- *членимость* – наличие дискретных единиц текста (сверхфразовое единство, абзац, раздел, параграф, глава и т.д.), обусловленных смысловым и коммуникативным единством и целостностью текста;

- *когезия* – грамматическая и лексическая связность текста или предложения, которая соединяет их в единое целое и придаёт им смысл;

---

¹³ См., например, *Щедровицкий Г.П.* Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 12-28.

¹⁴ *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. М.: Русский язык, 1988. С. 9.

¹⁵ *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. С. 135.

- *континуум* («непрерывность») – текстовая категория, проявляющаяся в разных формах течения времени и выражающаяся, прежде всего, через видо-временные формы глагола;

- *автосемантия отрезков текста* – относительная независимость, самостоятельность отрезков текста по отношению к содержанию всего текста или его части;

- *ретроспекция* (указание на прошлое) и *проспекция* (указание на будущее);

- *модальность* – выражение в тексте отношения автора к сообщаемому (концепции, точки зрения, позиции, ценностные ориентации);

- *интеграция* – объединение всех частей текста с целью достижения его целостности;

- *завершённость текста*.

Таким образом, текст представляется предметом лингвистической теории в системе своих сущностных свойств и категорий.

В настоящее время продолжается процесс концептуализации предмета исследования, и происходит это во многих случаях на «стыке» разделов языкознания, разных наук, в зонах пересечения различных отраслей знания – в междисциплинарных и комплексных исследованиях. Данный факт является отражением логики языкового бытия, о котором точно сказал О.Г. Винокур: «...Но занимаемся ли мы биографической, психологической или историко-литературной интерпретацией индивидуальных явлений языка,.. мы всякий раз выходим за пределы лингвистики и имеем дело с проблемами, которые не могут считаться принадлежащими собственно языковедению».¹⁶ Задачей лингвистики является собирание данных языка, их анализ и интерпретация, после чего лингвистика «предоставляет их... в распоряжение различных наук, во всём этом заинтересованных».¹⁷

Одной из таких «заинтересованных» наук стала юридическая лингвистика, сложившаяся к концу 20 века на базе юриспруденции и языкознания.

---

¹⁶ Винокур О.Г. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 129.

¹⁷ Там же. С. 138.

1.3. Текст как объект и предмет юридической лингвистики

Одним из главных объектов юридической лингвистики (юрислингвистики) является текст в его коммуникативной сущности, и, в отличие от других гуманитарных наук, рассматривающих текст тоже с позиций теории коммуникации (например, социолингвистика, психолингвистика, герменевтика и др.), предметом юрислингвистики выступает текст в его отношении к праву и субъектам правоотношений.

Эту относительно молодую науку (более подробно материал о юрислингвистике излагается в 3 параграфе 2 главы данного пособия) интересуют самые разнообразные проблемы лингвоправового пространства: от порождения юридического текста, трансформаций в нём естественного языка и связанных с ними особенностей юридического стиля – до вовлечения в правовую сферу высказываний спорного характера, оказывающихся в центре внимания правоведов и лингвистов, когда речь идёт о безопасности государства (тексты экстремистско-террористической направленности) и защите прав личности (например, инвективные тексты).

Собственно юридические тексты (законы, указы, постановления, нормативные инструкции и др.) реализуют интересы индивидов, общества и государства с помощью *языка права* и отличаются от иных текстов, попадающих в юридическую сферу, предписывающим характером, признаком долженствования, т.е. *модальностью*: языковые единицы нормативных текстов имеют модальные компоненты значений *'нужно', 'должно', 'необходимо'*, что является основным средством выражения императивной сущности языка права. Юрислингвисты определяют это свойство как важнейшую функцию языка права – функцию долженствования.

Таким образом, право, основной функцией которого является регулирование общественных отношений путём установления позитивных правил поведения, через язык воздействует на сознание и поведение людей, побуждая их вести себя должным образом.

Наряду с модальностью текст правовых документов как предмет юрислингвистики обладает и другими существенными признаками: *своеобразное языковое выражение* (лингвистической специфике юридического текста посвящена 3 глава данного пособия), *определённая организация* (структура), *специальные принципы и правила создания*,

конструирования и выражения. Всё это рассматривается в рамках законотворческой техники – техники «письма» закона, а также напрямую связано с интерпретацией текста закона. Следовательно, язык в этих ситуациях выступает как «инструмент» создания и понимания нормативного правового документа. Данными вопросами занимаются такие современные исследователи, как В.М. Баранов, Н.Д. Голев, Н.А. Влащенко и др.

Юридические тексты имеют важное значение в нашей жизни, в жизни правового государства и являются «неотъемлемым элементом правовой и языковой культуры общества».¹⁸

Итак, юридический текст является основной, важнейшей формой выражения права и в этом качестве выступает как объект и предмет юрислингвистики.

В сфере юрислингвистических исследований оказываются и тексты неюридического содержания – в ситуациях, когда язык становится средством применения закона, объектом и предметом экспертной деятельности. Спорные тексты требуют комплексного решения экспертных задач в процессе анализа по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также о преступлениях экстремистской направленности (об этом подробнее говорится в 4 главе данного пособия). Если правонарушения такого рода совершаются посредством речи, устной или письменной, то *corpus delicti* [«состав преступления»] содержится в самом тексте: «никаких других источников доказательств по делам этой категории быть не может... всё в тексте».¹⁹

¹⁸ Щербакова Л.П. Юридические тексты: Опыт грамматико-типологического описания: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2007. С.3.

¹⁹ См. Актуальные проблемы права и СМИ: Материалы Первой российско-американской конференции / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. Центр «Право и средства массовой информации». Серия «Журналистика и право». Выпуск 7. М.: Право и СМИ, 1997.

Вопросы и задания

Ответьте на контрольные вопросы

1. Почему язык называют универсальным средством коммуникации?
2. Какие типы информации передаются посредством текста?
3. Существует ли текст вне коммуникативного пространства?
4. В каких ипостасях текст выступает как предмет исследования различных научных направлений?
5. Какие идеи классической риторики и филологии в первоначальный период их развития оказались существенными для складывания и развития теории текста в 19–20 вв.?
6. Составьте перечень категорий текста, заложенных в его определении.
7. Какие, на Ваш взгляд, функции естественного языка обнаруживаются в правовой сфере социальной жизни?
8. Какие признаки характеризуют текст как объект и предмет юрислингвистики?

Выполните практические задания

1. **Озаглавьте текст, сформулируйте его основную мысль. Определите тип речи и стиль текста.**

Изучение языка в его функционировании, заметно активизировавшееся в последнее время, выдвигает на передний план в качестве объекта изучения не только систему языка (лексика, грамматика, словообразование, фонетика), но и сам текст – результат речевой реализации языковых единиц разных уровней, в которых такие единицы тесно связаны и взаимодействуют.

Именно текст был той реальностью, которая органично объединяла не только разные аспекты языка, но, по существу, и смежные науки: языкознание, литературоведение, историю, направленные на один и тот же объект.

Обращение к тексту, к синтезу языковых единиц разных уровней (к их межуровневым связям) способствует осознанию единства филологии на современном этапе развития языкознания. Лингвистика текста, понимаемая широко, – одно из магистральных направлений мировой науки о языке XXI века.

Л.А. Новиков.

2. Одним из требований, предъявляемых к юридическому тексту, является недопустимость *эмоциональной* (субъективной) оценки высказывания. При этом в правовом тексте нередко возникает необходимость *рациональной* (логической, связанной с интеллектуальным анализом) оценки содержания.

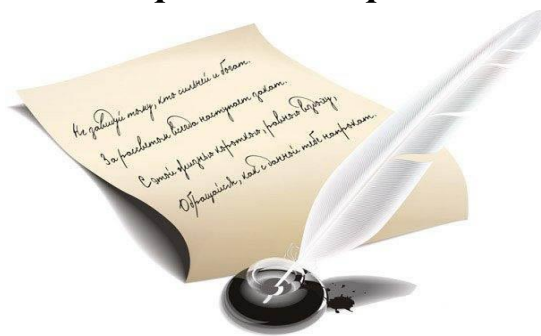
Определите, какие прилагательные выражают рациональную оценку:

проблемный, удивительный, актуальный, оптимальный, интенсивный, всесторонний, замечательный, значимый, злободневный, принципиальный, кардинальный, достоверный, реальный, фундаментальный, великолепный, систематический, достоверный, углублённый, исчерпывающий, аналогичный, роскошный, изученный, тождественный, результативный, блестящий, скудный, недостаточный.

3. Потренируйтесь в грамматически правильном оформлении предложений: согласуйте подлежащее и сказуемое, выбрав из скобок «нужную форму» сказуемого:

1. Большинство российских предприятий (приняло – приняли) участие в международной выставке.
2. За минувший год в городе (построено – построены) десять новых зданий.
3. На собрании директоров (было обсуждено – были обсуждены – был обсуждён) ряд вопросов.
4. Те, кто (занимается – занимаются) юриспруденцией, (знаком – знакомы) с понятием «юснатурализм».
5. Цель работы была (понятная – понятна).
6. Двадцать три сотрудника института (прошли – прошло) переподготовку в связи с новыми требованиями к современному специалисту.

Лингвоюридическая разминка

Поставьте ударение и произнесите слова в соответствии с орфоэпическими нормами

намерение, исчерпать, осведомиться, юриспруденция, термин, диспансер, корысть, гражданство, менеджмент, укрепит, договор, позвонит, позвонят, повторенный, лекторов, начать, значимость, намерение, договоренность, сироты, оптовый, исключит, дефис.

Найдите и исправьте ошибки (предложения взяты из реальных юридических документов)

- 1. За последнее время разработаны и приняты законы по некоторым важным проблематикам нашей жизни.*
- 2. Очистные сооружения, которые сооружаются на территории района, помогают частично решить экологические проблемы.*
- 3. В заключение слово для доклада представили ректору университета.*
- 4. Наличие трудового стажа имеет большую роль.*
- 5. Заводу был представлен продолжительный кредит.*
- 6. В настоящее время законодательная база местного самоуправления находится в крайне ужасном состоянии.*
- 7. Факты говорят за возможность использования...*
- 8. Согласно нормативных требований на изделии должно быть указано наименование и реквизиты изготовителя, дата изготовления...*

9. Читая современные научные журналы, пробуждается интерес к профессии.
10. По истечению положенного срока команда вернется в лагерь.

Нормы правописания

Вставьте пропущенные буквы

Перечисле...ые на счёт средства, полотна...ая скатерть, карти...ая галерея, обжалова...ое решение, наложе...ое взыскание, взыскание наложе...о, во...становление, ра...торжение, соб...рание док...зательств, обесп...чение гр...жданского иска, нал...жение ареста, соч...тать, возр...ст, ра...ход, ра...дел, и...числение, во...буждать, ра...бирательство, пр...мирение сторон, в прот...коле изл...гаются, судебные издержки возл...гаются на осужденных или прин...маются на счёт государства, служебное пол...жение, пр...ступность, пр...общаться, непр...миримость, пр...менение, пр...сечь, пр...влечение.

Расставьте знаки препинания

1. Лицо не являющееся субъектом преступления специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса участвовавшее в совершении преступления предусмотренного этой статьёй несёт уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора...

2. Если между супругами нет соглашения о том при ком из них будут проживать дети после расторжения брака и в каком размере будут выплачиваться средства на воспитание детей суд обязан при вынесении решения о расторжении брака определить при ком из родителей и кто из детей остаётся а также с кого из родителей и в каком размере взыскиваются алименты на содержание детей.

3. Как установлено в суде Васильев разбил окна в магазине.

4. Занятие врачеванием как профессией лицом не имеющим медицинского образования наказывается исправительными работами.

5. Как старшина он мог принять за всех повестку быть представителем юридического лица – деревни.

6. Музафаров вырвался от удерживавшей его перепуганной беременной жены перепрыгнул через ряд и попытался задержать убийцу убежавшего из зала.

7. Лещук объявила знакомым что секрет излечения всех болезней она унаследовала от умершего недавно профессора Пестушкевича владевшего частными лечебницами в Варшаве Кракове и Познани.

8. Лицо совершившее преступление подлежит уголовной ответственности независимо от происхождения социального должностного или имущественного положения расовой и национальной принадлежности пола образования языка отношения к религии рода и характера занятий места жительства и других обстоятельств.

2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА И ЯЗЫКА

Язык является единственным материалом, первоэлементом, из которого создаются и оформляются все правовые категории...

А.А. Ушаков

2.1. Право и язык как социальные регуляторы

В настоящее время, в эпоху постнеклассической (термин В.С. Степина²⁰) науки, в период интеграции различных наук, появления новых междисциплинарных отраслей знания, в том числе юридической лингвистики, представляется обоснованным интерес к сопоставлению и сравнению систем, являющихся объектом подобных исследований.

Основанием для сравнения языковой и правовой систем, ставшими объектами юридической лингвистики, служит, прежде всего, то обстоятельство, что право и язык являются *формами общественного сознания* и одновременно *социальными регуляторами* (каждая, естественно, со своей спецификой). Можно говорить о том, что они находятся в отношениях взаимовлияния, взаимокоррекции и взаимообогащения.

Право и язык являются формами (каждая, естественно, со своей спецификой) общественного сознания и одновременно социальными регуляторами. Можно говорить о том, что они находятся в отношениях взаимовлияния, взаимокоррекции и взаимообогащения.

Порядок в обществе и его стабильность в значительной степени зависят от упорядоченности и устойчивости права, которое объективируется, становится позитивным только посредством языка.

Право является одним из основных социальных регуляторов. При этом оно, воздействуя на волю людей, определяет не только их поведение, но и функции языка, поскольку язык является «единственным материалом, первоэлементом, из которого создаются и оформляются все

---

²⁰ См. В.С. Степин Теоретическое знание: монография / В.С. Степин. – М.: Прогресс – Традиция, 2003. 744 с.

правовые категории».²¹ С помощью языка выражается и формулируется воля законодателя.

Право, санкционированное государством, изначально является социальным регулятором, тогда как язык возникает, по словам К. Маркса, «из настоятельной потребности [людей] общаться друг с другом», т.е. как средство коммуникации, взаимодействия индивидов и, вследствие этого, регулирования поведения людей.

Выступая регулятором поведения человека, язык оказывает большое влияние на духовное развитие индивида. То же самое можно сказать о праве, в системе которого заложены и отражаются общепринятые представления о моральных ценностях (о добре и зле, о должном и запретном и т.п.), воплощаются идеалы справедливости.

Язык, по Марксу, является «действительным сознанием». Следовательно, язык права отражает правовое сознание общества, в том числе и дефекты этого правосознания. Благодаря языку законодатель, интерпретатор, правоприменитель имеют возможность управлять мышлением и поведением людей. В зависимости от степени совершенства юридического языка зависит и степень и информационного воздействия права на общество и – в итоге – эффективность правового регулирования.

В современном мире формы регулирования поведения и отдельного человека, и общества в целом пополняются и обогащаются за счет развития техники и электроники, других достижений научно-технического прогресса. Так, средства массовой информации помимо своей основной функции – сообщения и информирования – зачастую выполняют и функцию запланированного воздействия со стороны государства на сознание людей. Таким образом, язык, посредством которого это осуществляется, становится инструментом формирования общественного мнения, массового сознания. Следовательно, в процессе осуществления контроля над сознанием людей регулируется поведение социума.

---

²¹ Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 15.

Расширились сферы, где язык реализует свою регулятивную функцию: это и названный уже сегмент СМИ, а также сферы рекламы, маркетинга, имиджелогии и др.

Важнейшими средствами осуществления языком регулятивной функции являются словесное внушение (в том числе нейролингвистическое программирование) и речевые манипуляции. Они достаточно эффективны, однако дуалистичны по своей сути и последствиям, поскольку могут быть как положительными, так и отрицательными.

Ярким примером взаимодействия языка и права как регуляторов социальной жизни являются ситуации, связанные с речевым этикетом. Так, неисполнение правил языкового (речевого) поведения (нежелание извиниться за проступок, обращение к незнакомому человеку на «ты», оскорбление и т.п.) может привести не только к обиде, но и ссоре, конфликту с нарушением правовых норм.

Итак, право и язык, являясь формами общественного сознания, всегда выполняют роль социальных регуляторов. При этом язык реализует данную функцию во всех сферах общественных отношений (область его приложения безгранична), тогда как право – только в наиболее важных для личности, общества и государства (это конституционные, управленческие, трудовые, финансовые, семейные отношения и т.д.).

2.2. Право и язык как нормативные системы

Как явствует из вышеизложенного (см. 1.1), анализируемые социальные феномены схожи в общих признаках, но различаются в рамках этих свойств своей спецификой.

Рассмотрим данное соотношение в проекции на понятие *система*. Право и язык являются, несомненно, системами, т.е. упорядоченными совокупностями взаимодействующих элементов, – это их объединяет. Однако более детальный анализ обеих систем показывает, что данное понятие [система] оказывается двойственным: в отношении языка мы используем понятие *система* для обозначения объективно существующего социального феномена; применительно к праву система понимается как субъективная модель реальности. Получается,

что о языковой системе мы говорим в *дескриптивном* (описательном) аспекте, а о правовой – в *конструктивном* («создаваемом»).

Система языка характеризуется меньшей степенью монолитности и упорядоченности (в ней на всех уровнях существуют центр и периферия, где постоянно совершаются различные переходные, диффузные процессы). Система права – жесткая, строго нормативная; ее элементы и структурные взаимосвязи predeterminedены волей государства. Подобные отношения между элементами правовой системы можно определить как отношения *негэнтропии*, тогда как между элементами языковой системы возможны намного более «свободные» отношения – отношения *энтропии*.

И праву, и языку, как любым системам, присуще свойство *иерархичности*. Указанный признак означает наличие определенных моделей в связях и отношениях между элементами. Модели эти различны; в методологии выделяют три основных типа: 1) иерархия подчинения – низший элемент зависит от высшего; 2) иерархия подключения – один элемент подключается к другому, и они вместе составляют единое целое; 3) иерархия включения – меньшее включается в большее и реализует свои функции в нем.

Иерархия правовой системы относится к первому типу: отношения между ее элементами – это отношения соподчинения, заданные юридической силой определенной нормы. Подобные отношения обусловлены иерархичностью органов, уполномоченных на создание и издание правовых норм. Так, российское право характеризуется жесткой иерархией нормативных правовых актов как по вертикали (вертикальная иерархия), так и по горизонтали (горизонтальная иерархия). Эта иерархия законодательных актов РФ обусловлена определенной совокупностью факторов, посредством которых теоретически обосновывается необходимость придания одним актам (их видам) более высокой юридической силы, чем другим.

На вершине вертикальной иерархии находится Конституция РФ, которой не должны противоречить все нижестоящие нормативные правовые акты. Далее – Федеральные Конституционные законы и Федеральные законы, которым не должны противоречить следующие ниже

Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, акты министерств и ведомств, затем – акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, и, наконец, в основании «пирамиды» расположены акты органов местного самоуправления, локальные нормативные акты. Горизонтальная иерархия отражает дифференциацию нормативных правовых актов по субъектно-территориальному признаку. Например, локальные акты субъектов Федерации являются равными по юридической силе, однако правовое регулирование на их основе осуществляется только на территории соответствующего (их издавшего) субъекта.

Система языка характеризуется иерархией включения: «...самые низшие единицы языка (звуки, фонемы) реализуют свои функции в единицах следующего уровня, т.е. в морфемах, из которых в свою очередь образуются слова, из слов составляются предложения и т.д.»²². Такие иерархические связи называют также отношениями средства и функции: звуки и фонемы реализуют свои функции в морфемах; морфемы функционируют, обнаруживая свое значение, в словах; слова выявляют свое значение (и лексическое, и грамматическое) в словосочетаниях, которые являются «строительным материалом» для предложений.

Право и язык – системы нормативные, устанавливающие определенные модели социального поведения. Однако природа **нормативности** у этих систем разная.

Языковая норма – это совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой системы (правила произношения, словообразования, формообразования, словоупотребления и т.д.), закрепленных в процессе социальной коммуникации. Нормы языка складываются как результат социально-исторического отбора языковых элементов из числа существующих, создаваемых или взятых из пассивного запаса и возводимых в разряд правильных, общеупотребительных. Развитие языка является, в сущности, развитием и совершенствованием его норм в соответствии с потребностями социума и в

---

²² Введенская Л.А., Червинский П.П. Теория и практика русской речи. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. С. 31.

силу внутренних закономерностей развития самой языковой системы. Следовательно, в отношении языковой нормы можно говорить о ней как о социально-исторической и собственно лингвистической категории. Подобно юридическим нормам нормы языка подразделяют на императивные и диспозитивные. Императивные – такие, нарушение которых расценивается как плохое, слабое владение языком (например, нарушение правил склонения, спряжения). Эти нормы не допускают вариантов. Диспозитивные нормы, напротив, допускают варианты – стилистические (например, нейтральное *в отпуске* и разговорное *в отпуску*, нейтральное *мучит* и разговорное *мучает*) или грамматические (например, *клавиша* и *клавиш*, *колени* и *коленка*). Однако лингвистические нормы лишены санкций, аналогичных санкциям правовых норм; если же нормы языка обеспечиваются силой государственного принуждения, то в такой ситуации речь уже идет о поглощении языковых норм правовыми (например, административные нормы об ответственности за речевое оскорбление).

Соблюдение людьми норм обеих систем имеет разные основания. Нормы права в большинстве случаев соблюдаются осознанно – соблюдение языковых норм (по крайней мере, образованным, культурным человеком) происходит на бессознательном уровне.

Различаются правовые и языковые нормы и в плане генезиса: первые устанавливаются и санкционируются государством, публичной властью; вторые формируются в процессе длительной эволюции национального языка и общественного сознания. Государство при всех своих возможностях и желании не в силах отменить, изменить или упразднить какой-либо язык.

Определяя общее и в этих рамках различное в системах права и языка, можно анализировать и другие признаки системности, такие, как динамизм, открытость, парадигматические и синтагматические отношения, диахрония и синхрония и др. Однако при всей многомерной характеристике рассматриваемых систем акцентируем внимание на двух существенных свойствах, каждое из которых является уникальным для соответствующей системы – это ***знаковость языка*** и ***государственно-властный характер права***.

Любой язык является знаковой системой – упорядоченной и иерархизированной совокупностью определенных знаков. Единого подхода к определению понятия знака ни в отечественной, ни в зарубежной семиотике не выработано, поэтому остановимся на том, что в самом общем смысле любой знак есть объект, наделенный некоторым значением. Всякая знаковая система есть язык (в широком понимании), поскольку он является универсальным средством человеческой коммуникации, средством хранения, накопления и передачи информации. В свете этого можно говорить о том, что знаковость – уникальное, присущее только языку свойство. Все другие явления идеального порядка (например, философия, эстетика, право) объективируются через язык.

Уникальным признаком права является его государственно-властный характер. Этот признак права обусловлен и генетически, и онтологически. В настоящее время из всех социальных нормативных систем только право в полной мере наделено государственно-властным характером.

Таким образом, многие признаки системности являются общими для права и языка, и в каждой из систем эти общие признаки наполняются особым содержанием. При этом обе системы обладают уникальными свойствами: для права – это государственно-властный характер, для языка – его знаковость.

2.3. Юридическая лингвистика как отрасль знаний

В обществе сформировался социальный заказ на исследование юридического аспекта языка. Язык имманентен праву, и их стихийное сосуществование, долгое время не замечаемое, нуждается в изучении и переводе в регулируемый процесс. Это касается всех стадий существования права – от правотворчества до реализации права.

Социальная значимость юридического функционирования языка обусловила необходимость разработки теоретических основ и практических моделей юридизации языко-речевых явлений. В настоящее время эти задачи успешно решает юрислингвистика.

На сегодняшний день юридическую лингвистику определяют по-разному:

- 1) лингвистическая дисциплина, объектом которой является сфера взаимодействия языка и права;
- 2) междисциплинарная отрасль знаний, объектом которой является юридический аспект языка;
- 3) научная дисциплина, объектом которой являются взаимоотношения языка и права;
- 4) особый раздел социолингвистики.

Объект юридической лингвистики – взаимоотношения языка и права.

Предмет юридической лингвистики – язык в различных отношениях, возникающих в зоне пересечения языка и права, а именно:

- описание, анализ юридического языка как важнейшего элемента законотворческой деятельности и толкования закона;
- юридическое регулирование конфликтов, связанных с использованием языка (оскорбление, речевые манипуляции, призывы к насилию, плагиат и т.п.);
- регулирование социально-языковых внутригосударственных отношений в многонациональном государстве (проблемы государственного языка, языка межнационального общения, лингвоэкологии и т.п.) и межгосударственных отношений;
- терминологическое, переводческое обеспечение юридической деятельности;
- лингвистическое образование специалистов в области права;
- лингвоюридическое просвещение населения;
- изучение языко-правового сознания.

Изучение вопросов взаимодействия языка и права имеет давнюю историю. Юристы Древнего Рима говорили, что «право может и должно быть определенным», - это задача, которую и призвана решать юрислингвистика, а именно: юридический текст должен быть точным по своему содержанию и одновременно понятным.

В конце 20 века начали осуществляться попытки интегрировать исследование данных вопросов в разных аспектах, в разных объемах и под различными терминами:

1968 г. – Дж. Свартвик «Forensic Linguistics» (судебная лингвистика) (г. Гетеборг, Германия);

1976 г. – Адальберт Подлех (Германия): правовая лингвистика – совокупность всех методов и результатов исследований, которые касаются вопросов связи языка и правовых норм и отвечают требованиям современной лингвистики;

1997 г. – сборник «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности» под ред. А.А. Леонтьева (Россия); в этом коллективном труде было доказано, что обозначенные в заглавии понятия, хотя и используются в тексте закона, не являются строгими терминами, и это обстоятельство существенно затрудняет судебное разбирательство и обслуживающую его экспертную деятельность.

С этого времени постепенно реализуется задача выработки единых правил и критериев судебно-экспертной деятельности.

1999 г. – Н.Д. Голев (г. Барнаул, Алтайский край): юрислингвистика и лингвоюристика; их объектом являются взаимоотношения языка и закона: отношение языка к закону изучает юрислингвистика, а закона к языку – лингвоюристика; юридический аспект языка – предмет юрислингвистики, языковые аспекты права – лингвоюристики;

2011 г. – конгресс МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы) в г. Шанхае (Китай): отмечено появление новой лингвистической дисциплины – юрислингвистики (судебного речеведения), главное направление деятельности – разработка теоретической базы для проведения лингвистической экспертизы.

Другие наименования данной междисциплинарной науки: судебная лингвистика, юридическая лингвистика, лингвокриминалистика, грамматика права, правовой синтаксис и др.

Такое разнообразие терминов говорит, во-первых, о необходимости выделения науки, объектом которой является стык языка и права, и во-вторых, о том, что данная дисциплина находится пока на начальном этапе своего становления.

В центре внимания юрислингвистов – следующие направления:

1. Лингвоконфликтология – изучение конфликтов в языковой сфере, прежде всего тех, которые регулируются правовыми нормами.

2. Юридиколо-лингвистическая герменевтика (герменевтика – искусство толкования и понимания текстов) – изучение устройства, функционирования юридического языка, особенности восприятия и понимания юридических текстов.

3. Лингвистическая экспертология – изучение теоретических основ судебной лингвистической экспертизы, разработка методического обеспечения проведения судебной лингвистической экспертизы. Данное направление находится в центре внимания отечественной юрислингвистики.

На периферии научных изысканий:

1. Ортологические (греч. orthos – прямой, правильный и logos – слово, учение) и суггестивные (суггестия – внушение) аспекты речевой деятельности (речевое поведение судьи, адвоката и других участников правовой коммуникации; соответствие языка нормативных правовых актов нормам современного русского языка).

2. Юридическая техника – совокупность средств, принципов, приемов, правил, которые используются для создания, оформления и издания нормативно-правовых, правоприменительных, интерпретационных и иных актов.

Несколько слов о юридической лингвистике в России. В 2001 г. в Алтайском государственном университете открывается новая специализация – «Лингвокриминалистика», а с 2004 г. юридическая лингвистика активно включается в систему российского высшего образования. Значительным шагом вперед является утверждение специализаций «филологическое обеспечение документообращения», «...журналистики», «...редакционно-издательской деятельности», «...искусствоведения», «менеджмент в филологической деятельности» в перечень

наименований специализаций по специальности 021700 – «Филология» Пленумом НМС по филологии УМО университетов РФ. В 2001 году в этот перечень уже была включена специальность «Лингвокриминалистика». Естественной на этом фоне выглядит и номинация «филологическое обеспечение профессиональной коммуникации (юридическая лингвистика)».

За последние 20 лет в России сформировалось и успешно функционирует несколько юрислингвистических центров:

С 1999 г. – Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей, возглавляемая проф. Н.Д. Голевым (г. Барнаул).

С 2001 г. – ГЛЭДИС – Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (г. Москва); председатель – доктор филологических наук, проф., академик М.В. Горбаневский.

С 2010 г. – СИБАЛЭКС – Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (гг.. Кемерово, Новосибирск, Барнаул), на базе которого действует центр «Лексис» - региональная общественная организация. Коллектив "Лексис" фактически является российским центром, аккумулирующим юрислингвистическую и лингвоюридическую научную и практическую деятельность в их единстве.

С 1999 г. выходит ежегодник «Юрислингвистика» (всего 11 выпусков), традиции которого с 2012 г. продолжил научно-практический журнал «Юрислингвистика» (учредитель – СИБАЛЭКС).

2.4. Объективация права в аспекте юридической лингвистики

Существование позитивного права возможно только благодаря языку, который оформляет правовую (и в первую очередь законодательную) мысль в соответствии со своими лексическими нормами и грамматическими законами.

Право как нормативная система существует в двух ипостасях: как идеальное бытие (правовые суждения законодателя) и как наличное бытие (позитивное право). Переход из одной ипостаси в другую обеспечивается актом выражения нормативного суждения в знаках того или иного языка.

Будучи результатом волеизъявления государства, нормативное суждение суть форма мысли законодателя, его умозаключение. В таком «виде» оно не может быть сообщено другим субъектам, не может быть познанным, интерпретированным и, следовательно, примененным.

Норме права для обретения наличного бытия, возможности служить социальным регулятором необходим момент воплощения, реализации, объективации нормативного суждения. Таким моментом является обозначение правовой нормы знаками языка. О важности значения этого «перехода» писал еще Томас Гоббс в «Левиафане»: «Гражданским правом являются для каждого подданного те правила, которые государство устно, письменно или при помощи других достаточно ясных знаков своей воли предписало ему, дабы он пользовался ими для различения между правильным и неправильным»²³.

Однако в свете сказанного думается, что понимать язык только как инструмент, посредством которого сознание обретает определенную форму, было бы сильным упрощением.

Г. Гегель писал: «Именно сила языкового выражения как такового осуществляет то, что должно быть осуществлено. Ибо язык есть *наличное бытие* чистой самости как самости; в нем *для себя сущая единичность* самосознания как таковая вступает в существование в том смысле, что она есть *для других*»²⁴. Итак, язык является не только оболочкой мысли, которая придается ей в момент выражения; язык – это и структура мысли, неразрывно с ней связанная.

Именно поэтому вполне закономерно утверждение, что свой бытийный («наличный») статус право приобретает через посредство языка. Следовательно, правовые нормы могут считаться объективно существующими только тогда, когда они облекаются в форму нормативных высказываний. Эта форма структурируется языком в соответствии с его грамматическими законами и правилами.

---

²³ Гоббс Т. Сочинения. М., 1991. Т. 2. С. 205.

²⁴ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. / Г.В.Ф. Гегель; пер. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992. С. 272.

Правовая норма, представляя собой в плане содержания законченную мысль, суждение, в процессе объективации (перехода права из идеального бытия в наличное, позитивное) получает план выражения в форме единицы высшего языкового уровня (синтаксического) – предложения. Оформление это происходит, как уже говорилось, по законам и правилам грамматики данного языка. При этом наложение определенной синтаксической конструкции на нормативную семантику не проходит бесследно для собственно предложения – его природа меняется: оно обретает государственно-властный характер. И перед нами теперь результат объективации права – нормативное высказывание.

Вопросы и задания

Ответьте на контрольные вопросы

1. Что объединяет право и язык в качестве социальных регуляторов, а что различает их в этой функции?
2. Какие признаки системности являются общими для права и языка, а чем в рамках общих признаков различаются эти системы?
3. В чем проявляется уникальность каждой из систем?
4. Какие термины используются для именованя синкретичной научной дисциплины, возникшей в зоне пересечения языка и права?

5. Что является объектом и предметом юридической лингвистики?
6. Какие ученые внесли (и вносят) вклад в становление и развитие юридической лингвистики?
7. На каких аспектах сосредоточено основное внимание отечественной юрислингвистики? Совпадают ли эти аспекты с интересами зарубежных юрислингвистов?
8. Какие факты свидетельствуют о включении юридической лингвистики в систему высшего образования в России?
9. Сформулируйте дефиницию юридической лингвистики.
10. Каковы уровни (ипостаси) существования права?
11. В чем заключается суть процесса объективации права?
12. Что общего у нормативного (правового) высказывания и предложения как синтаксической единицы? В чем их различие?

Выполните практические задания

1. Составьте таблицу «Право и язык: общее и различное в рамках двух систем».
2. Выпишите из словарей лингвистических и юридических терминов определения понятия «норма». Сравните их. Что общего и различного в этих определениях?
3. Выберите из словаря юридических терминов три слова и опишите их значения в юридическом аспекте и обыденным языком.
Образец: Оскорбление: в юридическом аспекте – преступление, заключающееся в умышленном унижении чести и достоинства человека, выраженном в неприличной форме; в обыденном понимании – нанесение тяжелой обиды, сильного унижения.

Лингвоюридическая разминка

Поставьте ударение и произнесите слова в соответствии с орфоэпическими нормами:

ходатайство, исковое (заявление), истица, обеспечение, судей, репрессия, договорные, аффект, алкоголь, красивее, кодекс, полосу (в.п.), осужденный, она не права, вы не правы, уведомить, резюме, документ, изобретение, усугубить, декада, принудить, ходатайствовать, регулирование, языковые ошибки, средства, процедура, академический, сессия, договор, договоры, сформулировано, дактилоскопия, квартал, вменишь в вину, осужден.

Найдите и исправьте ошибки (предложения взяты из реальных юридических документов)

- 1. Обвинительное заключение по делу Ивановой, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ.*
- 2. Я спустился в подвал и встретил там мешок с двумя раковинами.*
- 3. Подсудимый Нуразбаев стал пинать ногами потерпевшую.*
- 4. СКР проверит действия допустивших умершего пилота к рейсу медиков (Яндекс – новости).*
- 5. В результате освидетельствования гр-ну Левдову причинены лёгкие телесные повреждения.*
- 6. Необходимо направить его на принудительное лечение от алкоголя.*
- 7. Для исследования предоставлены два стакана под №№ 1, 2.*
- 8. Поступило сообщение: пьяный муж жену дебоширит.*
- 9. Уголовное дело производством прекратить.*

10. Благодаря преступным действиям был причинён значительный материальный ущерб.

Нормы правописания

Вставьте пропущенные буквы

Гр...бёж; от...гчающие ответстве...ость обст...ательства; пр...гот...вление; пр...сп...собление; рец...д...вист; пол...жение, соч...тать, возр...ст, изб...рают, прич...тающаяся, нарк...тические вещ...ства, пл...вучие средства, захор...нение, хр...нение, пр...терпеть, пр...взойти, и...требление, пр...своение, ра...бой, пр...в...легии, бе...порядки, (з, с)быт, бе...действие, в...рывы, отн...шение к р...лигии; предст...вители иностранных г...сударств; изв...щаются, просв...щение, уд...ржание, подтв...рждение, уд...черение, следстве...ый эксперимент, жизне...о необходимый, подозреваемые задержа...ы, задержа...ый пр...ступник, ране...ый кабан, ране...ый в ногу боец, ведомстве...ые интересы, осуждё...ый на пожизне...ое заключение, да...ые обстоятельства, мыши...ый цвет, умышле...ое убийство, несовершеннолетние дети, новорождё...ый ребёнок, обвинения предьявле...ы, имуществе...ое пол...жение, зако...ые требования, рва...ые раны, рва...ый в нескольких местах полушубок, отчая...о сопротивляться, на беше...ой скорости, купле...ые вещи.

Расставьте знаки препинания

1. Вещественными доказательствами являются предметы которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления или были объектами преступных действий обвиняемого а также деньги и ценности нажитые преступным путём и все другие предметы которые могут служить средствами к обнаружению преступления.

2. Не является преступлением действие совершённое при защите личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства.

3. Все изымаемые предметы и документы а равно всё описываемое имущество должны быть перечислены в протоколе или приложенной к нему описи с точным указанием количества меры веса или индивидуальных признаков и по возможности их стоимости.

4. Лицо совершившее преступление в состоянии опьянения вызванном употреблением алкоголя наркотических средств или других одурманивающих веществ подлежит уголовной ответственности.

5. Налогоплательщики формирующие резервы предстоящих расходов направляемых на цели обеспечивающие социальную защиту инвалидов обязаны представлять отчёт в налоговые органы о целевом использовании этих средств.

6. Работнику выполняющему у одного и того же работодателя наряду со своей основной работой обусловленной трудовым договором дополнительную работу по другой профессии (должности) или исполняющему обязанности временно отсутствующего работника без освобождения от своей основной работы производится доплата за совмещение профессий.

7. Специалист обязан явиться по вызову участвовать в производстве следственного действия используя свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении и закреплении и изъятии доказательств.

3. ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО СПЕЦИФИКА

Юридические тексты отличаются от других текстов набором языковых особенностей, которые обусловлены прагматикой данных текстов, их функционированием в обществе.

Л.А. Борисова

3.1. Язык как иерархическая система

Для качественного юрислингвистического анализа правового текста (и неправового, но спорного, вовлечённого в юридическую сферу) необходимо знание и понимание системы языка.

Языку, о чем уже говорилось в первой главе (см. 1.2), как любой системе, присуще обязательное внутрисистемное свойство иерархичности – наличие определенных моделей во взаимосвязях одних элементов с другими. Язык – это иерархическая система с отношениями включения (или «средства – функции»). Здесь необходимо обратить внимание на то, что, в отличие от большинства известных систем, где взаимодействуют друг с другом однородные элементы, язык являет собой объединение разнопорядковых элементов. Вследствие этого языковую систему признают сложной структурой, в которой функционируют определённые подсистемы – ярусы, или уровни. Таким образом, уровень языка – это подсистема (ярус) общей системы языка, которая характеризуется наличием специфических единиц, функционирующих по определённым правилам, принципам и законам.

В языковой иерархической системе выделяются следующие уровни:

1) фонетический (фонематический); его единицами являются звуки и фонемы – одноплановые единицы, т.е. имеющие только план выражения и не имеющие плана содержания (звуки и фонемы ничего не обозначают, не имеют значения);

2) морфемный; его единицами являются морфемы – значимые части слова (приставки, корни, суффиксы, окончания и др.) – единицы двухплановые, имеющие и план выражения (каждая морфема представляет собой звуко-буквенный комплекс), и план содержания (каждая

морфема имеет свое значение, например, приставка *пре-*, которая может обозначать высшую степень качества или действия; суффикс *-оньк-/-еньк-* с уменьшительно-ласкательным значением);

3) лексический; его единицы – слова (лексемы), изучением которых занимается лексикология, рассматривающая их в аспекте лексического значения, т.е. смысла, предметно-понятийного содержания (например, *стол – предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на опорах*);

4) морфологический; его единицы – слова (словоформы – части речи), изучением которых занимается морфология, рассматривающая их в аспекте грамматического значения, т.е. с точки зрения их грамматических (частеречных) признаков (например, *протокол – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, мужского рода и т.д.*);

5) синтаксический; его единицами (разумеется, двуплановыми) являются синтаксемы - словосочетания и предложения (предложение – единица коммуникативная, т.к. служит средством общения).

Последние два уровня – морфологический и синтаксический – вместе составляют грамматику языка, образуют его грамматический строй.

Относительно недавно некоторые лингвисты предложили «достроить» языковую систему и выделить в ней ещё два уровня, следующие за синтаксическим, – текстовый и культурный. Однако большинство учёных считает, что указанные уровни выходят за пределы собственно языковой системы (об этом уже шла речь в первой главе настоящего пособия).

Надо иметь в виду, что выделение традиционных пяти уровней языка является результатом членения языка (речи) путём анализа, т.е. выделенные подсистемы – это не отдельные (например, исторические) этапы или стадии развития языка.

Анализ иерархических отношений в системе языка подтверждает, что перед нами иерархия включения (с отношениями «средства – функции»):

- звуки и фонемы, являясь средством для создания морфем, реализуют в них [в морфемах] свои функции;

- морфемы функционируют, обнаруживая свое значение, в словах, которые из них [из морфем] строятся;
- слова выявляют свое значение (и лексическое, и грамматическое) в словосочетаниях, которые, в свою очередь, являются строительным материалом для предложений.

Как видим, из всех единиц языковых уровней незначимыми оказываются только звуки и фонемы, остальные единицы – двуплановые, имеющие свое значение и способы его выражения. Поэтому на всех значимых уровнях языка (морфемном, лексическом, грамматическом – морфологическом и синтаксическом) в юридическом стиле имеются свои особенности.

3.2. Морфемные, лексические и морфологические особенности юридического текста

Из всех структурных языковых уровней наиболее значимыми для языка права являются лексический, морфологический и синтаксический.

Однако и морфемный уровень имеет некоторые особенности, впрочем, тесно связанные с морфологической спецификой юридического текста. Например, продуктивность суффиксов для образования отглагольных существительных: *-ниџ-* (задержание, опознание, голосование), *-ениџ-* (преступление, составление, исполнение), *-џиџ-* (реализация, оптимизация, активизация), *-к-* (проверка, доставка, поставка, котировка), суффиксов для образования отадеџективных (от имени прилагательного) существительных: *-ость /-есть* (ответственность, неприкосновенность, тяжесть); нулевая суффиксация (розыск, осмотр, допрос, прогул, отгул).

Обратимся теперь к лексическому уровню. Лексика – это открытая система, объединяющая разнообразные слова, которые образуют словарный состав языка. Всю лексику русского языка дифференцируют по различным критериям, в частности: по степени употребительности, по стилистической принадлежности, по происхождению, по сферам социального употребления и т.д. Каждый из перечисленных

критериев налагает определенные ограничения на употребление конкретных групп слов в юридическом тексте.

По степени употребительности лексика подразделяется на активную и пассивную (лексику ограниченного употребления). В активную лексику нормативного регулирования входят слова, необходимые для повседневного общения, а также слова, обозначающие общественно-политические понятия, и термины. Юридическая терминология – это слова и словосочетания, точно обозначающие определенное правовое явление. Эта терминология неоднородна и подразделяется на три группы:

1) общеупотребительные термины – слова литературного языка, без которых нельзя сделать законодательство и юриспруденцию в целом доступными для понимания (например, *жилое помещение, захват, доля*);

2) специальные юридические термины – слова, отражающие особенности государства и права как специфических социальных явлений и возникающих в процессе юрисдикционной деятельности (например, *правоотношения, подсудимый, прокурор, истец, деликтоспособность*);

3) специальные неюридические термины – термины других наук и отраслей, используемые в законодательстве и в юридической науке (например, *кибернетика, опциент, процедура банкротства, мониторинг окружающей среды, венерическая болезнь*).

В пассивный словарный запас входят устаревшие слова и неологизмы (новые слова). Их использование в юридических текстах нежелательно, однако иногда оно встречается. Так, использование устаревших слов (архаизмов – слов, обозначающих предметы и явления, имеющиеся в настоящем, но вытесненные из употребления более современными словами) объясняется, скорее всего, преемственностью правовых институтов и традиций. Например, в Постановлении ВС РФ от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О декларации прав и свобод человека и гражданина» читаем: «Перечень прав и свобод, закрепленных настоящей Декларацией, не является исчерпывающим и не *уменьшает* других

прав и свобод человека и гражданина». Глагол *уменьшать*, согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, относится к устаревшей лексике. От этого глагола образовано существительное *уменьшение*, которое нередко употребляется в нормативных актах, относящихся к правам и свободам человека, как, например, в Конституции РФ в ст.21: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его *уменьшения*». Что касается неологизмов, употребление которых, в общем, тоже нежелательно, то они оказываются неизбежными в нормативных текстах, если появляются в результате развития новых значений у многозначных слов (например, *база данных*) или для обозначения новых для данного языка понятий (например, *сертифицированные и несертифицированные системы*).

В аспекте стилистической стратификации все слова русского языка делятся на нейтральные и стилистически окрашенные. С этой точки зрения, стилистически окрашенные слова не характерны для языка закона.

В текстах нормативно-правового характера неизбежны явления полисемии, синонимии и омонимии, поскольку юридический стиль — одна из разновидностей стилей русского литературного языка.

К другим особенностям лексического уровня юридического дискурса можно отнести:

- языковые штампы (клише) — наборы стандартных выражений, лексических формул, сформировавшихся в результате многократного повторения типичных ситуаций в строго регламентированных процессах правотворчества и правоприменения: *входящие — исходящие документы, по истечении срока, настоящий Федеральный закон определяет, ..вступает в силу с;*

- слова и словосочетания, близкие к терминологическим: *договор о нижеследующем, именуемый в дальнейшем.*

Обращение к морфологическому уровню позволяет говорить о некоторых особенностях функционирования частей речи в правовом тексте.

Основное место в юридическом тексте занимают имена существительные (примерно 44%), как и в нашем обиходном языке. Однако

с точки зрения лексико-грамматических разрядов в языке права складывается иная картина. Если в обиходно-разговорной речи преобладают конкретные существительные (обозначающие конкретные предметы), то в текстах нормативно-правового характера доминируют абстрактные (отвлеченные) существительные, среди которых выделяются две основные группы: отадективные (образованные от имен прилагательных) и отглагольные (образованные от глаголов): *достоинство, ценность, необходимость, ответственность, неприкосновенность, нарушение, приведение, приобретение, прекращение, несоблюдение, непризнание, неуплата, реализация, вскрытие, защита, переговоры* и др.

Второй по употребительности частью речи является глагол. Спецификой нормативно-правовой конструкции является отсутствие глагольных форм 1-го и 2-го лица, поскольку текст закона или подзаконного акта носит неличный, несубъективный характер,

Из многих особенностей в сфере значения грамматических категорий глагола выделим наиболее яркие.

Специфика категории наклонения проявляется в том, что в анализируемых текстах отсутствуют формы повелительного и условного наклонений (в лингвистике их называют ирреальными наклонениями), т.к. нормативные тексты всегда должны отражать реальную действительность, например: «Народ *осуществляет* свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ч. 2, ст. 3 Конституции РФ).

В области категории времени интересным представляется отсутствие форм прошедшего и будущего времени (за редким исключением, в основном, в нормативных актах, регулирующих избирательные правоотношения). А формы настоящего времени имеют значение неактуального постоянного или абстрактного, поскольку в нормативных текстах законодатель указывает на такие факты, которые не ограничены каким-либо временным пределом. Например, «*Каждый имеет право на жизнь*» (ч.1 ст.70 Конституции РФ), «*Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью*» (ст.91). Такие формы

фиксируют то, что различные субъекты права постоянно и непосредственно реализуют свои субъективные права и выполняют юридические обязанности.

В функционировании других знаменательных частей речи в юридических текстах тоже наблюдаются некоторые особенности, но они довольно специфичны. А среди служебных частей речи особое внимание хотелось бы обратить на предлоги. В рассматриваемых текстах отмечается большой процент производных (в основном, образованных от имён существительных) предлогов, таких, например, как: *в связи с, в течение, в продолжение, в отношении, на основании, вследствие*. Это явление отражает общеязыковую тенденцию к развитию аналитизма и одновременно связано со стремлением законодателя обеспечить смысловую однозначность нормативных правовых высказываний, максимально детализировать законодательную мысль, поскольку производные предлоги в большинстве случаев полисемантичны (многозначны), а производные предлоги моносемантичны (однозначны).

3.3. Конструктивные (синтаксические) особенности юридического текста

На синтаксическом уровне в нормативно-правовом тексте обращают на себя внимание следующие особенности.

1. Утвердительные предложения с описанием должного порядка действительности.

Общеобязательные установления законодателя основаны на оценке сложившейся практики с позиции принципов равенства, гуманизма, свободы и справедливости. Нормативные высказывания в любой сфере правового регулирования оформляются в виде распространенных повествовательных предложений, которые содержат явное или подразумеваемое *должно быть* и имеют типовой набор элементов, соответствующий логической структуре нормы. Например, *Настоящий Федеральный закон определяет правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды. В соответствии с Кон-*

*ституцией Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, каждый обязан охранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам*²⁵.

2. Отвлеченные (обобщенные, абстрактные) грамматические формы и конструкции.

В силу того что нормативные правовые предписания общеобязательны и рассчитаны на многократное применение, в них используются наряду с лексическими и морфологическими средствами (например, абстрактные термины, глаголы с вневременным значением) пассивные синтаксические конструкции (страдательный залог), позволяющие подчеркнуть указанное в правовой норме действие, процесс в его отвлечении от субъекта и юридически незначимых обстоятельств. Например, *Агитация по вопросам референдума – деятельность, осуществляемая в период кампании референдума и имеющая целью побудить или побуждающая участников референдума поддержать инициативу проведения референдума*²⁶.

3. Неоднословные (многокомпонентные) сказуемые.

В сфере главных членов предложения интересной представляется область сказуемого. Простые глагольные сказуемые в юридических текстах встречаются нечасто и, как правило, они выражены безличными глаголами с постфиксом –ся: *гарантируется, запрещается, обеспечивается, допускается, осуществляется, направляется, охраняется* и т.п. Значительно большим количеством представлены различные формы непростых сказуемых: составные глагольные (*могут храниться, может применяться*), составные именные (*не является обязательным, прекращение дела возможно* – с нулевой связкой), многокомпонентные – три и более словоформы (*имеет право предъявить, вправе отказать* – с нулевой связкой, *должен быть поставлен в известность, могут быть соединены, вправе обратить внимание*). Осо-

---

²⁵ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133.

²⁶ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 22 мая 2002 г. 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.

бую группу представляют простые глагольные сказуемые, выраженные описательными глагольно-именными оборотами типа *подвергаться изменению* (изменяться), *нести ответственность* (отвечать), *принять решение* (решить), *оказывать воздействие* (воздействовать), *принимать участие* (участвовать) и т.п.

Использованием неоднословных сказуемых в текстах нормативно-правовых актов, по нашему мнению, достигается максимально детальное расчленение обозначаемых законодателем действий и процессов, что обеспечивает четкость, точность и ясность законодательной мысли.

4. Речевые стереотипы (фразы-клише).

В регламентированном процессе принятия правотворческих решений многие ситуации обладают высокой степенью повторяемости. Для их обозначения в языке правовых норм каждый раз используются одни и те же синтаксические конструкции с одинаковым лексическим наполнением. Например, *Федеральный закон... Принят Государственной Думой... Одобрен Советом Федерации... Настоящий Федеральный закон определяет... Настоящий Федеральный закон регулирует... Настоящий Федеральный закон вступает в силу с...* и т. п. В результате отдельные слова теряют свое самостоятельное значение, а фраза превращается в лексико-синтаксическое неделимое целое, легко воспринимается и быстро распознается при передаче той или иной типовой информации. Употребление штампов в юридических текстах закреплено традицией за официально-деловым стилем, главным образом, в канцелярско-деловой речи. Являясь необходимым конструктивным элементом нормативных и процессуальных актов, они широко применяются в официально-деловой письменной речи, осуществляемой в стандартных условиях. В них все определено, вплоть до лексического состава и порядка слов: *уголовное дело выделено в отдельное производство, предъявлено обвинение, виновность подтверждается, исследовать доказательство и пр.* Смысл подобных языковых стандартов ограничен и потому более точен. Как правило, их невозможно заменить каким-либо одним словом. Такие клише получили в юридической речи отпечаток правовой сферы общения. Являясь необходимым атрибутом юридического письма, они как

раз и обеспечивают точность, однозначность, экономичность и традиционную повторяемость каких-либо элементов языка, т. е. то, что составляет сердцевину официально-делового и юридического стиля, главная особенность которых заключается в наличии стереотипов. Вне рамок данного стиля, в других стилях общения, употребление этих штампов уже неуместно.

5. Языковые конструкции, необходимые и достаточные для содержательно-информационного объема предложения.

Для синтаксиса юридического текста характерно наличие языковых конструкций, увеличивающих содержательно-информационный объем предложения. Такого рода средства необходимы в юридическом языке для компактного изложения при условии полного и объективно правильного отражения государственно-правовой действительности. Содержательно-информационный объем высказывания увеличивается за счет однородных членов предложения, обособленных членов предложения, вставных конструкций (они оформляются в тексте с помощью скобок), придаточных предложений и других элементов, распространяющих и уточняющих смысл нормативного высказывания. Например, *Настоящий Федеральный закон регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле, в пределах территории Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации*²⁷. Синтаксическая сложность фраз обусловлена стремлением законодателя выразить в одном предложении все семантические оттенки мысли. Это касается и правоприменительных процессуальных актов, где, например, надо изложить все преступные действия, их признаки, причины и последствия, привести аргументы, подтверждающие виновность обвиняемого, обосновать выводы следователя, прокурора или судьи. И если в таких случаях разбивать сложное предложение на ряд простых (что

---

²⁷ Федеральный закон «Об охране окружающей среды».

иногда предлагают некоторые авторы), не так наглядна будет логическая связь правовых понятий, их взаимосвязанность.

6. Порядок следования компонентов нормативно-правового высказывания.

Большую роль в организации юридических текстов, в точном логическом выражении мыслей играет порядок слов – последовательное расположение всех компонентов предложения, – основной функцией которого является указывать на развертывание мысли от данного к новому, от неизвестного к известному. Высказывание с одним и тем же грамматическим составом может звучать, к примеру, так: *Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность* (ст. 22 Конституции Российской Федерации) или так: *На личную свободу и неприкосновенность имеет право каждый* – в зависимости от того, что мы хотим сообщить, какой смысловой акцент сделать: *кто* располагает данным правом или *каким* правом располагает.

Такое «приспособление» грамматической структуры предложения к задачам коммуникации называется *актуальным членением предложения*. Коммуникативный аспект исследования синтаксических явлений позволяет разграничивать синтаксические единицы на некоммуникативные (словоформы и сочетания слов) и коммуникативные (простые и сложные предложения, сложное синтаксическое целое, связный текст и др.). Для коммуникативного синтаксиса наиболее существенным свойством предложения является его способность выступать в качестве средства общения, т. е. коммуникации. При наличии актуального членения (его может и не быть, так как существуют нерасчлененные, с данной точки зрения, высказывания, но они нехарактерны для языка нормативно-правовых актов) в предложении выделяются «данное» (тема, основа высказывания) и «новое» (рема, предцируемая часть высказывания). Тема представляет собой предмет сообщения, то, о чем пойдет речь. Рема – часть, содержащая то, что сообщается о теме, т. е. заключает в себе основное содержание сообщения и является коммуникативным центром предложения. Например, *Юридические лица (тема) / являются участниками одной финансово-промышленной*

группы (рема); Положения настоящего закона, относящиеся к хозяйствующим субъектам (тема) / распространяются на группу лиц²⁸ (рема); Настоящий Федеральный закон (тема) / регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы²⁹ ... (рема); Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений (тема) / охраняются законом³⁰ (рема).

Важнейшим средством выделения коммуникативного центра высказывания является порядок слов, выполняющий структурные, коммуникативные и стилистические функции.

Обычно в законодательных текстах придерживаются следующего порядка слов:

а) подлежащее чаще всего стоит в начале предложения и, как правило, предшествует сказуемому; сказуемое обычно бывает перед прямым дополнением, а определение – в препозиции к определяемому существительному. Пример из ст. 92 Конституции РФ (кто?) *Президент Российской Федерации (что делает?) прекращает (что?) исполнение полномочий досрочно в случае его отставки, (какой?) стойкой (чего?) неспособности;*

б) необособленные согласованные определения, даже распространенные, с зависимыми от них словами, находятся, как правило, в препозиции по отношению к определяемым существительным: *Незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица* (ч. 1 ст. 139 УК РФ). Такой порядок слов более типичен, чем иной: *Совершенное против воли проживающего в нем лица незаконное проникновение в жилище* (т.е. сначала идет констатирующая часть, а затем именуется само деяние, тема и рема инверсированы).

Далее следует отметить, что, в отличие от согласованных, несогласованные определения должны располагаться только в постпозиции

---

²⁸ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках : закон Рос. Федерации от 22 марта 1991 г. № 948-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 25, ст. 1977.

²⁹ Федеральный закон «Об охране окружающей среды».

³⁰ УПК РФ. Ст. 12.

по отношению к определяемому слову: *потенциал для производства конкретного химиката, сроки осуществления прав внутри одного выпуска, избирательный счет кандидата, референдум субъекта Российской Федерации, сфера взаимодействия общества и природы* и т.д.

Определение, выраженное определительным оборотом (прилагательным или причастием с зависимыми словами), в официально-деловом стиле чаще всего занимает позицию после определяемого слова, так как не имеет рематического значения. Например, в ст. 408 УПК РФ читаем: *В судебном заседании должны быть проверены доказательства, устанавливающие или опровергающие совершение данным лицом общественно опасного деяния.* Однако, обладая потенциальной предикативностью, обособленные определительные обороты (в постпозиции по отношению к определяемому слову) могут принимать на себя функции ремы, «нового», становясь, таким образом, коммуникативным центром высказывания. Например, в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» записано: *Природно-антропогенный объект – природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение.* – Все обособленные постпозитивные определения этой формулировки содержат главную информацию о природно-антропогенном объекте.

Дополнения находятся после управляющего ими слова: *Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование* (ст. 295 УК РФ). Такое же правильное расположение дополнений и в предложении из ч. 1 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ: *Осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом определенного вида наказания.*

Обстоятельственные слова (наречия или падежные, предложно-падежные формы существительных) чаще всего располагаются по возможности ближе к слову, к которому они относятся по смыслу. Так, обстоятельства места, времени и цели, если они не входят в рему,

обычно помещаются в абсолютное начало предложения или в абсолютный конец высказывания – самые информативно значимые позиции. Например, *За пределами территории Российской Федерации документами, заменяющими паспорт гражданина Российской Федерации, являются документы. Удостоверяющие личность гражданина Российской Федерации; Настоящий Федеральный закон действует на всей территории Российской Федерации.*

Следует помнить, что любая перестановка слов в законодательных актах может привести к изменениям смыслового содержания или стилистических оттенков нормативно-правового высказывания. Неоправданная перестановка слов вносит в текст неясность, неточность, затрудняет его восприятие и вообще может привести к абсурдности его смысла, как, например, в следующей формулировке: *Решение, принимаемое на местном уровне, может быть отменено либо признано недействительным судом в установленном законодательством порядке*³¹, – употребление определения *недействительным* рядом со словом *судом* может трактоваться как *недействительный суд* вместо предполагаемого законодателем *недействительного решения*.

³¹ Устав Новоусманского района Воронежской области. Гл. 1, ст. 1.

Вопросы и задания

Ответьте на контрольные вопросы

1. Какой тип иерархии характерен для языковой системы?
2. Какие уровни выделяются в системе языка?
3. Единицы каких уровней являются двуплановыми? Почему?
4. Какие уровни языка называют значимыми? Почему?
5. Какие уровни составляют грамматику языка?
6. Назовите характерные особенности морфемного и лексического уровней юридического текста.
7. Каковы особенности морфологии юридического текста?
8. Чем можно объяснить большой процент производных предлогов в нормативных высказываниях?
9. В чем проявляется специфика синтаксического уровня юридического текста?
10. С чем связано преобладание неоднословных сказуемых в нормативных высказываниях?
11. Почему в юридическом тексте особенно важен порядок слов?

Выполните практические задания

1. Составьте таблицу «Языковые уровни и их единицы».
2. Найдите в подобранном тексте нормативного правового акта неюридические (общеупотребительные, термины общенаучные и других наук) слова и выражения; выпишите их (не менее 10 примеров каждой группы).

Образец: *Федеральный закон РФ «О несостоятельности (банкротстве)»:*

1) общеупотребительные слова: *руководитель, деятельность, имя, обязанность, интерес, определенный, представлять, обеспечение, проведение, составление, состояние;*

2) термины общенаучные и других наук: *анализ, процедура, должник, кредитор, эмитент, эмиссия, ценные бумаги, денежное обязательство, опцион, банкротство.*

3. Докажите принадлежность выбранного Вами юридического текста (нормативного правового или правоприменительного акта) к

юридическому подстилю официально-делового стиля русского литературного языка (на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях).

Образец: Федеральный закон РФ «О несостоятельности (банкротстве)»:

1). Данный ФЗ имеет необходимые для юридического документа **реквизиты**: вид – федеральный закон; номер – 127-ФЗ; принятие – Государственной думой 26 октября 2002 года; вступление в силу – 2 декабря 2002 года; действующая редакция – от 13 июля 2015 года.

2). **Структура** данного документа соответствует требованиям юридической техники: он состоит из глав (12), которые подразделяются на параграфы, стратифицированные, в свою очередь, на статьи.

3). Лингвоюридический анализ текста закона:

- **наличие-отсутствие эмоциональной окрашенности**: отсутствует, так как в тексте не встречаются восклицательные предложения и эмоционально окрашенные лексемы;

- **на лексическом уровне**: языковые штампы: настоящий Федеральный закон устанавливает, принят Государственной думой, ...если иное не предусмотрено настоящим законом и др., юридические термины, общенаучные и термины других наук: Арбитражный Суд, юридическое лицо, истец, анализ, процедура, банкротство, финансовый и др., слова и выражения, близкие к терминам или фразеологизированные: должник, кредитор, процедура банкротства, ценные бумаги, денежное обязательство, досудебная санация, конкурсная масса, в соответствии с настоящим законом и др.

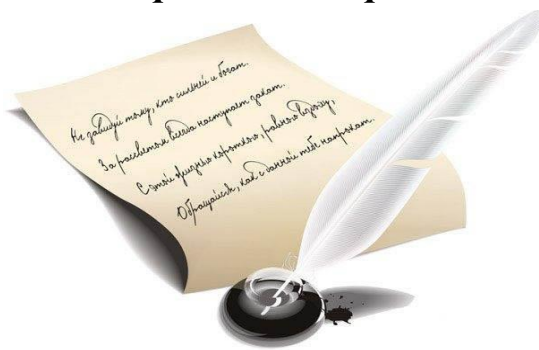
- **на морфологическом уровне**: отглагольные существительные со значением опредмеченного действия и лица-производителя действия: оставление, движение, возвращение, признание, выплата, оплата, представитель, управляющий и др.; прономинализированные (перешедшие в местоимения) прилагательные и причастия: настоящий (закон), данные, указанные (обстоятельства), определенные (условия) и др.; производные предлоги: в связи с, за счет, в силу, по мере, в отношении, в течение, на основании, в соответствии с... и др.;

глаголы в форме настоящего постоянного времени: оспаривает требования, рассматриваются судом, несет ответственность, учитываются требования и др. особенности;

- на синтаксическом уровне: двух- и многокомпонентные сказуемые: могут быть предъявлены, вправе подать, не в состоянии будет исполнить, являются текущими, может быть возбуждено, не является основанием; возможно, необходимо, заключено – с нулевыми глагольными связками, а также глагольно-именные описательные обороты: принимать участие (участвовать), несет ответственность (отвечает), принимается во внимание (учитывается) и др.; наличие конструкций, увеличивающих содержательно-информационный объем предложения: ряды однородных членов и обособленные члены предложения: наблюдение – процедура банкротства, применяемая к должнику в целях обеспечения сохранности имущества должника, составления реестра требования кредиторов и проведения первого собрания кредиторов; вставные конструкции: генеральное соглашение (единый договор), учредители (участники), совет директоров (наблюдательный совет), и (или), (п.2.1 введен Федеральным законом от 29.12.2014 №482 –ФЗ); сложноподчиненные предложения: Положение, предусмотренное пунктом 2 настоящей статьи, применяется, если иное не установлено настоящим Федеральным законом; Если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом, производство по делу о банкротстве может быть возбуждено арбитражным судом при условии, что требования к должнику,.. и др.

Вывод: на основе проведенного анализа можно заключить, что данный текст относится к юридическому подстилю официально-делового стиля русского литературного языка.

Лингвоюридическая разминка

Поставьте ударение и произнесите слова в соответствии с орфоэпическими нормами

кредит, арбитража, в арбитраже, юриспруденция, сирота, сироты, компетенция, начать, медикаменты, наняли, дактилоскопия, языковой, квартал, вменишь в вину, осужден, возбудит (дело), референдум, статус, статут, таможня, идентификация, приговор, претензия, приговоры, приговоров, рекламация, агрессия, изобретение, коллегия, де-факто, де-юре, идентификация, консенсус, протест, обеспечение.

Найдите и исправьте ошибки (предложения взяты из реальных юридических документов)

- 1. Обвинительное заключение по делу Ивановой, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ.*
- 2. Я спустился в подвал и встретил там мешок с двумя раковинами.*
- 3. Подсудимый Нуразбаев стал пинать ногами потерпевшую.*
- 4. СКР проверит действия допустивших умершего пилота к рейсу медиков (Яндекс – новости).*
- 5. В результате освидетельствования гр-ну Левдову причинены лёгкие телесные повреждения.*
- 6. Необходимо направить его на принудительное лечение от алкоголя.*
- 7. Для исследования предоставлены два стакана под №№ 1, 2.*
- 8. Поступило сообщение: пьяный муж жену дебоширит.*
- 9. Уголовное дело производством прекратить.*

10. Благодаря преступным действиям был причинён значительный материальный ущерб.

1. Следствие не нашло наличия сообщников у Беспалова Ф.Ю.

2. Будучи в состоянии алкогольного опьянения, Сидоров нанёс Калмыкову несколько ударов.

3. Суд постановил выделить дело в отдельное производство.

4. В данной ситуации имел место ложный оговор.

5. Рукоприкладство было совершено портфелем.

6. Главная суть претензий состоит в следующем..

7. Я не собираюсь ещё раз дублировать то, что совершила моя подзащитная.

8. Ограбленные перчатки они положили себе в карман.

9. В настоящее время сотрудники отдела стали больше заниматься поджогами.

10. Иванова допустила нарушение своих трудовых обязанностей.

Нормы правописания

Вставьте пропущенные буквы

Уничт...жение имущества, сист...матически, н...сение погр...ничной службы, нарк...тические вещ...ства, пл...вучие средства, д...льнейшее, укр...пление, постр...ение, с...мейные отн...шения, пред...нность, возн...кающие, поп...чительство, бе...вестно о...существующий, (з, с)дача, во...дельвание культур, (з, с)брос, пр...обретение, (з, с)говор, пр...стройка, срок пр...бывания, косве...ый умысел, пута...ые ответы, непосредстве..о участвовать, лицо обяза...ое, искре...ий, бесприда...ица, време...о пр...кратить, серебря...ые монеты, было ветре...о, незако...о задержа...ый, подстреленный, обстреля...ый, стреля...ые гильзы, масле...ые (блины), промасле...ая бумага, масля...ые краски, карма...ые ра...ходы, золочё...ый купол, моше...ик, немедле...о пр...ступить, непр...ходящие це...ости.

Расставьте знаки препинания

1. При совокупности преступлений суд определяет наказание путём поглощения менее строгого наказания более строгим либо путём полного или частичного сложения наказаний.

2. В срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения дела и до момента направления прокурору дела с обвинительным заключением или постановлением о передаче дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера или до прекращения или приостановления производства по делу.

3. Не задумывавшаяся о последствиях она выполняла все просьбы Жуковой полностью подчинившей себе её волю.

4. Утверждавший поддельность его подписи во многих документах он требовал графической экспертизы.

5. Убийство совершённое при превышении пределов необходимой обороны наказывается лишением свободы или исправительными работами.

6. Преступлением признаётся предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

7. При оправдании подсудимого или освобождении его от наказания или от отбывания наказания или в случае осуждения его к наказанию не связанному с лишением свободы суд в случае нахождения подсудимого под стражей освобождает его немедленно в зале судебного заседания.

8. Умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества совершённое путём поджога или иным общеопасным способом или повлекшее человеческие жертвы или причинившее крупный ущерб или иные тяжкие последствия, а также умышленное уничтожение или существенное повреждение лесных массивов путём поджога наказывается лишением свободы.

9. Основанием уголовной ответственности является совершение деяния содержащего все признаки состава преступления предусмотренные уголовным законом.

10. Лица совершившие преступления на территории Российской Федерации подлежат уголовной ответственности по уголовным законам действующим в месте совершения преступления.

4. ПРАКТИКА ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

*Тексты, юридическое бытие которых
предопределяется их конфликтностью,
могут возникать на каждом этапе
существования права.*

А.С. Казакова.

4.1. Грамматическое толкование текста нормативного правового акта

Вопросы толкования правовых норм всегда интересовали и представителей науки, и практикующих юристов.

Само понятие толкования права трактуется неоднозначно. Не вдаваясь по этому поводу в дискуссию, скажем, что в данной проблеме очевидно главное: первоочередной задачей интерпретационной деятельности является доведение до адресатов воли законодателя, выраженной в нормативных предписаниях, с устранением неясностей и иных недостатков в их содержании и форме. Решается эта задача разными способами.

В отечественной юридической литературе традиционно выделяются следующие способы толкования правовых норм: грамматический (филологический), логический, исторический (историко-политический), систематический (системный), сравнительно-правовой, специально-юридический (формально-догматический). К данному перечню некоторые авторы добавляют еще функциональный и телеологический способы.³² У каждого способа свои специфические приемы и средства толкования, но в целом можно говорить о том, что все перечисленные способы относятся к двум уровням анализа: анализу текста правовой нормы и анализу контекста.

---

³² Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учеб. пособие: В 2 т. г. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 349.

Анализ контекста (в широком смысле) состоит в исследовании языковых и неязыковых категорий, выходящих за рамки интерпретируемого текста, но определенным образом влияющих на его смысл. Следовательно, контекстный анализ объединяет все названные события толкования, за исключением первого – грамматического (филологического).

Вместе с тем при всей важности контекста первичным элементом аналитического процесса, безусловно, является текст правовой нормы.

Здесь важно отметить следующее: нормы права – это идеальные объекты, они «не относятся к числу каких-либо материальных, вещественных объектов»,³³ по словам А.Ф. Черданцева. Правовые нормы можно назвать мыслями, заключенными в материальную языковую оболочку, и только опосредованное познание – мышление – помогает постичь их смысл. Это постижение начинается с восприятия словесных форм, с помощью которых выражаются юридические нормы. Поэтому естественно, что в процессе толкования правового текста его смысл раскрывается прежде всего через знание языка, на котором они сформулированы. Субъект толкования вначале именно через анализ языка правовой нормы устанавливает тот смысл, который придал данному предписанию законодатель, т. е. грамматическое толкование «выступает как первый значимый шаг в познании нормативных правовых предписаний».³⁴

В свете сказанного становится понятным наше внимание к грамматическому (филологическому) способу толкования юридического текста.

Теперь представляется уместным уточнить термины *грамматический* и *филологический*, поскольку одни авторы предпочитают называть данный способ толкования филологическим, тогда как в работах других исследователей используется наименование *грамматическое толкование*.

---

³³ Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 266.

³⁴ Юридическая техника: Учебник: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. М., 2016. С. 129.

Во-первых, хотелось бы оспорить смешение, неразличение указанных терминов (за обоими стоит представление о языковых приемах и средствах интерпретации). Обращение к словарям дает четкое представление об отсутствии тождества этих терминов. Понятие *филологический* шире по значению, чем понятие *грамматический*. Так, согласно лингвистическому словарю О.С. Ахмановой, *филология* (букв. с греч. *любовь к слову*) определяется как «общее название дисциплин, изучающих язык, литературу и культуру данного народа, преимущественно через посредство литературных и других культурно-исторических сочинений и памятников»,³⁵ а энциклопедия «Русский язык» называет филологию «содружеством гуманитарных дисциплин – языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов».³⁶ Грамматика же является объектом изучения лингвистики (языкознания). Следовательно, грамматический аспект – один из элементов филологического толкования.

Во-вторых, представляется необходимым уточнить имеющиеся позиции относительно расширительного толкования термина *грамматика* применительно к интерпретационной практике. Например, в учебном пособии В.Н. Карташова говорится о том, что грамматическое толкование включает в себя следующие средства: «графические знаки (например, буквы, служащие для обозначения на письме звуков речи), слова, которые делятся на определенные лексико-грамматические разряды, называемые частями речи (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие и т.п.), словосочетания, предложения, знаки препинания и т.п.».³⁷ В учебнике по юридической технике под редакцией В.М. Баранова это представление о граммати-

---

³⁵ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1996. С. 492-493.

³⁶ Русский язык: Энциклопедия. М 1979. С. 372.

³⁷ Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учеб. пособие: В 2 т. г. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 367.

ческих средствах толкования поддерживается и полагается справедливым.³⁸ Думается, что включение в грамматический арсенал графических знаков (под которыми, кстати, языковеды понимают и буквы письма, и знаки препинания) данной письменности может быть оправдано лишь с этимологической точки зрения: греч. *grammatike* первоначально – «искусство читать и писать буквы», от *gramma* – «буква, запись».³⁹

В современном лингвистическом употреблении термин *грамматика* имеет два значения: 1) строй языка, т.е. система словопроизводства, морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций; 2) раздел лингвистики, изучающий строй языка, его законы.

Известный отечественный языковед В.В. Виноградов определял грамматику как «систему языковых норм и категорий, определяющих приемы и типы строения слов, словосочетаний, предложений и сам раздел лингвистики, изучающий эту систему».⁴⁰

В грамматике обычно выделяют три части: 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их форм (морфология); 2) учение о словосочетании, его формах и типах (синтаксис); 3) учение о предложении, его типах, компонентах, о приемах связи предложений (синтаксис). На основании данных частей грамматики выделяют основные направления изучения языка: а) языковые знаки (слова, предложения); б) они что-то называют, обозначают – семиотический аспект; в) имеют определенный смысл, значение – семантический аспект; г) находятся в определенных связях с другими знаками – синтаксический аспект; д) служат средством коммуникации, с их помощью люди обмениваются мыслями, информацией – коммуникативный аспект.

Представляется, что среди этих направлений ведущим является синтаксический аспект, поскольку только в определенных связях с

---

³⁸ См. Юридическая техника: Учебник: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. М., 2016. С. 129.

³⁹ Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975. С. 113.

⁴⁰ Виноградов В.В. Русский язык // Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М., 1972. С. 10.

другими словами, в контексте (в узком смысле), слово обнаруживает обозначаемый им предмет, явление, свое значение и выступает как средство коммуникации. На связь категориальной семантики слова и синтаксических свойств указывали авторитетные отечественные лингвисты, такие как А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, И.И. Мещанинов. По словам В.В. Виноградова, «слово выступает как система форм и значений, только соотносительная с другими смысловыми единицами языка».⁴¹ И.И. Мещанинов писал: «Синтаксическое использование слова и его оформление согласно существующим нормам синтаксического строя связаны со строением предложения. Всякое использование слова в речи есть уже синтаксическое его использование. Синтаксис проникает собою все отделы грамматики, хотя в каждом из них сохраняются свои особенности».⁴²

Следовательно, всесторонне исследовать внутренний смысл нормы права помогает ее материальная оболочка – текст, определенная последовательность слов, построенных по законам грамматики. Именно языковые закономерности – своеобразный ключ к «тайне права» (выражение С.С. Алексеева).⁴³ И одним из таких ключей, несомненно, является синтаксический аспект интерпретации правовых норм.

По нашему мнению, именно синтаксический анализ при интерпретации правовых норм является основным приемом грамматического толкования, поскольку именно в синтаксических закономерностях юридического языка (разновидности русского литературного языка) лежат логические основания норм права. При этом автор данного пособия, конечно, не отрицает состоятельности и самоценности других приемов и способов толкования, но настаивает на том, что в определенных условиях познать суть смыслового содержания текста нормативного правового акта в полном объеме без анализа синтаксических конструкций и форм в принципе невозможно.

---

⁴¹ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 15.

⁴² Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978. С. 14.

⁴³ См. Алексеев С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001. С. 176.

Возьмем, к примеру, формулировки норм-дефиниций. Оговоримся сразу, что для языка правовых понятий, в целом, характерен общий высокий уровень лингвостилистической проработки. Однако и здесь выявляются погрешности, которые имеют отношение к разным языковым уровням, к синтаксическому – в том числе. Так, нередко случаи, когда при формулировании понятий создаются такие синтаксические конструкции, в которых неумелое использование порядка слов приводит к появлению двойных зависимостей словоформ, и эти двойные синтаксические и (что закономерно) смысловые связи не только затрудняют восприятие понятия, но могут вести к неверному его толкованию. Например, в ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» читаем такое определение: *род занятий – документально подтвержденная деятельность кандидата, приносящая ему доход, а также статус неработающего кандидата: пенсионер, безработный, учащийся*⁴⁴ ... В данном предложении соединительный союз *а также* находится между существительными *доход* и *статус*, которые в этой позиции, благодаря омонимии винительного (у существительного *доход*) и именительного (у существительного *статус*) падежей, оказываются однородными членами. Получается, таким образом, что *род занятий – это деятельность кандидата, приносящая ему доход и статус неработающего кандидата*, тогда как смысл определения сводится к тому, что *род занятий – это и деятельность кандидата, и статус неработающего кандидата*. Неудачное использование словорасположения привело к искажению смысла правовой дефиниции. Даже один этот пример показывает, как синтаксические зависимости в формулировках юридических понятий качественно влияют на результат их толкования.

Важность синтаксического анализа подтверждается и при толковании регулятивных норм. Например, в Уставе (Основном законе) Вла-

---

⁴⁴ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. Закон от 22.06.2002 №67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №24.

димирской области есть такая норма: *Решение о назначении председателя Счетной палаты принимается Законодательным Собранием большинством голосов от числа избранных депутатов ЗС по представлению Губернатора* (ст. 43, гл. VII). Здесь возникает нежелательная двусмысленность, искажающая содержание правовой конструкции. Словосочетание *по представлению Губернатора* находится в абсолютном исходе (конце) предложения, что является актуализирующей позицией для детерминантов.⁴⁵ Это обеспечивает смысловую связь выделенного словосочетания со всем предложением в целом. Тогда получается, что и решение принимается по представлению Губернатора, и депутаты Законодательного собрания избраны по представлению Губернатора (а это, согласитесь, уже является попранием демократических принципов правового государства). Но верно лишь первое толкование: по представлению Губернатора принимается решение о назначении председателя Счетной палаты.

Как видим, действительно в синтаксических закономерностях языка лежат логические основания юридических норм. Учет всех синтаксических связей нормативного высказывания наиболее точно проявляет вариант правильного сопряжения понятий в соответствии с целями, принципами и духом законодательства.

Для повышения степени адекватности интерпретации правовых норм имеет смысл дифференцировать грамматический способ толкования (а термин *филологический*, как более широкий по объему семантики, заменить на *языковой*) на синтаксический, морфологический и т.д. Отдельный синтаксический анализ в процессе толкования необходим так же, как другие части грамматики, поскольку именно в определенных связях с другими компонентами проявляются семиотический, семантический и коммуникативный аспекты функционирования слова. Техника синтаксического анализа правовых норм позволяет не только установить смысл правового предписания, но и транслировать его участникам правоотношений с позиции интерпретатора.

---

⁴⁵ Детерминант – второстепенный член предложения, относящийся ко всему составу предложения, распространяющий его в целом.

Несмотря на то, что проблема толкования правовых норм считается в принципе вечной для юриспруденции (одна из основных причин – остается не решенным окончательно вопрос о самом понятии толкования права), очевидна главная задача интерпретационной практики – доведение до адресатов воли законодателя, содержащейся в нормативных предписаниях.

4.2. Качество языка современных нормативных правовых актов

Качество языка законодательных актов до сих пор остается далеким от совершенства в связи со сложившимися в последние годы в России экономическими, политическими, социальными условиями.

Анализ текстов нормативно-правового характера, социологические исследования, изучение литературы по данной проблеме позволяют говорить об объективных и субъективных причинах, отрицательно сказывающихся на качестве языка нормативно-правовых актов:

- 1) поспешные темпы законодательной деятельности, пока отстающие от соответствующего уровня культуры правотворчества;
- 2) увеличение объема и видового массива действующего законодательства, регулирующего общественные отношения;
- 3) повышение в связи с этим возможности языковой погрешности, увеличение процента ошибок в юридических текстах и вероятности различных толкований одинаковых явлений нормативно-правового характера;
- 4) значительные изменения в состоянии русского литературного языка под влиянием сложившихся общественно-политических и экономических условий;
- 5) отсутствие комплексного подхода юристов и лингвистов к проблеме качества языка нормативно-правовых актов;
- 6) правовая неосведомленность большинства граждан;
- 7) негативные стереотипы, сложившиеся в сознании многих людей, по отношению к закону.

Таковы основные объективные и субъективные причины, ведущие к снижению качества языка законодательных актов.

Демократические преобразования в российском обществе привели к расширению правового поля, в связи с чем существенно увеличился объем и видовой массив действующего законодательства, регулирующего общественные отношения. Все это повышает возможности языковой погрешности, увеличивает процент ошибок в юридических текстах и вероятность различных толкований одинаковых явлений нормативно-правового характера. Поэтому в сфере юридической техники одной из главных проблем, обусловленных процессом развития законодательства Российской Федерации, стала проблема достижения точности формулировок юридических понятий и изложения норм права.

Процессы, происходящие в обществе в целом, в законодательстве, в русском языке, нередко приводят к нарушению основных *принципов функционирования юридического языка*, как-то: соответствие формы и содержания правовых понятий и норм; точный выбор терминов за счет строгого нормирования использования языковых единиц (лексических, стилистических, морфологических и синтаксических), за счет аккумуляции в языке законодательных актов социально обусловленных тенденций изменения словарного состава русского языка и его грамматического строя.

А. С. Пиголкин, труды которого имеют основополагающее значение для всех, кто работает над языком нормативно-правовых актов, считает, что особенности этого языка обусловлены тем, что «в нормативном акте выражены не индивидуальная воля и субъектные представления, а воля коллектива, всего общества, отражающая насущные потребности нашего государства. Все эти обстоятельства определяют черты правового языка. Одна из таких черт – повышенное внимание к точности, четкости, полноте и максимальной ясности изложения»⁴⁶. Еще полвека назад А. С. Пиголкин утверждал, что только тесное сотрудничество ученых-юристов и лингвистов «способно обеспечить успех в исследовании проблем языка права и юридической терминологии»⁴⁷.

---

⁴⁶ Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968. С. 149.

⁴⁷ Там же. С. 147.

С. С. Алексеев к особенностям языка закона относит четкость, сжатость, определенность и точность мысли, императивный стиль изложения, специальную терминологию. При максимальной строгости и точности юридических понятий юридический язык должен быть доходчив, прост и ясен в своем изложении, так как законы пишутся для людей. Ученый обращает внимание на то, что юридический язык способен оказывать на внутренний мир человека сильное воздействие благодаря своей гармоничности, завершенности и убедительности, поскольку «юридический язык, правовые формулы по своей сути преисполнены большой духовной силы, интеллектуальной красоты, и с этой стороны законы не только имеют регулятивно-охранительное значение, но и могут обогатить духовный мир человека, принести ему внутреннее духовное удовлетворение»⁴⁸.

Однако анализ нормативно-правовых актов, результаты социологических исследований приводят к неутешительному заключению о том, что лингвистическое качество языка правовых норм во многих случаях не соответствует требованиям, предъявляемым к нему.

Рассмотрим *типичные недочеты и ошибки*, встречающиеся в текстах нормативно-правовых актов, относящиеся к лексике, морфологии и синтаксису, а в целом, если иметь в виду первоначальное значение термина «синтаксис» – «строй, построение, порядок», т.е. в широком смысле, – относящиеся к синтаксическому качеству юридического языка.

Поскольку в работах, касающихся проблем качества языка нормативных предписаний, основное внимание уделяется лексическому уровню, то и мы остановимся вначале на *лексических ошибках*.

Языку нормативно-правовых актов присущи все признаки лексической системы русского языка: полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, но частота и допустимость их использования в языке законодательства неодинакова.

Полисемия (многозначность) является одним из способов развития современного русского литературного языка. Язык нормативно-право-

---

⁴⁸ Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1996. С. 146–147.

вых актов, особенно в последние годы, во многом способствовал пополнению словарного состава литературного языка за счет появления новых значений у слов, уже имеющих в языке (например, новые значения у слов *лицо, ресурсы, акция, состав, производство, товар*). Однако в юридической терминологии не всегда последовательно различается многозначность. Например, в статьях «Энциклопедического юридического словаря», толкующих названия различных должностей (*мэр, глава правительства, президент и т.п.*), особое внимание уделяется не должности, а лицу, которое, занимая соответствующую должность (пост), характеризуется определенным набором функций и порядком занятия должности; при этом наблюдается постоянная двужначность: «должность» и «лицо, занимающее эту должность».

Роль синонимов (слов, близких или абсолютно тождественных по значению) в современном русском литературном языке исключительно велика: они «помогают избежать ненужных повторений одного и того же слова, позволяют выразить многообразие оттенков того или иного явления, качества»⁴⁹.

В языке нормативно-правовых актов свойство синонимии должно иметь ограниченное применение, что обусловлено требованиями точности, ясности и единообразия употребления слова в тексте закона, необходимостью его однозначного понимания и применения. Рекомендуется использовать синонимы, которые отличаются друг от друга оттенком значения, т.е. близкие в семантическом отношении слова, или идеографические синонимы, например, *законы и иные нормативные правовые акты*, но не синонимы, различающиеся стилистической окраской, например, *закон*, но не *правило (нейтр.)*, *канон (книжн.)*; *преступление*, но не *криминал (разг.)*, *преступное деяние (высок.)*; *убийство*, но не *смертоубийство (устар. и просторечн.)*, *душегубство (устар. и просторечн.)*, *убиение (устар.)*; *тяжкий*, но не *страшный, ужасный (разг.)*. Однако даже в случаях использования идеографических синонимов может возникнуть вопрос о целесообразности такой синонимии. Например, близкие синонимы использованы в

---

⁴⁹ Современный русский язык / Валгина Н. С. [и др.]. М., 1971. С. 18.

части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации: *Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны **страны** и безопасности государства.* Слова *страна* и *государство* являются близкими (а в большинстве словарей трактуются как абсолютные) синонимами, и употребление их в тексте одновременно не обусловлено смысловой и стилистической необходимостью (как и, к примеру, употребление этих же слов в абзаце втором п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ).

Теперь поговорим об ошибках, которые трудно квалифицировать в строгом соответствии с лексическим, морфологическим или синтаксическим уровнями языка, поскольку эти недочеты касаются всех указанных уровней одновременно и в целом нарушают порядок, строй юридической речи, поэтому мы определяем их как ошибки, характеризующие синтаксическое (в широком смысле термина «синтаксис») качество правового языка.

Начнем со словосочетаний, которые, не обладая предикативностью («сказуемостью»), функционируют в составе предложения и легко из него вычлениаются. Например, в группе атрибутивных словосочетаний выделяются такие, между которыми существуют системные (синонимические) отношения, выражающиеся в замещении несогласованного определения согласованным: *показания свидетеля – свидетельские показания, определение суда – судебное определение, надзор прокурора – прокурорский надзор* и т. д. (см. в ст. 21²; ст. 25; ст. 155 УПК РФ). Однако среди них встречаются такие атрибутивные словосочетания, один из компонентов которых находится в семантическом (смысловом) несоответствии к самому терминологическому значению, например, *обыск лица – личный обыск?*, *задержание лица – личное задержание?* Слово *личный* имеет значения «принадлежащий какому-нибудь лицу» и «осуществляемый лично». На основе второго лексического значения возникает возможность следующего толкования словосочетания *личный обыск* – «обыск, производимый самим лицом», тогда как дефиниция этого термина со-

стоит в следующем: *личный обыск* – «процессуальное действие, производимое лицом того же пола, что и обвиняемый, в присутствии понятых того же пола». В случае возникновения подобной двусмысленности рекомендуется словосочетание *обыск задержанного*. «Страдают» семантическим несоответствием и распространены в юридических документах следующие атрибутивные словосочетания: *признательные показания* (показания, содержащие признания подследственным своей виновности), так как прилагательное *признательный* обозначает «испытывающий благодарность»; *неосновательное задержание* (т.е. задержание, не имеющее законных оснований), так как прилагательное *неосновательный* имеет значение «несерьезный, поверхностный, непродуктивный» и др. В употреблении словосочетаний наблюдаются и другие ошибки, которые связаны с переносом особенностей функционирования указанных синтаксических единиц русского литературного языка на единицы, структурирующие специальный юридический текст. Так, иногда в словосочетании опускается одно из слов и как бы переходит в подтекст, его присутствие подразумевается, при этом семантическое соответствие данного образования не нарушается, например, *смягчающие (вину) обстоятельства* или *отягчающие (вину) обстоятельства* (ст. 61 и 63 УК РФ).

Однако эллипсис (опущение) обязательного компонента словосочетания может привести к неверному толкованию законодательного положения. Например, выражение *предупредить об уголовной ответственности за дачу ложных показаний* юридически неграмотно, так как по закону уголовная ответственность наступает за дачу *заведомо* (т.е. сделанных сознательно) ложных показаний (ст. 158 УПК). В то же время в представленном примере информативно избыточным (плеоназм) является слово *дача*, опущение которого не отражается на семантической полноте данной формулировки: *ответственность за заведомо ложные показания*.

На синтаксическое качество правового языка оказывает негативное влияние разговорно-литературная речь. Постоянное взаимодействие разговорного и литературного стилей – одно из характерных яв-

лений в языке. Известно, что разговорные синтаксические конструкции существовали в русской речи очень давно – в той или иной степени они проникали в письма, дневники, во всякие «вольные», мало кодифицированные письменные жанры. Употребительность этих конструкций непрерывно возрастала, и особенно сильно – в XX в., в эпоху широкой демократизации литературного языка. Однако влияние разговорно-бытовой разновидности речи на речь литературную – не всегда влияние положительное. Так, встречающиеся в разговорно-бытовом обиходе конструкции с производными предлогами *исходя из, начиная с, спустя* и др. без использования глагольного сказуемого недопустимы в официально-деловом тексте, каковым является текст нормативно-правового акта. Между тем, в Уставе (Основном законе) Владимирской области читаем такое положение: *Местное самоуправление в области – признаваемая и гарантируемая Конституцией РФ, настоящим Уставом самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно и через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения.*

Активное функционирование устно-разговорных синтаксических построений приводит к распаду устойчивых синтаксических связей, к перераспределению словосочетаний, что в некоторых случаях влечет за собой изменение сочетаемости слов – и синтаксической, и лексической. В таких случаях необходимо внимательное отношение к слову, обращение, если нужно, к словарю (например, Д. Э. Розенталь *Управление в русском языке*). Иначе неизбежны ошибки, подобные следующей: *Областным законом могут быть созданы иные государственные органы и учреждения, выполняющие отдельные полномочия и не входящие в систему органов законодательной, исполнительной или судебной власти (ст. 44 гл. VII Устава)*. Согласно словарю С.И. Ожегова, **полномочие** – право, предоставленное кому-нибудь на совершение чего-нибудь, следовательно, **выполнять полномочия**, т.е. **права**, нельзя. В Учебном словаре сочетаемости слов русского языка читаем: **выполнять** – осуществлять то, что задумано или поручено, исполнять; выполнять можно план, про-

*грамму, норму, работу, обязанности, заказ, задание, упражнение, приказ, приказание, команду, решение, распоряжение, директивы, указание, поручение, обязательство, (свой) долг, требования, условия, правила, просьбу, желания, каприз, обещание*⁵⁰.

Большую роль в организации текстов нормативно-правовых актов, как уже говорилось выше, играет порядок слов. При относительно свободном словорасположении в русском языке изменение привычной, типичной позиции члена предложения может привести к искажению смысла или вообще к неверному его пониманию. В предложении *Права и свободы человека и гражданина в области обеспечиваются конституцией РФ* (ст. 4 гл. I Устава... Владимирской области) интерпозитивное (между сочетанием *человека и гражданина* и сказуемым *обеспечиваются*) положение словоформы **в области** свидетельствует о ее связях с сочетанием *человека и гражданина* и со сказуемым *обеспечивается*; понятно, что словосочетание «обеспечивается в области» вполне обычно, нормально; а вот в словосочетании «человек и гражданин в области» (т.е. *какой?* – «областной человек и гражданин») отсутствует лексическая сочетаемость компонентов. Такое словоупотребление возможно только окказионально, в определенных семантико-синтаксических условиях, в художественном или публицистическом тексте, к которым, разумеется, не относятся тексты нормативно-правовых актов. Во избежание подобных ошибок нужно быть предельно внимательным к порядку слов в предложении: достаточно его (порядок слов) изменить, поставив обстоятельство места после сказуемого (т.е. в обычную, «привычную» для него позицию), и содержание будет соответствовать форме: *Права и свободы человека и гражданина обеспечиваются в области в соответствии с Конституцией РФ*.

Одним из распространенных недочетов (кажется, неискоренимых), который можно квалифицировать как морфолого-синтаксический, является так называемое «нанизывание родительного падежа», которое значительно замедляет и затрудняет восприятие содержания правовой

---

⁵⁰ Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / под. ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1978.

нормы. Например, в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» обнаруживаем целые «цепи» родительных падежей существительных: *наблюдение – процедура банкротства, применяемая к должнику в целях обеспечения сохранности имущества должника, проведения анализа финансового состояния должника, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов; представитель учредителей (участников) должника – председатель совета директоров или иного аналогичного органа управления должника.* Подобных примеров, к сожалению, предостаточно в текстах нормативно-правовых актов.

4.3. Проблемы анализа текста инвективной направленности

На современном этапе развития научной мысли в российской и зарубежной лингвистике одним из наиболее важных и интенсивно разрабатываемых аспектов является исследование прагматической составляющей языка, т.е. отношения между носителями языка и языковым знаком, который используется в качестве метода коммуникативного воздействия. Подобное отношение прежде всего эксплицируется через лексику. Непосредственным выражением языковой прагматики можно назвать инвективную лексику. Наличие такой лексики в предложении с негативной адресной оценкой дает лингвистам возможность с большой степенью вероятности квалифицировать такую фразу как реализацию речевого акта оскорбления. Таким образом, инвектива – это оскорбление, оскорбительная речь.

Инвактивная лексика – слова и выражения потенциально оскорбительные, они могут употребляться как форма оскорбления или унижения адресата речи или третьего лица. Корпус этой лексики составляют нецензурные, жаргонные, диалектные, просторечные слова, а также слова собственно литературного языка (о группах слов данной лексики - несколько позднее), употребление которых в процессе ком-

муникации нарушает нормы общественной морали, т.е. лексика потенциально оскорбительная, непристойная (обсценная⁵¹), и в этом – одна из главных проблем юридической лингвистики.

Уже само понятие «непристойность» достаточно сложно для толкования. Его смысл оказывается разным в различные эпохи и времена: в одну эпоху термином «непристойное» обозначают то, что в другую считается пристойным. Сложность заключается и в том, что на семантику этого понятия накладывают отпечаток определенная этнокультурная специфика, менталитет конкретного народа, пол и возраст коммуникантов (участников коммуникации – общения).

В отечественной лингвистике термин «непристойность» рассматривают через термин «непристойный», который имеет значение «крайне неприличный, бесстыдный, предосудительный»⁵². Таким образом, обозначенное понятие предполагает использование таких слов, которые большинством людей будут считаться неприличными, которые не подлежат публикации в СМИ, хотя в некоторых особенных ситуациях и могут быть применены.

В исследованиях лингвистов, социологов и психологов, дополняющих друг друга, определен примерный список потенциально оскорбительной (инвективной, ругательной) лексики. Для того чтобы квалифицировать высказывание как оскорбительное, оно должно обладать следующими лингвистическими характеристиками: нецензурность, непристойность слов и выражений, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами, лексика и фразеология, которая оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий. Такую лексику в момент произнесения или опубликования большинство членов определенного социума воспринимает как недопустимую.

Одним из главных признаков оскорбительной коннотации того или иного слова или выражения является неприличная форма выраже-

---

⁵¹ Лат. *obscenus* - непристойный, распутный, безнравственный.

⁵²См: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000

ния отрицательной оценки лица, которая подрывает его престиж в глазах окружающих, деловую репутацию, унижает честь и достоинство, наносит ущерб уважению к самому себе.

Термином «инвектива»⁵³ объединяют все виды словесной агрессии. В течение нескольких лет в целом ряде исследований анализируется проблема инвективности выражений. Рассмотрим, в чем заключается сущность данного явления.

Во-первых, язык как средство общения имеет коммуникативную, гносеологическую, а также экспрессивную функции, которые воплощаются в числе прочих и с помощью такой языковой категории, как инвективность. Таким образом, данное явление реализует естественную инвективную функцию языка.

Не вызывает сомнений, что данная функция свойственна языку. Так, Н.Д. Голев утверждает, что, «инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (жизненной необходимостью) творческого использования слова»⁵⁴. Не вызывает сомнений наличие инвективной функции и окраски всех языков в мире. Главное подтверждение тому – существование в языке специализированной инвективной лексики, фразеологизмов, специфической интонации, жаргонизмов, определенных стилистических фигур и жанров речи. Инвективная функция языка предполагает наличие своеобразных речевых рамок в сознании носителей языка. При этом определенные речевые нормы инвективности до сих пор не изучены и не описаны лингвистами.

Во-вторых, инвективная лексика реализует определенные намерения автора, например, такие, как вербальные нападки, атака речевым актом, но которые иногда и не проявляются в виде ненормативной лексики, сквернословия и ругательств, однако все же воплощают по отношению к адресату языковое насилие над личностью, то есть речевую агрессию.

---

⁵³ Лат. *invectiva (oratio)* – бранная (речь).

⁵⁴См: Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз.сб.науч.тр.-Барнаул, 1999., стр. 44.

В-третьих, для применения инвективной лексики существуют определенные языковые тактики: ответ вопросом на вопрос, прямое и завуалированное оскорбление, массовое применение обценной лексики, а также нагнетание обоснованных и необоснованных обвинений⁵⁵. При этом Третьякова В.С. и Гридина Т.А. считают, что к тактикам инвективы можно добавить и негативную рекламу разного рода, угрозы и политические ярлыки⁵⁶.

Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой определяет понятие «инвектива» как резкое выступление против кого-либо, чего-либо; обвинение, обличение, оскорбительная речь⁵⁷.

В.И. Жельвис дает определение инвективы как способа словесной агрессии, который резко воспринимается обществом как вид запрета. Таким образом, под инвективой он понимает определенное вербальное табу.⁵⁸

Термин «инвектива» имеет и другие синонимы, такие как непристойная, нецензурная, ненормативная лексика. В Российской Федерации в настоящее время цензура отменена, однако до сих пор понятие «нецензурная» имеет свое исходное значение – неприличная, непристойная лексика, находящаяся под запретом в СМИ и общественных местах.

В настоящее время все острее ставится вопрос о проблеме широкого использования инвективной лексики. Эта проблема обострилась ввиду демократизации и либерализации общества. Вследствие данных процессов подобная лексика стала проникать в печать и на телевиде-

---

⁵⁵Шарифуллин Б.Я. "Полет русской души": опыт несостоявшейся юрислингвистической экспертизы одного рекламного текста // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул, АГУ, 2002

⁵⁶Гридина Т.А., Третьякова В.С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева.- Барнаул, АГУ, 2002

⁵⁷Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000

⁵⁸См. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. -Барнаул, 2000.стр. 34.

ние. Сейчас многие каналы представляют фильмы, сериалы и телепередачи, в которых половина речевых действий относится к типу инвективной лексики.

Регламентировать обценную лексику юридически в современном российском обществе довольно сложно. Многие носители русского языка считают, что ругательные выражения являются особенностью и отличительной чертой русского народа. Данное мнение подкрепляется и тем, что в СМИ достаточно часто представители власти, элита общества, а также творческие люди не церемонятся в выражениях и позволяют себе бранную речь.

Вместе с тем необходимо заметить, что употребление инвективной лексики в художественных произведениях не может поддаваться юридической регламентации, потому как в контексте и смысле различных литературных творений это оправданно. Суд не имеет компетенции определять степень оправданности тех или иных выражений в произведениях культуры. Также сложно представить юридическую регламентацию повседневной обцененной лексики в обыденной жизни общества, поскольку она (регламентация) вряд ли осуществима на практике. Но данная проблема существует, и ее трудно решить, не затрагивая закрепленную в Конституции Российской Федерации «неприкосновенность частной жизни»⁵⁹.

Центральное положение в инвективной лексике занимает часть бранной лексики, относящаяся к мату, табуированным словам и словосочетаниям.

В обценной лексике имеется и известная часть бранных слов и выражений, входящих в состав русского литературного языка. Они имеют отношение к разговорной (разговорно-литературной и разговорно-бытовой) речи. Большей частью это слова и словосочетания, которые принадлежат к таким отдаленным пластам разговорной речи, которые граничат с просторечием и жаргонами. Этого рода слова и словосочетания, в основном, составляют так называемую пошлую просторечную лексику – это «низший» разряд разговорной лексики русского

---

⁵⁹См: «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993)

литературного языка. Например: старый хрен, подлый, стерва, гад, подлюга, сволочь, скотина, сукин сын, девка (о распутной женщине). Эти и подобные им слова в современных толковых словарях квалифицируются как «бранные», «грубые» или «презрительные». Другие слова относятся к разговорно-обыденной лексике: мерзавец или мерзавка, поганый, грабеж, сброд, свинья, хам, хамье, ханжа.

Нужно признать, что бранная лексика, в том числе и обценная, очень подвижна в своем составе. Поэтому только анализ контекста или конкретной ситуации поможет в трактовке экспрессивной окраски, точнее – выражения эмоционально-оценочного содержания, экспрессивно окрашенных и оценочных слов этого выражения или целого высказывания, потому что такие слова как речевые единицы могут иметь в своей семантике лишь обобщенное отрицательное значение.

Трудность определения, выявления инвективности языковых выражений – одна из актуальных и сложных проблем, возникающих на стыке языка и права. Наибольшую важность данная проблема приобретает при квалификации фактов речевого оскорбления.

Лингвистов в настоящее время периодически приглашают в суды для экспертной оценки некоторых текстов на предмет наличия в них инвективности. Но способен ли вообще лингвист, не выходя за рамки «чистой» лингвистики, выдавать однозначные оценки в вопросе, объединяющем в себе как лингвистическую и юридическую стороны, так и этическую и психологическую? В связи с этим возникает большое количество проблем, ждущих своего обсуждения и разрешения.

В настоящее время решение вопросов словесного оскорбления обычно связано с их юрислингвистической неразработанностью. Даже в самых простых случаях, когда требуется дать квалифицированную оценку инвективности отдельного слова, эксперт не имеет иной возможности для объективного и законного объяснения своего мнения, кроме как толкования с опорой на лингвистические источники, такие, например, как толковый словарь. Но лингвистический словарь не может выполнять юридическую функцию, по закону он не может являться основанием для принятия следственных и судебных решений, не может претендовать на роль правового документа.

Для присвоения экспертизе юридической силы в данном случае должна быть применена специальная шкала лексической инвективности: «нейтральное – обидное – оскорбительное». Приведем пример: «греховодник» – нейтральное слово, «паскудник» имеет малую степень инвективности, а «паскуда» или «сволочь» уже относится к высокой степени инвективности. Группы слов на этой шкале должны быть в достаточной степени жестко фиксированы, хотя вполне понятной будет являться условность такого рода жесткости. В лингвистике подобные группы специально не выделены, и в языковой практике границы между ними с достаточной легкостью «нивелируются», несмотря на то, что принцип юридических канонов как раз и заключается в противостоянии любой размытости и неоднозначности.

Что касается инвективов, то для разработки их списка, который в дальнейшем следовало бы узаконить, должны высказать свое мнение лингвисты. При этом необходимо проводить соответствующие психолингвистические эксперименты и социолингвистические исследования. Участие лингвистов вызвано потребностью использовать список, который мотивирован именно языком и не противоречит повседневному обыденному языковому сознанию. Эксперты ГЛЭДИС⁶⁰ составили подобный список, включив в него следующие лексические группы:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, приобретающие инвективную экспрессию при употреблении в переносном значении: *взяточник, жулик, проститутка*.

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию (психологическую установку, отношение к кому-либо): *расист, двурушник, предатель*.

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

---

⁶⁰ Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость или упрямство (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*).

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, ханнуть*.

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.

7. Эвфемизмы для слов первой группы, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.

8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*.

К данному списку примыкают, разумеется, и нецензурные слова (мат).⁶¹

Использование в тексте или высказывании перечисленных категорий слов само по себе далеко не всегда является оскорблением. Проблемы инвективной лексики сопряжены с гибкостью языкового знака, многогранностью его смысловой валентности. Это, возможно, одна из самых трудных и принципиальных, как для теории, так и для практики, сложностей юрислингвистики. Каждое инвективное слово может употребляться неинвективно, нейтральное же слово в некоторых контекстах может быть воспринято оскорбительным. Например, слово «кошка», которое является нейтральным в русском языке, но примененное с намеком, воспроизводящим устоявшийся образ кошек как блудливых созданий, имеет возможность больно задеть женщину, в адрес которой направлено высказывание.

Степень инвективности – одна из самых сложных лингвистических проблем. Особенно трудным в определении инвективности текста

---

1. ⁶¹См. Бельчиков Ю.А., М.В. Горбаневский, И.В. Жарков Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ.// Сборник материалов. – М.,2010. – С.116.

представляется объективная оценка намерений его автора, с одной стороны, и, с другой – оценка интерпретации того же текста почувствовавшим себя оскорбленным субъектом.

В юридической практике при проведении юрислингвистических экспертиз было замечено, что иногда оскорбительные выражения могут быть использованы в противоположном смысле. Они могут выражать восторг и дружеское отношение к адресату. Например, фраза: «Ох, как хорошо танцует, чертовка!». На первый взгляд, такое выражение легко отличить от унижения, поскольку для него будет характерна определенная дружелюбная интонация и соответствующая мимика, на основании которых, адресат не будет воспринимать данные слова как оскорбительные⁶². Но лицо, в адрес которого были сказаны эти слова, может обратить внимание только на само выражение, игнорируя интонацию, жесты и мимику.

Другая проблема инвективной лексики – распространение оскорбительных прозвищ, кличек и бранных слов, унижающих и дискриминирующих чужую нацию. Например, слова, «чурка», «армяшка», «айзер», «черный» и другие прочно вошли в разговорную речь русских людей. Подобные «этнические» оскорбления в условиях современности должны привлекать более пристальное внимание юристов, так как разжигают и усугубляют межнациональную рознь в атмосфере потенциальных межнациональных конфликтов.

В таких условиях юрислингвистика должна опираться на уже разработанные фреймы инвективности, призванные стать содержательной основой юрислингвистических рекомендаций для судебных органов. Конечно, рассчитывать на исчерпывающее решение проблемы вряд ли возможно, однако создание алгоритмов экспертных и судебных действий в этой области во многом облегчит регулирование общественных отношений в сфере, связанной с инвективным функционированием языка.

Некоторые предпосылки юридизации подобных отношений спонтанно появляются в самом языке, в основном, в процессе создания

---

⁶²Горбаневский М.В. Выбор слова, суды и экспертиза // Профессия – журналист. -2001. №9.

объективных норм его функционирования. При этом надо понимать, что процесс преобразования естественных норм в юридические предписания не способен стихийно осуществиться полностью, а его регламентация не должна быть волюнтаристской, так как язык в любой форме своего существования априори является ограниченным законами и нормами живого естественного языка.

4.4. Вопросы судебно-лингвистической экспертизы (в том числе анализа текста экстремистской направленности)

В современных условиях свобода слова, мысли, выражения мнений, свобода печати породили негативную тенденцию, связанную со злоупотреблением людьми предоставленными им правами, что привело к потребности урегулирования данной ситуации.

Эта негативная тенденция проявляется, например, почти во всех судебных разбирательствах по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Именно при оценке языкового материала и возникают трудности на практике, и связано это, прежде всего, с недостаточной (если не сказать скудной) базой теоретического и практического анализа данных явлений. Поэтому юрислингвистическая экспертиза уже много лет является необходимой потребностью в правовой сфере. Данная потребность объясняется и тем, что современная взаимосвязь языка и права характеризуется достаточно глубоким взаимопроникновением этих двух социальных феноменов.

Применительно к практике юрислингвистической экспертизы языковых выражений или текстов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации важным является положение о том, что «сама специфика этих дел такова, что она вообще-то не находилась в поле зрения профессиональной подготовки юристов. Деликты такого рода совершаются с помощью продуктов речевой деятельности или посредством этой продукции. Здесь «*corpus delicti*» заключен в самом тексте. Никаких других источников доказательств по делам этой категории

быть не может... все в тексте. И анализ текста, понимание текста не всегда было доступно даже хорошо образованному юристу⁶³».

Представленная проблема является актуальной для многих стран, но для России и западных стран – особенно. При этом необходимо заметить, что в США и в странах Европы данный вопрос в достаточной степени разработан и исследован. Так, в Америке существуют особые юридические предписания о «непристойностях»: эти нормы направлены на защиту человека от непристойных выражений, которые оскорбляют его слух или же не соответствуют его представлениям о чести и достоинстве.

Юрислингвисты продолжают изучать достаточно сложное понятие «оскорбление». При юрислингвистическом анализе текста эксперт-лингвист часто сталкивается «... с необходимостью разграничения «юридического» оскорбления – унижения чести и достоинства человека в неприличной форме (статья 130 Уголовного кодекса РФ) и речевого (бытового) оскорбления, которые потерпевшие часто принимают за «юридическое» и подают иски об оскорблении»⁶⁴.

И хотя статья 130 Уголовного Кодекса РФ была декриминализована вступившим в законную силу Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», по данной категории дел может наступить административная и гражданско-правовая ответственность.

Проблема заключается в том, что за «юридическое» оскорбление может наступить правовая ответственность, а вот за речевое (бытовое) оскорбление – только моральное осуждение и меры общественного воздействия – такое разграничение имеет важное значение для экспертной практики.

Только за одно высказывание вульгарных и бранных слов в адрес какого-либо человека правового преследования не последует, даже

---

⁶³См: Актуальные проблемы СМИ: Материалы Первой российско-американской конференции / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова.- М., 1997.

⁶⁴См: Речевое оскорбление в лингвокриминалистическом анализе текста // Культура общения и ее формирование. – Вып. 24. - Воронеж: «Истоки», 2011 - С. 93-97.

если этот человек посчитал себя оскорбленным и униженным. К сожалению, такое поведение сквернословия и грубияна подлежит лишь общественному и моральному осуждению, поскольку это считается нарушением принятых речевых норм этикета, норм поведения в общественных местах, а также правил культуры речи.

Если нецензурные слова употребляются в узком кругу, адресованы членам данного круга в отсутствие свидетелей или посторонних, то правовых последствий за употребление таких слов также не наступает. Если же подобные выражения используются в адрес какого-либо человека публично, то эти выражения будут считаться оскорблением, за которое наступает административная ответственность по статье 20.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ как за мелкое хулиганство. Однако бывают случаи, когда нецензурная лексика употребляется публично, в общественном месте и не имеет конкретного адресата, в таких ситуациях также наступает административная ответственность по соответствующей статье. Следует иметь в виду, что при употреблении нецензурной лексики в узком кругу или «себе под нос», но так, что эти выражения слышат другие, тоже имеет место публичное сквернословие, за которое наступает ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях РФ.

В последние годы в российской практике все чаще фиксируются поступления в суды исков о защите чести, достоинства и деловой репутации. Данные иски предъявляются юридическими лицами и гражданами, которые считают, что в СМИ или иным способом о них были распространены порочащие сведения, которые ущемляют их права и интересы.

При рассмотрении таких дел перед судами общей юрисдикции возникает серьезная проблема обеспечения должного равновесия при использовании конституционного права на защиту чести, достоинства и деловой репутации, с одной стороны, а с другой - права на свободу слова. В связи с этим в каждом конкретном случае необходимо тщательно и скрупулезно исследовать текст (как вербальный, так и невербальный) и определить, соответствуют ли действительности содержащиеся в нем сведения, наносят ли они вред защищаемым интересам, а

также возможно ли их опровержение по суду. В этом аспекте чрезвычайно важным оказывается установление диагностических признаков оскорбления, таких как:

- 1) негативный характер высказывания;
- 2) его отнесенность к определенному лицу;
- 3) публичный характер;
- 4) нарушение норм морали;
- 5) неприличная форма;
- 6) обобщенность негативной характеристики адресата;
- 7) наличие умысла на оскорбление.⁶⁵

Необходимо пояснить, что неприличная форма – унижение чести и достоинства в степени, резко противоречащей общепринятым правилам общения между людьми, требованиям общечеловеческой морали (на законодательном уровне это понятие не установлено), – является обязательным признаком оскорбления.

При этом в процессе определения формы речевого акта как неприличной выделяют два критерия – субъективный и объективный. Субъективный фактор предполагает, что потерпевший сам посчитал себя униженным и оценивает совершенные в отношении него действия отрицательно. Объективный критерий является основополагающим. Он заключается в диагностировании неприличной формы речевого акта, т.е. в оценке действий с позиции их объективного несоответствия принятым в обществе моральным нормам. При этом использования ненормативной лексики (о такой квалификации можно говорить в тех случаях, когда анализируемые слова отсутствуют не только в академических словарях, но и в словарях субстандартной (сниженной) и обценной лексики) уже достаточно для того, чтобы считать форму высказывания неприличной.

Опираясь на представленный выше перечень признаков и критерии определения формы речевого акта как неприличной, автор настоя-

---

⁶⁵ См. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. - Ярославль, 2013. 35 с. (с. 23).

щего пособия неоднократно составлял юрислингвистические заключения и проводил юрислингвистические экспертизы (см. Приложение 2), убедительные выводы которых учитывались правоприменителями при вынесении решений.

Последние годы в России характеризуются, к сожалению, и неуклонным ростом числа преступлений экстремистской направленности. В такой ситуации становится актуальной проблема выявления признаков экстремизма в материалах, размещаемых в печатных изданиях и в Интернете, с целью пресечения подобной деятельности и привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении норм российского законодательства, предусматривающих юридическую ответственность за экстремистскую деятельность.

Изучение судебной практики позволяет определить основную тематику текстов экстремистской направленности: националистическая, религиозная (организации, группы, деятели – чаще всего исламистские), связанная с территориальной целостностью государства.

Юридическая оценка вербальных экстремистских действий возможна только на основе лингвистической экспертизы.

В спорных текстах, представляемых на судебно-лингвистическую экспертизу, выявить смысловую направленность и иллокутив (коммуникативное намерение) автора помогают, в первую очередь, различные языковые средства, прежде всего – лексические (относящиеся к словарному составу языка) и синтаксические (относящиеся к структуре, построению текста).

Так, на лексическом уровне текста, имеющего признаки экстремизма, обращают на себя внимание негативно-оценочные наименования (например, *мерзкие типы, сброд, чеченские убийцы, менты, вояки*), инвективная лексика (например, *подонки, тварь, жида, уроды*), жаргонные слова (например, *отморозки, чурки, лохи*), обценная лексика и др.

В текстах экстремистского содержания широко представлены такие изобразительно-выразительные средства языка, как гиперболы (например, «*Страна размером с коробку для обуви*» (1999 –

2006/noPressa.ru.)), метафоры (например, *«Клубятся миллионы азербайджанцев, племя снежных людей, хозяйственники в кепках»* («Завтра», № 41 (621), 12 октября 2005)), эпитеты с отрицательной коннотацией (например, *паразитирующая трусливая нерусь, поганая бандитская Чечня, продажный народ*), антитеза (например, *чеченцев мало – русских больше* (из агитационной листовки); *русские и нерусские* («Аргументы и факты», 2006, № 38); *свои люди, скины – чурки, негры, тупые твари* (skin-nn@rambler.ru.) и др.

Весьма разнообразен синтаксис текста экстремистской направленности, который подчинен задачам публичного оправдания терроризма, возбуждения ненависти или вражды, унижения достоинства людей по признакам пола, расы, национальности, происхождения, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе и т.п. Экстремистские идеи воплощаются в побудительных восклицательных предложениях, представленных в формах призывов, лозунгов, воззваний (например, *«Вернем себе нашу страну! Хватит! Это наша страна! Вместе мы победим!»* («Лимонка», 1 декабря 2006; *«Славяне! Где же гордость за ваших предков <...> Пойдите и наведите порядок на своей земле <...> Изгоните паразитирующую трусливую нерусь со своей родины!»* (из агитационной листовки); *Прогоним тварь!* («Правда об иммиграции, которую от тебя скрывают». Агитационная листовка «Движения против нелегальной иммиграции» // www.DPNI.org.); *Тренируйте свое тело, совершенствуйте свои знания в сферах, связанных с революционным делом; убивайте этих сук ножами! Прислушайся к своему сердцу - оно подскажет, чем убить* (из агитационной листовки)). Выражению активного побуждения к действию в данных конструкциях способствует использование специализированных морфологических средств – глагольных императивов. Значение повелительного наклонения передается с помощью форм собственно императива (с суффиксом *-и-*: *пойдите, наведите, изгоните; тренируйте, прислушайся* – здесь суффикс повелительного наклонения нулевой, т.е. не выражен материально) и транспозиционного (переносного) употребления форм изъявительного наклонения (*вернем, прогоним* – формы 1 лица множественного числа будущего времени).

Для создания атмосферы доверия, идейного и духовного единения с потенциальными читателями авторы анализируемых текстов прибегают к вопросно-ответной форме, используя обычные и риторические вопросы: *«Что будет завтра? Ответ зависит от вас, читающих эти строки <...> Не допустить этого – задача каждого честного человека, который думает о будущем своей Родины, своего народа, своих детей»* (агитационная листовка «Движения против нелегальной иммиграции»); *«И полиция в Тегеране – на стороне местных. А в Москве? <...> Хотим ли мы этого?»* («Аргументы и факты», 2006, № 38).

В общем, при анализе семантической структуры высказываний предположительно экстремистской направленности необходимо выявить информацию трех типов: предмет речи, выраженное к нему отношение и цель. Авторы «Теоретических и методологических основ судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» указывают, что из этой обязательной трехчленной структуры «экстремистских» значений «вытекает следующее принципиальное требование: экспертиза «экстремистских» текстов требует анализа всех трех указанных компонентов. Игнорирование одного из них приводит к серьезным экспертным ошибкам»⁶⁶

Следовательно, для детекции «экстремистского» значения нужно провести анализ трех указанных выше типов информации. В этих целях используются соответствующие методы лингвистического (семантического и коммуникативно-прагматического) анализа: предметно-тематический, оценочно-экспрессивный, целевой.

Например, в ходе оценочно-экспрессивного анализа могут быть выявлены два типа отношений к предметам речи: позитивное и негативное. Так, при производстве одной из экспертиз высказываний предположительно экстремистско-террористической направленности было

---

⁶⁶ Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж; ГУ РФЦСЭ при Минюсте России. – М., 2011. С. 35.

выявлено позитивное отношение автора к предметам речи «группы лиц, объединяемых религиозной, национальной и социальной принадлежностью» (боевики международных террористических организаций, иных незаконных вооруженных формирований, а также лица, исповедующие ислам и его радикальные течения) и «экстремистские и террористические действия» – оно (позитивное отношение) выразилось в оправдании терроризма, признании допустимости осуществления террористической деятельности для достижения целей «моджахедов», возможности и желательности указанных действий, а также их необходимости: например, «Моджахеды они все в рай попадут», «Самый хороший на этот момент – это мусульмане, братан», «Они сами все мусульмане добрые, братан», «Они хотят, чтобы все по Корану жили», «...надо, надо убивать», «Только исламский шариат сделает все, приходи и живи, вот так должно быть...». Положительная оценка автора выражается лексически: он употребляет слова с положительной коннотацией (*добрые, хорошие*), и грамматически: употребляет части речи с модальной семантикой желательности, необходимости, долженствования (категория состояния – *надо*, модальные глаголы и прилагательные – *хочет, хотят, должно*). Названные выше значения позитивного отношения адресанта к предмету своей речи подкрепляются и призывами, выраженными на синтаксическом уровне побудительными предложениями: например, «Только исламский шариат сделает все, приходи и живи, вот так должно быть...», «Давай исламское государство принимай».

Негативное отношение автора анализируемых высказываний к предметам речи, обозначенным как «группы лиц, объединяемых религиозной, национальной и социальной принадлежностью» (социальные группы, люди различных национальностей и не исповедующие ислам) и «определенные устои устройства и деятельности государства и общества», передается через выражение значений ненависти, розни, вражды, исключительности, превосходства, унижения и оскорбления. Указанные значения выражаются эксплицитно (явно, открыто): «...не любят дискотеку, самый грех, они говорят, там», «Мусульмане ненавидят [о дискотеках]», «Чеченцы – это не люди, дагестанцы не люди»,

«А если мусульманином не станет, Сашу я убью точно», «Вы скоро все умрете», «...а Кадыров, этот шайтан знаешь, да, время твое придет, твою голову тожеотрежем...», «Все умрете по одному, вы скоро все умрете». Негативная оценка автора выражается лексически: он употребляет слова с отрицательной коннотацией (*не любят, ненавидят, грех, не люди, шайтан*), инвективные слова высшей степени оскорбительности – нецензурную (обценную) лексику (мы ее здесь не цитируем); синтаксически – утвердительные предложения, содержащие прямые угрозы (*Все умрете по одному, вы скоро все умрете*).

В анализируемых высказываниях встречается и имплицитное выражение анализируемых значений – через компоненты лексического значения слова или используемого выражения («... почему моджахедом становятся? Не нравится так жить», «Начальник КГБ Таджикистана поехал в моджахеды в Сирию. Начальник КГБ как пошёл там...»; «Одна дискотека осталась. В Душанбе. Они могли эту дискотеку взорвать. Не успели»); через их экспрессивную окраску; через отбор определенных средств номинации (*«мусоры», «мусора-пусора», моджахед, дискотека-мускотека*).

Эксплицитные и имплицитные негативные оценки в приведенных высказываниях информируют о речевых эмоциях (чувствах, выраженных в использованных языковых средствах) враждебного типа: пренебрежение, неуважение, презрение, ненависть, неприязнь, злость, – которые являются обязательным признаком «экстремистских» значений, связанных с враждой, ненавистью, превосходством, унижением, оскорблением.

Выделенные выше и другие языковые признаки экстремистского текста возможно определить только в процессе тщательного лингвистического анализа. Именно судебно-лингвистическая экспертиза позволяет с достаточно высокой степенью уверенности квалифицировать высказывание как экстремистское либо исключить подобную квалификацию. (См. Приложение 3).

Правовую основу судебно-экспертной деятельности составляют различные официальные юридические документы и в первую очередь

Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001г. В этом акте определены правовая основа, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности как самостоятельного вида социально полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Опираясь на положения данного закона, можно определить специфику судебной лингвистической экспертизы.

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т.п.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Предметом судебной лингвистической экспертизы выступают факты и обстоятельства, имеющие значение доказательств на основе применения специальных филологических знаний и устанавливаемые на основе исследования закономерностей исторического развития и современного функционирования конкретного языка (для российской практики – в большинстве случаев русского, в некоторых – английского и других языков).

К задачам судебной лингвистической экспертизы относятся следующие: интерпретация, перевод и толкование текстов; объяснение употребления языкового знака с точки зрения плана содержания и плана выражения; установление и подтверждение авторства текста; выявление признаков плагиата; различные аспекты порождения и восприятия языкового знака или текста в условиях межкультурной коммуникации и т.д.

Целью данной экспертизы является проверка истинности или ложности (категорические выводы), возможности или невозможности (модальные положительные и отрицательные выводы) высказываний о предмете исследования, которые вытекают из вопросов, поставленных перед экспертом⁶⁷.

---

⁶⁷Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К.И. Бринев ; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – стр. 52.

Объектами судебной лингвистической экспертизы выступают материальные объекты, которые содержат продукты устной или письменной речи, представленные на каком-либо материальном носителе, а также любой устный или письменный текст, содержащийся в материалах дела, требующего экспертизы.

Субъекты судебной лингвистической экспертизы – лица, обладающие необходимыми профессиональными знаниями для решения поставленных перед экспертизой задач.

В области лингвоюридической (юрислингвистической) экспертизы специалисты создают методические и теоретические правила проведения судебно-лингвистической экспертизы законопроектов, различных официальных документов, деятельности журналистов, СМИ, а также экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности, о защите чести, достоинства и деловой репутации и в других сферах.

Данная экспертиза связана с практическим исследованием продуктов речевой деятельности в следственной, судебной, законотворческой и иной правовой сфере. В настоящее время особенное внимание уделяется конфликтным и некорректно сформулированным выражениям, которые неоднозначно интерпретируются в процессе их применения.

В таких ситуациях лингвоюридической (юрислингвистическая) экспертиза является практически единственным источником получения доказательств о неточности и искаженности текста, либо об инвективности (оскорбительности) выражения, либо об экстремистской направленности высказывания.

Исходя из юридического предназначения выделяют следующие виды лингвоюридической (юрислингвистической) экспертизы:

- экспертиза речевых произведений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан (клевета, распространение порочащих сведений, оскорбления и т.д.);
- лингвистическая интерпретация текстов нормативно-правовых актов, спорных документов или договоров;

- анализ экстремистских текстов, вовлеченных в дела, связанные с разжиганием межнациональной, религиозной и социальной войны;
- идентификация личности по языковым признакам, а также текстов и документов;
- оценка речевых произведений в связи с делами по защите авторских прав;
- оценка словесной рекламной продукции, словесных товарных знаков на предмет их правовой защиты;
- экспертиза конфликтных ситуаций, связанных с защитой конституционного права на имя;
- экспертиза конфликтов, связанных с языком, имеющим статус государственного (официального);
- экспертиза конфликтов межъязыкового перевода;
- экспертиза текстов законопроектов, проектов других документов, имеющих юридическое содержание.

Таким образом, правовая лингвистика призвана решать разнообразные проблемы, возникающие на стыке языка и права.

В настоящее время возникает множество проблем при назначении судебной экспертизы. На практике всплывает множество вопросов. Какой вид экспертизы назначить? Какое экспертное учреждение выбрать для ее проведения? Какого эксперта назначить? Насколько высока его компетенция? Какие вопросы должны быть определены в ходе экспертного исследования? Как оценить заключение эксперта?

Компетентность эксперта, в соответствии с законом, устанавливает того субъекта, который назначает экспертизу, то есть именно он устанавливает, в том числе, тот круг вопросов, на которые необходимо получить ответ для правильного рассмотрения дела. В том случае, если экспертиза поручается специализированному государственному экспертному учреждению, в котором руководитель несет ответственность за грамотность и компетентность своего сотрудника, являющегося государственным экспертом, то, как правило, проблем не возникает. Однако бывают ситуации, когда экспертное исследование назначается

частному экспертному учреждению либо лицу, не являющемуся государственным экспертом.

Сама компетенция характеризуется и устанавливается не только на основании полученного экспертом образования в высшем учебном заведении, но и всем комплексом имеющихся у него знаний не только в пределах конкретной экспертной специальности, а также прикладными навыками и опытом в решении конкретных экспертных задач. Ввиду этого даже наличие у эксперта-лингвиста базового высшего филологического образования и ученой степени еще не является гарантией его подготовленности и профессионализма. При этом необходимо заметить, что в настоящее время ни одно высшее учебное заведение в России не занимается регулярным обучением, повышением квалификации и просто проведением курсов для судебных юрислингвистических экспертов.

Это ведет к тому, что выпускники филологических факультетов неспециализированных гуманитарных университетов, не являющиеся профессиональными экспертами, не знакомы с инновациями как в зарубежной, так и в отечественной экспертной практике. Они не владеют новыми юрислингвистическими методиками решения определенных дел, не имеют опыта в данной сфере деятельности и не обладают практическими навыками применения экспертных и лингвистических методов, способов и средств в процессе анализа вербальных и письменных текстов. Они не владеют и знаниями общей теории судебной экспертизы, не знают особенностей административного судопроизводства, арбитражного, гражданского, уголовного процессов.

Данный факт зачастую приводит к одностороннему изучению свойств анализируемых экспертом объектов, а иногда к предвзятости и необъективности исследования. Зачастую экспертные заключения таких выпускников как по форме, так и по содержанию не соответствуют тем критериям, которые были выработаны многолетней экспертной практикой. Они отражают лишь субъективное мнение эксперта-лингвиста.

Еще одной проблемой юрислингвистической экспертизы является то, что зачастую выводы в экспертном заключении непрофессиональных в этом смысле специалистов имеют вероятностную, а не категорическую форму, что является главным основанием неиспользования данного документа в качестве судебного доказательства.

К числу теоретических проблем данной экспертизы относится, как уже говорилось, постановка вопросов перед экспертом. Суд, истцы либо ответчики зачастую задают эксперту-лингвисту, на первый взгляд, легкий вопрос: «Можно ли квалифицировать определенное слово (выражение) как оскорбление?». На практике при проведении экспертного исследования лингвисты не сомневаются в законности и обоснованности этого вопроса, и пытаются ответить на данный вопрос, опираясь на свои профессиональные навыки, знания, кругозор, личный опыт, а также определенный справочный материал и лингвистическую литературу. Однако этот вопрос достаточно сложен хотя бы потому, что понятие «оскорбление» нигде четко не определено и как юридический или лингвистический термин нигде не фигурирует.

Одной из проблем экспертной лингвистической практики является разграничение мнений и суждений, а также оценок и утверждений. Юридические санкции не применяются к мнениям и оценкам, ввиду того, что человек может высказать критическое мнение в адрес другого, не перейдя рамки, за которыми начинается оскорбление. Поэтому, например, такие выражения, как «по моему мнению (или «по моим представлениям»), он взяточник» и «он взяточник» имеют разный окрас инвективности, вследствие чего на практике такие выражения рассматриваются и оцениваются экспертами-лингвистами по-разному. Однако за каждое сказанное слово (выражение) автор должен нести ответственность, потому что каждое высказанное мнение является речевым актом, которое имеет свой мотив и умысел.

При определении оскорбительности речевого акта необходимо исходить из потенциального причинения морального вреда, а не выносить решение, опираясь на логическое измерение реального вреда, причиненного конкретному лицу в конкретной конфликтной ситуации. Речевое средство в рассматриваемом экспертом речевом действии является лишь одним из важных элементов. Однако это не означает, что нужно отказаться от нормативного определения инвективности и от

презумпции лингвистики – это означает, что необходимо расширять словари инвективной лексики, профессионально углублять знания в данной области, а также разрабатывать и совершенствовать методики проведения судебно-лингвистических экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Сказанное относится и к востребованности судебно-лингвистических экспертиз по делам о преступлениях экстремистско-террористической направленности. Экстремизм опасен для личности, общества, государства. Однако опасным является и безосновательное обвинение в экстремистско-террористической деятельности. В свете этого при производстве названной экспертизы чрезвычайно важными являются такие качества специалиста, как профессионализм, тщательность и беспристрастность.

Не менее важной представляется (в свете сказанного ранее о качестве языка современного законодательства) и лингвистическая экспертиза законопроектов, которая способствует тому, чтобы нормативные правовые акты Российской Федерации были совершенными в юридическом и языковом отношении, а также ясными и понятными не только юристам-профессионалам, но и рядовым гражданам. Это, в конечном итоге, повышает эффективность правового регулирования.

Многие проблемы, относящиеся к области соприкосновения и взаимопроникновения языка и права, т.е. к юрислингвистике, обусловлены тем, что сама эта комплексная наука появилась сравнительно недавно, поэтому судебно-лингвистическая экспертиза в нашем правовом пространстве является относительно «молодым» видом экспертного исследования. Тем не менее, благодаря объединенным усилиям юристов и лингвистов, указанные проблемы успешно решаются.

Вопросы и задания

Ответьте на контрольные вопросы

1. Какие виды толкования юридического текста выделяются в юриспруденции?
2. Что предполагает грамматическое толкование юридического дискурса?
3. Какие требования предъявляются к качеству языка нормативного правового акта? Назовите имена ученых, внесших свой вклад в формулирование указанных требований.
4. Каковы объективные и субъективные причины ошибок и недочетов в текстах нормативных правовых актов?
5. Как можно сгруппировать типичные ошибки в текстах нормативных правовых актов?
6. Какие методы позволяют выявлять ошибки в текстах нормативных правовых актов?
7. Каковы возможные пути преодоления ошибок в текстах нормативных правовых актов?
8. Что входит в объем понятия «инвектива»?
9. Каково значение термина «инвективная лексика»?
10. Чем обусловлены сложности определения корпуса инвективной лексики, ее классификации?
11. Какие группировки слов оскорбительного характера возможны? Что такое «шкала инвективности»?
12. В чем заключаются проблемы юридической регламентации использования инвективной лексики?
13. Каковы типичные признаки текста экстремистской направленности?
14. Какова нормативно-правовая основа судебно-экспертной деятельности?
15. Каковы предмет, цели и задачи судебно-лингвистической экспертизы?
16. На каких вопросах сосредоточено внимание судебно-лингвистической экспертизы?

17. Отличаются ли друг от друга теоретические основы и методические правила проведения судебно-лингвистических экспертиз законопроектов, других юридических документов и спорных текстов с возможными признаками экстремизма, оскорбления и др.?

Выполните практические задания

1. Определите соответствие требованиям к юридическому дискурсу в подобранном Вами тексте нормативного правового акта или акта применения права.

2. Согласны ли Вы с мнением немецкого юриста А. Шнитцера: «К ясной форме выражения права может вынуждать только низкий уровень развития людей»?

3. Выделите неудачные или спорные юридические неологизмы среди приведённых ниже:

центральный депозитарий

*железнодорожный транспорт необщего пользования железно-
дорожные пути необщего пользования*

микрофинансовые организации

хозяйственное партнерство

акт незаконного вмешательства

отмывание денег.

4. Выделите предложения с синтаксическими ошибками (нарушение порядка слов, порождающее двусмысленность):

1) Наниматель может предъявить в суде требование о досрочном расторжении договора найма.

2) Решение, принимаемое на местном уровне, может быть отменено ...либо признано недействительным судом в установленном законодательством порядке.

3) Следователь вправе также получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у свидетеля или потерпевшего...(статья 186 УПК РФ).

4) Государственная власть в области осуществляется на основе принципа разделения властей (Устав Владимирской области).

5) Выгул собак на улице хозяевами без ошейников запрещается.

б) Решение о назначении председателя Счётной палаты принимается Законодательным собранием большинством голосов от числа избранных депутатов ЗС по представлению Губернатора.

5. Выполните тест:

1. Основная лексическая единица текста нормативного правового акта:

А – предложение   Б – слово   В – словосочетание   Г – абзац

2. Основная смысловая единица нормативного правового акта:

А – предложение   Б – слово   В – словосочетание   Г – абзац

3. Основные принципы языка права

А – индивидуальность   Б – корректность   В – стабильность   Г – информативность

4. Нестандартные лексические группы, использование которых в нормативных правовых актах не допускается:

А – антонимы   Б – жаргонизмы   В – синонимы   Г – идиомы и архаизмы

5. Виды терминов, используемых в текстах нормативных правовых актов:

А – специализированные   Б – юридические   В – специальные   Г – общенаучные

6. Система языковых правил создания НПА включает в себя:

А – словообразовательные   Б – лексические   В – грамматические   Г – стилистические

7. Особенности стиля нормативных правовых актов:

А – оценочный характер   Б – обратный порядок слов   В – языковая стандартизированность, т.е. использование штампов, клише   Г – строгая последовательность изложения

6. Подберите и проанализируйте примеры лингвистических ошибок в юридических текстах (8 – 10 примеров).

7. Рассмотрите функционирование потенциально инвективных слов в конкретных текстах и ответьте на вопрос: в каких примерах об-

наруживается инвективное их употребление, а в каких – неинвективное? Если инвективное, то определите группу (по классификации экспертов ГЛЭДИС):

1). Народ грабит магазины, сжигает благословенный Мак-Дональдс (этим козлам везде достаётся в первую очередь!) // «Русский фронт», №3, 2003.

2). Меж своими немцами и то в дураках считался. (П. Бажов «Алмазная спичка», 1945.)

3). Поистине «русский дурак» – самый монументальный дурак на свете. (С. Золотцев «Духовный подвиг исполина», 2004.)

4). Свои люди – скины; чурки, негры – тупые твари! (skin-n@rambler.ru.)

5). Вот в какую я попал неприятную, сука, историю! (Юз Алешковский)

6). Спектакль мог понравиться только ослам («Ведомости», 24.03.2010).

7). Нужно, чтобы все коммуняки ушли куда подальше («Комсомольская правда», 03.09.2009).

8. Какие рекомендации по коррекции речевого поведения и профилактики речевой агрессии Вы могли бы дать?

9. Одна из рекомендаций по коррекции речевого поведения и профилактики речевой агрессии – эвфемизация (греч. *euphemia* – «благо-речие, воздержание от употребления неподобающих слов»). Определите значение эвфемизмов:

жёсткие методы ведения допроса

места не столь отдалённые

компетентные органы

информатор

женщина с пониженной социальной ответственностью

высшая мера наказания

непопулярные меры

лицо с ограниченными возможностями.

Лингвоюридическая разминка

Поставьте ударение и произнесите слова в соответствии с орфоэпическими нормами:

федерация, долженствование, звонит, обеспечение, намерение, протест, претензия, начато, начата, коттедж, бутерброд, эксперт, кофе, кафе, интеграция, осведомить, уведомить, уведомление, приговоры, приговоров, рекламация, агрессия, изобретение, коллегия, де-факто, де-юре, идентификация, консенсус, протест, обеспечение.

Найдите и исправьте ошибки (предложения взяты из реальных юридических документов)

1. Благодаря частых краж предприятию был причинён значительный материальный ущерб.
2. Алексеев остался на ночь в помещении для совершения недостачи.
3. Подозреваемый поселился жить в съёмной квартире.
4. Сычёв отобрал нож у Малова и нанёс ему этим ножом ножевое ранение.
5. Не нужно из этого факта строить проблему.
6. Нечаев получил от потерпевшей 10 тысяч рублей денег.
7. Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Кузнецов дал признательные показания.
8. Защитник с материалами дела ознакомился, и от него поступило заявление с просьбой освободить его из-под стражи.
9. Мать Конькова страдает сердечной деятельностью.
10. Продолжительность процесса длится несколько часов.

Нормы правописания

Вставьте пропущенные буквы

Т...рмозной путь, м...г...страль, распростр...нение эп...демии, отр...вление, осл...бление, клев...тнические измышления, закр...плён-ные, происх...ждение, про...вляет, выпл...та, предост...вление, охр...ня-ется, позв...ляющие, призн...ётся, пр...сечение, ра...трата, во...станов-ление на работе, во...пр...пятствование, пр...ём на работу, и...тязания, пр...надлежность, и...ребление, жела..ая цель, це..ое имущество, гос-ударстве..ая собстве..ость, единстве..о возможный, двухсекцио..ый сейф, колото-реза..ые раны, объяснения получе..ы, вина доказа..а, дей-ствия ограниче..ы, ограниче..о дееспособный, следствие законче..о, стреля..ые гильзы.

Расставьте знаки препинания

1. Перечень не подлежащего конфискации имущества необходи-мого для самогó осуждённого устанавливается законодательством.
2. Суд постановляет не приводить приговор в исполнение если в течение определённого судом испытательного срока осуждённый не совершит нового преступления и примерным поведением и честным трудом оправдывает оказанное ему доверие.
3. Суд выслушав мнение участников судебного разбирательства должен обсудить каждое заявленное ходатайство удовлетворить его или вынести мотивированное определение об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства.
4. Лицо не являющееся субъектом преступления специально ук-азанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Ко-декса участвовавшее в совершении преступления предусмотренного этой статьёй несёт уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора...
5. Защитник обязан использовать все указанные в законе способы и средства защиты в целях выяснения обстоятельств оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность.
6. Все внесенные в протокол изменения дополнения и исправле-ния должны быть оговорены и удостоверены подписями.

7. Пропущенный по уважительной причине срок должен быть восстановлен постановлением лица производящего дознание.

8. На тех же основаниях несут ответственность постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства совершившие преступление за пределами Российской Федерации.

9. Закон устраняющий преступность деяния смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица имеет обратную силу.

10. Супруг изменивший свою фамилию при вступлении в брак на другую вправе и после расторжения брака именоваться этой фамилией.

Выполните итоговый тест

1. Юридическая лингвистика сформировалась на стыке двух научных дисциплин:

- а) лингвистики и юриспруденции;*
- б) лингвистики и философии права;*
- в) лингвистики и криминалистики.*

2. Предметом юридической лингвистики является:

- а) закономерности функционирования конкретного языка;*
- б) язык в различных отношениях, возникающих в зоне пересечения языка и права;*
- в) факты и обстоятельства совершения правонарушения.*

3. Термин «юрислингвистика» в научный обиход ввел:

- а) А. Подлех;*
- б) Н.Д. Голев;*
- в) Дж. Свартвик.*

4. Основное внимание отечественной юрислингвистики сосредоточено на:

- а) юридической герменевтике;*
- б) лингвистической экспертологии;*
- в) суггестивных аспектах речевой деятельности.*

5. К социально-правовым функциям в числе прочих относятся:

- а) коммуникативная;*
- б) экономическая;*
- в) регулятивная.*

6. Какие термины являются общими для лингвистики и юриспруденции:

- а) фонема, морфема, лексема;*
- б) истец, ответчик, суд;*
- в) норма, закон, кодификация?*

7. К иерархии какого типа относится языковая система:

- а) включения;*
- б) подчинения;*
- в) подключения?*

8. Какие языковые единицы являются двуплановыми (имеющими план выражения и план содержания):

- а) фонемы;*
- б) словоформы;*
- в) звуки?*

9. Какой языковой уровень является самым подвижным, непосредственно реагирующим на изменения в общественной жизни:

- а) морфологический;*
- б) синтаксический;*
- в) лексический?*

10. В понятие «грамматический строй языка» («грамматика») входят:

- а) морфология и синтаксис;*
- б) фонетика и фонология;*
- в) лексика и фразеология.*

11. Выделите признаки официально-делового стиля:

- а) пространность и вариативность;*
- б) эмоциональная окрашенность;*
- в) языковые штампы (клише).*

12. Определение «Система приемов наиболее целесообразного использования языковых средств в нормативных документах» относится к понятию:

- а) художественный стиль;*
- б) научный стиль;*
- в) стиль правотворчества.*

13. На каких языковых уровнях юридический текст имеет характерные особенности:

- а) на фонетическом и лексическом;*
- б) на всех;*
- в) на морфемном, лексическом и грамматическом?*

14. Для какого языкового уровня юридического текста характерны следующие особенности: преобладание непростых сказуемых, наличие предложений с осложняющими компонентами:

- а) для синтаксического;*
- б) для морфологического;*
- в) для морфемного?*

15. Юридическая терминология включает в свой состав:

- а) диалектные и устаревшие слова;*
- б) специальные юридические и неюридические термины;*
- в) разговорную и просторечную лексику.*

16. Какие методы используются при юрислингвистическом анализе правового текста:

- а) социально-правовой эксперимент;*
- б) математическое моделирование;*
- в) лексико-семантический, синтаксический анализы?*

17. Выделите языковые штампы (клише), характерные для юридического текста:

- а) по истечении срока; предъявлено обвинение;*
- б) выйти сухим из воды; ахиллесова пята;*
- в) люди в белых халатах; скупая мужская слеза.*

18. В число требований к языку нормативных правовых актов помимо прочих входит:

- а) произвольный выбор терминов;*
- б) многозначность толкования;*
- в) сочетание лаконичности с необходимой полнотой.*

19. Должен ли текст закона быть понятным всем носителям языка?

- а) да;*
- б) не обязательно;*
- в) нет.*

20. На восприятие смыслового содержания нормативного высказывания в числе прочих влияет:

- а) его грамматическая форма, конструкция;*
- б) шрифт текста;*
- в) официальный орган, его издавший.*

21. Основной коммуникативной единицей языка является:

- а) слово;*
- б) звук;*
- в) предложение.*

22. Ошибки, содержащиеся в тексте нормативных правовых актов, называются:

- а) синтаксическими;*
- б) правотворческими;*
- в) правоприменительными.*

23. К какому понятию относится следующее определение: «Потенциально оскорбительные слова и выражения, которые могут употребляться как форма оскорбления или унижения адресата речи или третьего лица»:

- а) устаревшая лексика;*
- б) инвективная лексика;*
- в) профессиональная лексика?*

24. Выберите ряд инвективных слов:

- а) хам, горлопан, мокрая курица;*
- б) общий, целый, данный;*
- в) плакса, разиня, копуша.*

25. Из приведенных ниже выберите определение понятия достоинства:

- а) приобретаемая положительная или отрицательная общественная оценка деловых качеств лица;*
- б) общественная оценка личности, мера духовных, социальных качеств личности;*
- в) сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании.*

26. К какому понятию относится следующее определение: «Преступление, заключающееся в умышленном унижении чести и достоинства человека, выраженном в неприличной форме»:

- а) оскорбление;*
- б) унижение;*
- в) обида?*

27. Какие словосочетания из юридических текстов являются неправильными в языковом отношении:

- а) надзор за исполнением, система органов власти, комиссия для подготовки проектов;*
- б) опасное преступление, признательные показания, личный обыск;*
- в) безопасность государства, обеспечение обороны страны, вправе требовать?*

28. В каком нормативном высказывании имеет место двусмысленность (с комическим эффектом) вследствие нарушения порядка слов в предложении:

- а) Законодательное собрание вправе образовывать постоянные или временные комиссии для подготовки законопроектов;*
- б) Выгул собак хозяевами без намордников на улице запрещается;*
- в) Местное самоуправление – деятельность населения по решению вопросов местного значения?*

29. Какие из перечисленных особенностей характеризуют морфологический уровень юридического текста:

- а) простые утвердительные предложения, прямой порядок слов;*
- б) языковые штампы (клише), юридическая терминология;*
- в) большое количество абстрактных отглагольных существительных, производных предлогов?*

30. Какой из способов толкования норм права помогает выявить недочеты и ошибки в конструкциях (синтаксическом строении) нормативного высказывания:

- а) исторический;*
- б) грамматический (синтаксический);*
- в) сравнительно-правовой?*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В социальной жизни право и язык объективно взаимодействуют, что неизбежно приводит к необходимости изучения проблем, возникающих в процессе этого взаимодействия. И относительно молодая синкретичная наука, сформировавшаяся на стыке юриспруденции и языкознания, вносит свой вклад в решение указанных и рассмотренных в пособии вопросов.

Юридическая лингвистика (юрислингвистика) разрабатывает теоретические основы и практические модели (методики) юридизации языковых явлений. Результаты совместной работы юристов и лингвистов востребованы на всех стадиях функционирования права – от нормотворчества до реализации права.

Сама природа правового регулирования неизбежно требует знания языка: именно на знаниях о языке основаны многие правила юридической техники (как правотворческой, так и правоприменительной).

В современных российских условиях требуется повышенное внимание к правильному и глубокому пониманию действующих правовых норм, установлению их точного смысла, места в общей системе правового регулирования и социальной направленности, что не в последнюю очередь связано с качеством языка нормативно-правовых актов. А оно, как мы убедились, до сих пор остается далеким от совершенства.

В этой ситуации именно интегрированное знание права и языка, их понимание помогает избегать ошибок и недочетов в нормативных текстах. На помощь законодателям приходит и лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов.

Основной доказательной силой во многих судебных разбирательствах по поводу спорных (конфликтных) текстов обладает, как мы убедились, судебная лингвистическая (лингвоюридическая) экспертиза.

В процессе производства судебной лингвистической экспертизы или юрислингвистического заключения по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации выявляются диагностические признаки оскорбления: оно характеризуется сообщением негативных сведений о потерпевшем, возможностью отнесения указанных негативных сведений к определенному лицу или лицам, информационным, а не субъек-

тивно-эмоциональным характером сообщения, неприличной (нецензурной) формой высказывания, негативной характеристикой адресата, наличием умысла).

В рамках деятельности по противодействию экстремизму лингвоюридическая экспертиза играет решающую роль в детекции лингвистических признаков текста экстремистской (экстремистско-террористической) направленности: негативно-оценочные наименования, инвективная лексика, жаргонные слова, обценная лексика; гиперболы, метафоры, антитезы, эпитеты с отрицательной коннотацией; побудительные восклицательные предложения, представленные в формах призывов, лозунгов, воззваний; различные обращения; вопросно-ответная форма с использованием обычных и риторических вопросов и др.

Все атрибутивные особенности исследуемых в рамках данной экспертизы текстов будут свидетельствовать о выражении различных экстремистских значений (публичное оправдание терроризма, возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства людей по признакам пола, расы, национальности, происхождения, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе и т.п.) только при условии, как было доказано, комплексного подхода к анализу спорных текстов – с учетом трех компонентов семантической структуры высказывания: предмета речи, выраженного к нему отношения и цели. При этом специалисту нужно учитывать как эксплицитное (открытое, явное), так и имплицитное (скрытое, не прямое) выражение оценок, отношения авторов высказываний к предметам речи.

Таким образом, проблемы, возникающие в сфере пересечения языка и права, достаточно сложны и разнообразны. Однако можно утверждать, что в настоящее время позитивное развитие юрислингвистики, стимулированное самим обществом, помогает и будет в дальнейшем помогать в теоретическом и практическом решении указанных проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно-правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. М.: ЭКСМО, 2012. И. 36 с.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
6. Федеральный закон РФ от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».
8. Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с изменениями и дополнениями от 23.11.2015 г.)

Книги под фамилией автора:

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текстов: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. 592 с.
<https://avidreaders.ru/book/lingvisticheskaya-ekspertiza-teksta-teoreticheskie-osnovaniya-i.html>
2. Барт Р. Империя знаков / Пер. с франц. Я. Г. Бражниковой. М.: Праксис, 2004. 144 с.
3. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.

4. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К.И. Бринев. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2009. 252 с.
5. Бушлаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 628 с.
6. Валгина Н.С. Современный русский язык / Н. С. Валгина, [и др.]. М.: Логос, 2003. 304 с.
7. Введенская Л.А., Червинский П.П. Теория и практика русской речи. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 480 с.
8. Виноградов В.В. О теории художественной речи: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филолог. Специальностям / В.В. Виноградов. Изд. 2-е, испр. М.: Высшая школа, 2005. 286 с.
9. Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 455 с.
10. Власенко Н.А. Основы теории юридических документов: курс лекций / Н.А. Власенко, С. В. Стародубцев. М.: Рос. акад. правосудия, 2006. 88 с.
11. Власенко Н.А. Избранное / Н.А. Власенко. М.: Норма, 2015. 672 с.
12. Вопленко Н.А. Официальное толкование норм права / Н.А. Вопленко. М.: Юрид. лит, 1976. 119 с.
13. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная. Изд. 12-е. / Востоков А.Х. М.: Книга по требованию, 2011. 246 с.
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. 144 с.
15. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. М.: КомКнига, 2009. 408 с.
16. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа – СПб.: Наука, 1992 – XLVII. 444 с.
17. Герд А.С. Введение в этнолингвистику Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 457 с.
18. Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1991. 744 с.
19. Грязин И. Текст права. Опыт методологического анализа конкурирующих понятий / И. Грязин. Таллин : Ээсти раамат, 1983. 187 с.

20. Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции / Т. В. Губаева. Казань: Изд-во КГУ, 1995. 300 с.
21. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира: монография. М.: Ладомир, 2001. 352 с.
22. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества / В.Н. Карташов. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2005. 547 с.
23. Керимов Д.А. Законодательная техника / Д.А. Керимов. М.: Норма-Инфра М, 1998. 127 с.
24. Корконосенко С.Г. Социология журналистики. М.: Аспект-пресс, 2004. 318 с.
25. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учеб. пособие для вузов / П. А. Лекант . 3-е изд., испр. и доп . М.: Высш. шк., 2004. 247 с.
26. Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: Императорская Академия Наук, 1755. 213 с.
27. Лысакова И.П. Социолингвистический анализ журналистского текста. <https://forpsy.ru/works/uchebnoe/sotsiolingvisticheskiy-analiz-jurnalistskogo-teksta-i-opyt-issledovaniya-pressyi/>
28. Марогулова И.Л. Защита чести и достоинства / И.Л. Марогулова. М.: Правовое просвещение, 1998. 128 с.
29. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. М.: Русский язык, 1988. 300 с.
30. Петрова И.Л. Объективация права в аспекте юридической лингвистики: учеб. пособие / И.Л. Петрова; Федер. служба исполн. наказаний; Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. 64 с.
31. Петрова И.Л. Проблемы современной юридической лингвистики: учеб. пособие / И.Л. Петрова; Федер. служба исполн. наказаний; Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2016. 60 с.
32. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» / URSS, 2009. Изд. 9-е. 450 с.

33. Руднев В.Н. Культура речи юриста: учебник и практикум для академического бакалавриата / В.Н. Руднев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2021. 169 с. <https://avidreaders.ru/book/kultura-rechi-yurista-2-e-izd.html>

34. Сабитов Р.А. Расследование преступлений экстремистской направленности: методика и квалификация / Р. А. Сабитов, П. В. Худяков: учеб. пособие. Челябинск. Челяб. Юрид. Ин-т. МВД России, 2010. 197 с.

35. Стернин И.А. Типы речевых культур: учеб. пособие для вузов. Воронеж: «Истоки», 2013. 23 с.

36. Стернин И.А. Правила и приёмы речевого воздействия: учеб. пособие для вузов. Воронеж: «Истоки», 2013. 149 с.

37. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста: уч. пособие. Ярославль, 2013. 35 с.

38. Тарланов З.К. Юридическая лингвистика: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / З.К. Тарланов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 180 с. <https://avidreaders.ru/book/yuridicheskaya-lingvistika-2-e-izd-ispr.htm>

39. Толстик В. А. Иерархия российского и международного права / В.А. Толстик. М.: Юрайт-М, 2001. 128 с.

40. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. В 2-х ч. Пермь, 1967. Ч. 1. 206 с. 1970. Ч. 2. 42 с.

41. Хижняк С.П. Основы юридической лингвистики [Электронный ресурс]: учеб. пособие / С.П. Хижняк. – Саратов: Вузовское образование, 2017. 123 с. <https://b-ok.cc/book/3436592/d1c7a9>

42. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. 3 изд. М.: УРСС, 2001. 620 с.

43. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 214 с.

Книги под заглавием:

1. Актуальные проблемы права и СМИ: Материалы Первой российско-американской конференции / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. Центр «Право и средства массовой информации». Серия «Журналистика и право». Выпуск 7. М.: Право и СМИ, 1997.
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов. 2-е издание /под ред. М.В. Горбаневского. М.: Юридический Мир, 2006. 112 с.
3. Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного научно-практического круглого стола. М.: Проспект, 2009. 1120 с.
4. Профилактика экстремизма в молодежной среде: информационно-методический сборник. Иркутск, 2020. 131 с.
5. Структурализм: «за» и «против». М., 1975, Р. Барт Основы семиологии: с.114 – 163.
6. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж; ГУ РФЦСЭ при Минюсте России. М., 2011. 326 с.
7. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. М.: Галерея, 2001. 424 с.
8. Юридическая техника. В 2 т.: учебник для вузов / под ред. В.М. Баранова. – М.: Юрайт, 2017. Т. 1. 251 с.; Т. 2. 245 с.
9. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990. 200 с.
10. Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр./Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.

11. Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр./Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.

12. Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АГУ, 2002.

13. Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008.

Монографии:

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография / В. В. Бабайцева. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

2. Кусов Г.В. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типовая методика): монография. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2011. 156 с.

3. Петрова И.Л. Синтаксис в праве: монография / И.Л. Петрова; Федер. служба исполн. наказаний; Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2007. 136 с.

4. Петрова И.Л. Защита чести, достоинства и деловой репутации: юрислингвистический аспект: монография / И.Л. Петрова. – Владимир: Шерлок-пресс, 2018. 96 с.

5. Степин В.С. Теоретическое знание: монография / В.С. Степин. – М.: Прогресс – Традиция, 2003. 744 с.

6. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. Саарбрюккен (Германия): «Ламберт», 2013. 192 с.

7. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. Монография. Саратов: СЮИ МВД России. 2013. 159 с.

8. Хомский Н. Язык и мышление. Монография. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 126 с.

Научные статьи:

1. Аблин М.В. Экстремизм и экстремистские материалы в юрислингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №36 (290). С. 5 – 8.
2. Баранов В.М., Александров А.С., Голев Н.Д. Риторика и право// Юрилингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Ирбис. Сервер электронных публикаций ММЦ АГУ.
3. Батюшкина М.В. Лингвистические экспертизы в юридическом дискурсе: виды и аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №2 (70). С 164 – 172.
4. Власенко С.В. Метафоры в языке права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2014. №4. С.23-30.
5. Галяшина Е. И. Назначение, производство и оценка заключения судебной лингвистической экспертизы (Методические рекомендации) // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. профессора М. В. Горбаневского. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 424 с.
6. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: квалификация и компетенция судебного эксперта-речевода. // Актуальные проблемы российского права. 2018, №4 (89). С. 130 – 138.
7. Галяшина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. С. 25 – 41.
8. Глубинная семантика слова в языковом сознании //Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы международной научной конференции 30-31 мая 2014 г. –М.: ИЯ РАН, РУДН, 2014. С.23 – 24.
9. Гончаров А.Б., Рыбаков А.В., Ажмухамедов И.М. Автоматизированный анализ текстов экстремистской направленности // Математические методы в технике и технологиях. Саратов: СГТУ им. Ю.А. Гагарина. Том 8. 2019. С. 91 – 95.

10. Губаева Т.В. Практические проблемы судебной экспертизы по делам об экстремизме // Юрислингвистика, №1. Изд-во Алтайский государственный университет. Барнаул, 2011. С. 339 – 341.

11. Доровских Е.М. Правовые проблемы защиты русского языка // Государство и право. 2013. №2. С. 5-12

12. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194 – 206.

13. Карапетян А.Э. Сотрудничество законодателя и лингвиста: лингвистическая экспертиза законодательных проектов // Политическая лингвистика. 2014. №3 С. 246 – 247.

14. Костромичева М.В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права. // Политика и право. 2011. №3. С.57-61.

15. Леонтьев Д.А., Тульчинский Г.Л. Экспертиза как гуманитарная методология и практика // Философские науки. 2018. №2. С. 120 – 140.

16. Липатова Ж.Н. Экспертиза материалов экстремистской направленности: юридический аспект, в свете деятельности следователя и прокурора // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. №4 (36). С. 32 – 33.

17. Меликян В.Ю. Типовые вопросы к лингвисту-эксперту и пределы компетенции лингвистики и права // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». Ростов на-Дону, 2012. С. 50 – 58.

18. Моисеева Н.В. Клевета и оскорбление: к постановке проблемы юрислингвистической экспертизы. // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». Ростов на-Дону, 2012. С. 59 – 62.

19. Нерубенко А.С., Елисеева Е.С. Экстремизм как социально-правовое явление: распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского института МВД России. 2018. №1. С. 41 – 44.

20. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / М.Л. Подкатилина // Изв. Тул. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2016. Вып. 1, № 3–2. С. 389–394.

21. Садретдинов О.Е. Экстремизм как угроза государственной целостности Российской Федерации // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). М.: Буки-Веди, 2017. С. 16 – 19.

22. Стернин И.А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // «Воронежский адвокат». № 1(79). 2010. С.16 – 21.

23. Толмачева М.Ю., Киладзе Экстремизм и терроризм – реальная угроза безопасности современного общества // Вестник Прикамского социального института. 2018. №2 (80). С. 59 – 68.

24. Тонков Е.Е., Туранин В.Ю. Лингвистические ошибки в текстах российских законов. // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право., 2012, №14 (133). Вып. 21. С. 138 – 144.

25. Шестак Л.А. Юрислингвистика: типы лингвистических проблем при анализе спорного текста // Известия ВГПУ. Филологические науки. Волгоград, 2020. № 10 (143). С. 180 – 183.

26. Щедровицкий Г.П. Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 12–28.

27. Щербакова Л.П. Юридические тексты: Опыт грамматико-типологического описания: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2007. 19 с.

28. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики: Материалы Международной научной конференции/Отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып.2. Ч.1. С.92 – 98.

Справочная литература:

1. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт С.А. Кузнецов. 1998.

2. Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
5. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI. Белкин Р.С. 2000.
6. Словарь русских политических метафор//Под ред. А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова. М., 2000.
7. Словарь обидных слов //Сост. Дуличенко Л.В. Тарту, 2000;
8. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. Большой юридический словарь, Инфра-М, 2001.
9. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2003.

Интернет ресурсы:

1. «Лексис»: РОО Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей [Электронный ресурс]. <http://lexis.webservis.ru>
2. <http://www.vedu.ru/bigencdic/73198/>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ТЕМЫ МАГИСТЕРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1. Законы языка и язык законов.
2. Понятийные основы и принципы юридической лингвистики.
3. Система концептов языка права.
4. Экстремистский текст как объект и предмет судебно-лингвистической экспертизы.
5. Речевое оскорбление как объект и предмет судебно-лингвистической экспертизы.
6. Юридиколо-лингвистический механизм обеспечения права на честь и достоинство.
7. Проблемы неоднозначности юридических терминов.
8. Государственный язык: проблемы и решения.
9. Концепции и методы исследования текстов экстремистской направленности.
10. Инвективность в юрислингвистическом аспекте.
11. Методология и методика правовой экспертизы.
12. Юридиколо-лингвистическая оценка конфликтогенного текста.
13. Инвективность в социально-правовой коммуникации.
14. Юридиколо-лингвистические аспекты интернет-коммуникации.
15. Юридиколо-лингвистический дискурс и его реализации.
16. Концептуарий языка права.
17. Виды судебных речей и их языковые особенности.
18. Традиции античной риторики в современном юридическом дискурсе.
19. Проблема государственного языка.
20. Дискурсивные характеристики экстремистского текста.
21. Оскорбление и унижение в юрислингвистическом аспекте.

22. Категория «оскорбление» в российском и международном праве.
23. Юрислингвистическая оценка конфликтогенного текста.
24. Юридическая и лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов.
25. Коммуникация в судопроизводстве.
26. Коммуникативные стратегии в адвокатской практике.
27. Дискредитация личности в юрислингвистическом аспекте.
28. Инвективность в юрислингвистическом аспекте.
29. Юридическая техника и язык права.
30. Стилистика нормативно-правового текста.
31. Становление категории «языковая личность».

Приложение 2

ПРИМЕРЫ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ⁶⁸

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

специалиста-юрислингвиста

г. Владимир

30 марта 2018 года

Сведения об эксперте: доцент кафедры теории и истории государства и права ВлГУ, кандидат юридических наук Кузнецова Ольга Алексеевна (специальности: русский язык и литература – диплом ЗВ №614...; юриспруденция – диплом ОК №24...; диплом кандидата юридических наук ДКН №020...; аттестат доцента № 004...; общий стаж работы по специальностям – 36 лет, неоднократно принимала участие в судебных заседаниях в качестве приглашенного специалиста-лингвиста, давала письменные заключения по запросу органов прокуратуры и суда).

Перед специалистом поставлен следующий вопрос:

1. Носят ли оскорбительный характер нецензурные выражения (см. Объяснение Иванова Н.В.), употребленные Сидоровой В.Б. в общественном месте в присутствии свидетелей в отношении лица (Иванова Н.В.), считающего себя оскорбленным подобными выражениями?

Исследование по поставленному вопросу.

Для решения вопроса использовались методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста. Исследование проводилось в соответствии с методиками производства лингвостилистического, текстологического и лексико-семантического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при правлении ГЛЭДИС, а также с использованием следующей литературы:

---

⁶⁸ Имена и фамилии, а также даты в представленных документах изменены.

1. К.И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Монография – Барнаул, АГПА, 2009.
2. А.Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие _ М.: Флинта: Наука, 2007.
3. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 2005.
4. И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста: уч. пособие. Ярославль, 2013.

Контекст и ситуация речи позволяют говорить об оскорбительном характере представленных в вопросе выражений.

Юрислингвисты характеризуют речевой акт как оскорбление при наличии следующих признаков:

- 1) негативный характер высказывания;
- 2) его отнесенность к определенному лицу;
- 3) носит публичный характер;
- 4) связано с нарушением норм морали;
- 5) имеет неприличную форму;
- 6) негативная характеристика адресата является обобщенной;
- 7) имел место умысел на оскорбление.

В представленных в объяснении Иванова Н.В. выражениях имеет место и негативный характер высказывания, и публичный характер (описанные действия происходили в клубе воинской части в присутствии свидетелей), и отнесенность к определенному лицу, и неприличная форма, и обобщенность характеристики адресата. О наличии умысла на оскорбление говорить затруднительно, поскольку эксперту неизвестен более широкий контекст и предшествующие описанной ситуации обстоятельства.

Однако в данном случае присутствует обязательный признак оскорбления – неприличная форма высказывания. Под неприличной формой понимается унижение чести и достоинства в степени, резко противоречащей общепринятым правилам общения между людьми,

требованиям общечеловеческой морали. Форму речевого акта как неприличную определяют на основании двух критериев – субъективного и объективного.

Субъективный фактор предполагает, что потерпевший сам посчитал себя униженным и оценивает совершенные в отношении него действия отрицательно. Этот критерий в анализируемой ситуации налицо, так как Иванов Н.В. решил урегулировать разногласия с субъектом оскорбления в порядке административного производства (просит привлечь Сидорову В.Б. к административной ответственности по ст.5.61 КоАП РФ за оскорбление).

Объективный критерий является основополагающим. Он заключается в диагностировании неприличной формы речевого акта, т.е. в оценке действий с позиции их объективного несоответствия принятым в обществе моральным нормам. При этом использования ненормативной лексики достаточно для того, чтобы считать форму высказывания неприличной. Нецензурные выражения (а именно они имели место в высказываниях Сидоровой В.Б.) составляют ядро ненормативной лексики. О ненормативном характере подобных выражений свидетельствует их отсутствие не только в академических словарях, но и в словарях субстандартной (сниженной) и обценной лексики.

Следовательно, оба критерия, субъективный и объективный, позволяют определить форму высказываний Сидоровой В.Б. как неприличную, что является главным и обязательным признаком оскорбления.

Вывод. нецензурные выражения (см. Объяснение Иванова Н.В.), употребленные Сидоровой В.Б. в общественном месте в присутствии свидетелей в отношении Иванова Н.В., носят оскорбительный характер.

Доцент кафедры теории и
истории государства и права
Юридического института ВлГУ

О.А. Кузнецова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

специалиста-юрислингвиста

г. Владимир

24 декабря 2018 года

Сведения об эксперте: доцент кафедры теории и истории государства и права ВлГУ, кандидат юридических наук Елисеева Елена Игоревна (специальности: русский язык и литература – диплом ЗВ №632...; юриспруденция – диплом ОК №352...; диплом кандидата юридических наук ДКН №023...; аттестат доцента № 006...; общий стаж работы по специальностям – 38 лет, неоднократно принимала участие в судебных заседаниях в качестве приглашенного специалиста-лингвиста, более десяти раз давала письменные заключения по запросу органов прокуратуры и суда).

Перед специалистом поставлен следующий вопрос:

1. Носят ли оскорбительный характер слово «проститутка» и выражение «женщина легкого поведения», употребленные в общественном месте, в присутствии прохожих, в отношении лица, считающего себя оскорбленным подобными выражениями?

Исследование по поставленному вопросу.

Для решения вопроса использовались методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста. Исследование проводилось в соответствии с методиками производства лингвостилистического, текстологического и лексико-семантического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при правлении ГЛЭДИС, а также с использованием следующей литературы:

1. К.И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Монография – Барнаул, АГПА, 2009.
2. А.Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие _ М.: Флинта: Наука, 2007.
3. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров,

- следователей, дознавателей и экспертов. 2-е издание /под ред. М.В. Горбаневского – М.: Юридический Мир, 2006.
4. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 2005.
  5. И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста: уч. пособие. Ярославль, 2013.

Контекст и ситуация речи позволяют говорить об оскорбительном характере представленных в вопросе выражений.

Юрислингвисты характеризуют речевой акт как оскорбление при наличии следующих признаков:

- 1) негативный характер высказывания;
- 2) его отнесенность к определенному лицу;
- 3) носит публичный характер;
- 4) связано с нарушением норм морали;
- 5) имеет неприличную форму;
- 6) негативная характеристика адресата является обобщенной;
- 7) имел место умысел на оскорбление.

В представленных выражениях имеет место и негативный характер высказывания, и публичный характер, и отнесенность к определенному лицу. Слово «проститутка» и выражение «женщина легкого поведения» являются обобщенной характеристикой лица, посчитавшего себя оскорбленным. При этом указанное выше слово не содержится в академических словарях, что подтверждает обязательный признак оскорбления – неприличную форму. Эксперты ГЛЭДИС⁶⁹ в составленном ими списке инвективных (оскорбительных) слов определяют первое слово в первую группу: «слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, приобретающие инвективную экспрессию при употреблении в переносном значении: *взяточник, жулик, проститутка*»; а второе выражение относят к

---

⁶⁹ Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам.

группе под названием «эвфемизмы для слов первой группы, сохраняющие, тем не менее, их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*». В анализируемой ситуации речи является несомненным также наличие умысла на оскорбление (говорит бывший, обиженный муж). Следовательно, слово «проститутка» и выражение «женщина легкого поведения» являются оскорблением.

Вывод. Слово «проститутка» и выражение «женщина легкого поведения» в представленной ситуации носят оскорбительный характер.

Доцент кафедры теории и
истории государства и права
Юридического института ВлГУ

Е.И. Елисеева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

специалиста-юрислингвиста

г. Владимир

24 июня 2019 года

Сведения об эксперте: доцент кафедры теории и истории государства и права ВлГУ, кандидат юридических наук Чернышова Маргарита Михайловна (специальности: русский язык и литература – диплом ЗВ №533...; юриспруденция – диплом ОК №16...; диплом кандидата юридических наук ДКН №031...; аттестат доцента № 002...; общий стаж работы по специальностям – 35 лет, принимала участие в судебных заседаниях в качестве приглашенного специалиста-лингвиста, неоднократно давала письменные юрислингвистические заключения по запросу органов прокуратуры, суда, ФСБ).

Перед специалистом поставлен следующий вопрос:

Являются ли высказывания командира войсковой части 33787 полковника Грушко Ю.С., употребленные последним 12.05.2019 на строевом плацу в присутствии свидетелей в отношении военнослужащего этой же части старшины Зимины С.Л., оскорбительными, в том числе унижающими честь и достоинство?

Для составления заключения специалисту предоставлены материалы:

- объяснения заявителя Зимины С.Л. на 2 л.;
- объяснения свидетелей Курганова В.А., Птушкина С.Д., Шувалова А.М. и Рукавишникова С.Д., на 8 л.

Исследование по поставленному вопросу.

Для решения вопроса использовались методы анализа значений слов и высказываний, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста, юрислингвистике. Исследование проводилось в соответствии с методиками производства лингвостилистического, психолого-лингвистического, текстологического и лексико-семантического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при правлении ГЛЭДИС, а также с использованием следующей литературы:

1. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Монография – Барнаул, АГПА, 2009.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. 3-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
3. Бельчиков Ю.А., М.В.Горбаневский, И.В. Жарков Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ // Сборник материалов. – М.,2010.
4. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга / программа «Словари XXI века»; научный редактор-лексикограф Н. Б. Троепольская. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 2007.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2005.
6. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста: уч. пособие. Ярославль, 2013.

В представленных объяснениях заявителя Зими́на С.Л. и свидетелей Курганова В.А., Птушкина С.Д., Шувалова А.М. и Рукавишников С.Д. описывается эпизод, когда командир войсковой части 33787 полковник Грушко Ю.С. на общем построении в присутствии командиров подразделений и всего личного состава воинской части, на повышенных тонах выражая свое недовольство по факту того, что дежурный по КПП старшина Зими́н С.Л. не встретил его по прибытии на территорию войсковой части, грубо выразился в адрес Зими́на С.Л., назвав его «дегенератом».

Ситуация речи позволяет говорить об оскорбительном характере высказывания Грушко Ю.С. в адрес Зими́на С.Л.

Юрислингвисты характеризуют речевой акт как оскорбление при наличии следующих признаков:

- 1) негативный характер высказывания;
- 2) его отнесенность к определенному лицу;
- 3) публичный характер высказывания;

- 4) связь содержания высказывания с нарушением норм морали;
- 5) неприличная форма;
- 6) обобщенность негативной характеристики адресата;
- 7) наличие умысла на оскорбление.

В речевом высказывании Грушко Ю.С. имеет место и негативный характер (слово «дегенерат» имеет отрицательную коннотацию), и отнесенность к определенному лицу (из всех объяснений явствует, что выражение «Дегенерат» относится к Зимину С.Л.), и публичный характер (описанные действия происходили на строевом плацу в присутствии свидетелей), и неприличная форма, и обобщенность характеристики адресата.

Наличие умысла на оскорбление подтверждает более широкий контекст и предшествующие описанной ситуации обстоятельства: в 08.20, до общего построения, полковник Грушко Ю.С., будучи недовольным, что его не встретил дежурный по КПП войсковой части 33787 старшина Зимин С.Л., в присутствии рядового Шувалова, дежурного по воинской части майора Кулешова А.П. и прибывшего с командиром подполковника Гречихина В.А. неоднократно выразился в адрес Зимина С.Л. грубым образом, а именно назвав его «Дебиллом» (см. Объяснения Зимина С.Л. и свидетелей Птушкина С.Д., Шувалова А.М.); после этого, около 8.50, на КПП прибыл военнотружущий срочной службы ефрейтор Азалов З.И. и сообщил о том, что командир войсковой части 33787 полковник Грушко Ю.С. приказал закрыть КПП и всем дежурным по КПП прибыть на строевой плац войсковой части, где полковник Грушко Ю.С. уже публично выразил свое недовольство старшиной Зиминым С.Л. и назвал его «дегенератом» (см. объяснения Зимина С.Л., Курганова В.А., Птушкина С.Д., Шувалова А.М. и Рукавишниковой С.Д.). Поскольку общее построение войсковой части и приказ о закрытии КПП были связаны именно с эпизодом «невстречи» старшиной Зиминым С.Л. командира части на КПП, где Грушко Ю.С. бранными словами уже выразил свое недовольство, постольку можно говорить о наличии умысла на оскорбление со стороны Грушко Ю.С.

Квалифицирующим признаком оскорбления является публичность, что имеет место в рассматриваемой ситуации: Грушко Ю.С. осуществлял свои речевые действия в отношении Зимина С.Л. на строевом плацу при общем построении войсковой части, что позволяло унижить заявителя перед другими лицами. Также необходимо иметь в виду, что в данной ситуации старшина Зимин С.Л. находился при исполнении служебных (специальных) обязанностей – следовательно, своими речевыми действиями Грушко Ю.С. умалил и деловую репутацию старшины, подорвав его авторитет в воинском коллективе. Таким образом, выраженной речевой целью Грушко Ю.С. является публичная демонстрация неуважения к Зимину С.Л. путем нанесения ему оскорбления.

В анализируемом случае присутствует обязательный признак оскорбления – неприличная форма высказывания. Под неприличной формой понимается унижение чести и достоинства в степени, резко противоречащей общепринятым правилам общения между людьми, требованиям общечеловеческой морали. Форму речевого акта как неприличную определяют на основании двух критериев – субъективного и объективного.

Субъективный фактор предполагает, что потерпевший сам посчитал себя униженным и оценивает совершенные в отношении него действия отрицательно. Этот критерий в анализируемой ситуации налицо, так как Зимин С.Л. просит привлечь полковника Грушко Ю.С. к установленной законом ответственности.

Объективный критерий является основополагающим. Он заключается в диагностировании неприличной формы речевого акта, т.е. в оценке действий с позиции их объективного несоответствия принятым в обществе моральным нормам. Употребление командиром войсковой части слова «дегенерат» в отношении военнослужащего является констатацией неполноценности адресата речи (Зимина С.Л.), который оценивается говорящим (Грушко Ю.С.) как недостойный звания «нормальный человек». В словарях XX века лексема «дегенерат» дается без особых помет (например, в Толковом словаре Д.Н. Ушакова (1935 – 1940) одно значение – «человек с признаками физического или психического вырождения»; в Словаре русского языка С.И. Ожегова (1987)

тоже одно значение – «человек с признаками дегенерации»), поскольку вошла [лексема] в научный обиход еще в начале XX века, когда среди ученых была модной теория о генетическом вырождении. Тогда этот термин обозначал медицинский диагноз. Примечательно, что в Инструкции НКВД СССР № 00134/13 перечисляются основные видимые признаки дегенерации, такие, например, как нервный тик, судороги лица, косоглазие, дефекты речи, родимые пятна и др. Даже этот неполный перечень подтверждает, что сравнение нормального человека с дегенератом является обидным и унижительным, т.е. противоречащим принятым в обществе моральным нормам – неприличным. С начала XXI века словари начинают фиксировать бранное употребление данного слова. Так, в Толковом словаре Г.Ф. Ефремовой (2000) представлены два значения слова «дегенерат»: 1 – «человек с признаками дегенерации (вырождения)»; 2 – *разг., сниж.* «выродок» – употребляется как порицающее или бранное слово. Современная «Википедия» дает три значения слова «дегенерат»: 1 – «человек с признаками дегенерации, вырождения»; 2 – *психиатр.* «тот, кто заметно отклоняется в своем поведении и психических качествах от социальной нормы, способный к социализации»; 3 – *бранн.* «выродок, ублюдок». Таким образом, в настоящее время словарями зафиксировано инвективное (оскорбительное) употребление слова «дегенерат», о чем свидетельствуют пометы *сниж.* – «сниженное», *бранн.* – «бранное».

В соответствии со списком инвективных (оскорбительных) лексем, составленным экспертами ГЛЭДИС, слово «дегенерат» относится к группе слов, содержащих экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию⁷⁰.

Следовательно, оба критерия, субъективный и объективный, позволяют определить форму высказываний Грушко Ю.С. как неприличную, что является главным и обязательным признаком оскорбления.

---

⁷⁰ См. Бельчиков Ю.А., М.В.Горбаневский, И.В. Жарков Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ.// Сборник материалов. М.,2010. С.116.

Вывод. Высказывания командира войсковой части 33787 полковника Грушко Ю.С., употребленные последним 12.05.2019 на строевом плацу в присутствии свидетелей в отношении военнослужащего этой же части старшины Зимина С.Л., являются оскорбительными, в том числе унижающими честь и достоинство, а также умаляющими деловую репутацию.

Доцент кафедры теории и
истории государства и права
Юридического института ВлГУ

Чернышова М.М.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

специалиста-юрислингвиста

г. Владимир

10 ноября 2019 года

Сведения об эксперте: доцент кафедры теории и истории государства и права ВлГУ, кандидат юридических наук Архарова Наталья Владимировна (специальности: русский язык и литература – диплом ЗВ №618...; юриспруденция – диплом ОК №16...; диплом кандидата юридических наук ДКН №019...; аттестат доцента № 002...; общий стаж работы по специальностям – 34 года, принимала участие в судебных заседаниях в качестве приглашенного специалиста-лингвиста, неоднократно давала письменные юрислингвистические заключения по запросу органов прокуратуры, суда, ФСБ).

Перед специалистом поставлен следующий вопрос:

Носит ли оскорбительный характер слово «дура», употребленное в SMS-переписке, в отношении лица, считающего себя оскорбленным подобным выражением?

Исследование по поставленному вопросу.

Для решения вопроса использовались методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста. Исследование проводилось в соответствии с методиками производства лингвостилистического, текстологического и лексико-семантического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при правлении ГЛЭДИС, а также с использованием следующей литературы:

1. К.И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Монография – Барнаул, АГПА, 2009.
2. А.Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие _ М.: Флинта: Наука, 2007.
3. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов,

прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов. 2-е издание /под ред. М.В. Горбаневского – М.: Юридический Мир, 2006.

4. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 2005.
5. И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста: уч. пособие. Ярославль, 2013.

Слово «дура» в академических словарях (например, С.И. Ожегов. Словарь русского языка, с. 156) в первом своем значении – «глупый человек» – представлено с пометой «разг.», т.е. «разговорное». А для признания лексического средства (в данном случае слова «дура») оскорбительным достаточно, по мнению специалистов, того, чтобы в словарях при данном слове были соответствующие пометы: бранное, грубое, уничижительное, вульгарное/обценное, нецензурное. Следовательно, анализируемое слово не носит оскорбительного характера.

Кроме того, контекст и ситуация речи не содержат некоторых (важнейших) признаков, которыми юрислингвисты характеризуют речевой акт как оскорбление:

- 1) негативный характер высказывания;
- 2) его отнесенность к определенному лицу;
- 3) публичный характер;
- 4) нарушение норм морали;
- 5) неприличная форма;
- 6) обобщенность негативной характеристики адресата;
- 7) наличие умысла на оскорбление.

В представленном выражении отсутствует и публичный характер, и неприличная форма – обязательный признак оскорбления. Неприличная форма, в свою очередь, предполагает употребление ненормативной, резко сниженной лексики, о чем говорит отсутствие подобных слов в словарях либо соответствующие пометы при них (см. выше). Следовательно, слово «дура» не является оскорблением.

Вывод. Слово «дура» в представленной ситуации не носит оскорбительного характера.

Доцент кафедры теории и
истории государства и права
Юридического института ВлГУ

Н.В. Архарова.

Приложение 3

ПРИМЕРЫ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ И ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

г. Владимир

16 ноября 2020 года

Вводная часть

10 ноября 2020 года на кафедре уголовно-правовых дисциплин юридического института ФГОБУ ВО Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых поступило обращение от начальника подразделения Управления ФСБ России по Владимирской области Иванова Н.К. о проведении исследования фотографий Корнилова И.А., у которого на груди имеются татуировки (исх. № 86/5/5021 от 01.12.2020 г.).

На разрешение специалиста поставлен следующий вопрос:

Содержат ли представленные на исследование материалы атрибутику или символику международного общественного движения «Арестантское уголовное единство», либо атрибутику или символику, сходные с атрибутикой или символикой до степени смешения международного общественного движения «Арестантское уголовное единство», либо атрибутику или символику экстремистских организаций, либо иную атрибутику или символику, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены в соответствии с Федеральным законодательством?

Объект исследования:

1. Фотографии татуировок Корнилова И.А. на 2 (двух) листах.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

При проведении исследования использовались следующие источники:

1. Гребеньков А. А., Гребенькова Л. А. Пропаганда социально-негативного поведения среди несовершеннолетних как общественно опасное явление // Проблемы правоохранительной деятельности. — Белгород: Белгородский юридический институт МВД РФ имени И. Д. Путилина, 2019. № 3. С. 24—28.

2. Крюкова Е.С. Криминальные тайны преступников: способы общения, татуировки, жаргон, блатная музыка. Часть 3. Криминальные татуировки (уголовные наколки) // Молодой юрист. 2017. № 2 С.10-13. «Криминальные тайны преступников: способы общения, татуировки, блатная музыка» (лекция-презентация) <https://pptcloud.ru/raznoe/kriminalnye-tayny-prestupnikov-sposoby-obscheniya-tatuirovki-blatnaya-muzyka>.

3. Корж П.А. Татуировка в России: история, классификация, уголовно-правовое значение // Актуальные вопросы современной науки. 2016. № 1(6). С.122-128

4. Самойлов С.Ф. Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2 (44). С. 99–103.

5. Борохов А.Д. Многоосевая классификация татуировок для интегральной оценки Проявлений психопатологии личности носителя. Часть 1// Медицинская психология в России 2018. № 1(18) Т.10. С. 1-10

6. Меняйло Д.В., Меняйло Л.Н., Иванова Ю.А. АУЕ - Криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения// Вестник московского университета МВД РОССИИ. 2019. № 3.107-111.

7. Чернышкова М. П., Дебольский М. Г. Криминальная субкультура в среде несовершеннолетних, содержащихся в местах лишения

свободы, и профилактика её распространения // Прикладная юридическая психология. — Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2016. — № 2 (35). — С. 41—47.

Методологической базой исследования является система общенаучных и частнонаучных методов. Использованию в настоящем исследовании подлежат: логический метод (при изложении всего материала, формулировании вывода); метод сравнения, метод системного анализа (при анализе и сравнении различных татуировок, в том числе и с представленной фотографией осужденного Корнилова И.А.).

Под татуировкой (стойкой экзогенной пигментацией кожи) понимается сознательное искусственное нарушение целостности кожных покровов посредством колюще-режущих инструментов с последующим введением в раневую поверхность красящих веществ с целью получения стойких не исчезающих изображений. Как следствие, татуировка сложновыводима. Бесследное сведение татуировки невозможно, что делает татуировку ценным идентифицирующим признаком человека.

Существует два вида татуировок: декоративная; криминальная. Татуировка быстро вошла в разряд уголовной субкультуры и стала специфической разновидностью визитной карточки. Поэтому, как правило, носитель татуировки при выборе изображения, размера и локализации символа или рисунка руководствуется не только особенностями своего внутреннего мира, но и требованиями той социальной группы, к которой он принадлежит.

Иными словами, татуировка — это своеобразный индикатор характера человека, его приоритетов, ценностных ориентаций, складывающихся из целей и путей их достижения, из его отношения к окружающему миру.

Кроме того, сами татуировки зачастую несут в себе скрытую, зашифрованную информацию о стремлении её носителя принадлежать к той или иной микросоциальной группе.

Основное значение татуировки— то же, что и знаки различия на военной форме, т.е. указание на статус лица в сложной системе преступной иерархии. Это дает возможность подтвердить свой статус при отсутствии в месте лишения свободы соответствующих свидетелей.

При этом нанесение не соответствующих статусу татуировок в преступной среде жестко каралось, вплоть до убийства.

Резюмируя вышеизложенное с уголовно-правовых позиций, можно сделать следующие выводы:

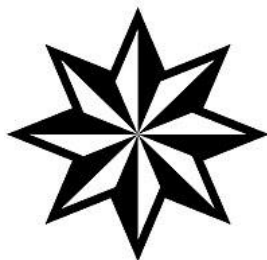
1. Татуировка является важным идентификационным признаком, особой приметой лица. При этом ее сведение также оставляет индивидуальный след.

2. Татуировка помогает определить род занятий, психологические качества личности, отношение к обществу.

АУЕ (также используется вариант А. У. Е) — «арестантский уклад един» (или «арестантское уркаганское единство») — название и девиз предположительно существующего российского неформального объединения банд, состоящих из несовершеннолетних — подростков, юношей и девушек. Это молодёжное сообщество пропагандирует среди несовершеннолетних воровские понятия российской криминальной среды и тюремные понятия, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на «общак», взамен обещая поддержку и защиту в настоящем и будущем. *(17 августа 2020 Верховный Суд Российской Федерации принял решение о признании движения экстремистским.)*

Таким образом, АУЕ представляет собой самостоятельную молодежную криминальную субкультуру, ориентированную на ценности «воров». Наиболее распространенным ритуалом в данной субкультуре является коллективное нанесение татуировок.

Символом данного движения является восьмиконечная «роза ветров», которую в тематике АУЕ называют «звезда воров» (воровская звезда)

Воровская звезда выглядит как восьмиконечная фигура, две такие татуировки размещаются под каждой ключицей или на коленные чашечки. Всегда набивается парно и симметрично. Самый популярный вариант исполнения – разделение луча на черную и белую часть. Это деление означает совмещение людского и воровского начал. Расшифровывается как «Бей активистов, режь стукачей» или «Не встану на колени перед ментами». Является символом отрицания.

Восьмиконечные звезды на плечах могло носить только лицо, принадлежащее к верхушке уголовного мира («вор в законе» или «kozyрной фраер», «отрицалово», то есть спецконтингент, отрицательно относящийся к администрации мест лишения свободы).

Но нередко звезда меняет свое значение в зависимости от символа, размещённого в центре.

"Я родился свободным". Вор в законе.

Свастика в белом круге. "ПАПА" ("п...да активистам, привет анархистам"). Символизирует жестокость, агрессию. Знак отрицал (изображение татуировки-перстня)

Существует множество вариаций подобных татуировок, в которых каждая фигура, вписанная в центр звезды, имеет определенное значение и считается при встрече с представителем криминального мира.

По результатам исследования представленной фотографии осужденного Корнилова И.А. следует констатировать наличие нательного изображения, визуальное изучение которого позволяет сделать вывод о наличии татуировки-вариации «Воровской звезды» с размещенной по центру свастикой. Татуировки нанесены в количестве двух штук, расположенных справа и слева в верхней части груди человека, симметрично друг другу.

Для членов субкультуры АУЕ использование такой символики чаще всего является подражанием, в связи с чем татуировка может содержать собирательное изображение определенных атрибутов из признанных татуировок криминального мира, означающих, по своей сути, авторитетность, авторитарность, жестокость, агрессию, отрицание установленных правил. Смысл свастики в местах лишения свободы всегда оставался одним — неуважение к любым проявлениям власти.

Учитывая, что движение «А.У.Е.» является неформальным, не определена его структура, отсутствует обязательная и четко закрепленная символика, приходим к выводу, что материал, представленный на исследование в виде рисунка, не может однозначно говорить о принадлежности лица к тому или иному движению. Рисунки, аббревиатура и текст, изображенные на фото, распространены как среди осужденных, так и лиц, не привлекавшихся к уголовной ответственности, а следовательно, не являются исключительными.

По результатам визуального исследования представленной фотографии осужденного Корнилова И.А. следует констатировать наличие татуировки-вариации «Воровской звезды» - звезды с расходящимися лучами.

Татуировки нанесены в количестве двух штук, расположенных справа и слева в верхней части груди человека, симметрично друг другу.

ВЫВОД:

Изображенные татуировки на представленных фотографиях Корнилова в виде звезды с расходящимися лучами имеют сходство до степени смешения с символикой, используемой членами или сторонниками международного общественного движения «АУЕ».

Приложение:

1. Фотографии татуировок Корнилова И.А. на 2 (двух) листах.

Права и обязанности, предусмотренные ст. 25.8 КоАП РФ, мне понятны. Об ответственности по ст. 17.9 КоАП РФ предупрежден.

Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Юридического института ВлГУ

И.В. Астафьева

Пример психолого-лингвистического заключения

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

28 января 2019 г. сотрудникам Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» Шабановой Н.А. и Логинову О.Б. поступил запрос начальника подразделения ФСБ Иванова Н.К. на проведение комплексного психолого-лингвистического исследования материалов, представленных в акте проведения оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов» (Интернет-страницы по адресу: <https://vk.com/id...>) от 18 января 2019 года.

По запросу комплексное психолого-лингвистическое исследование материалов проведено Шабановой Натальей Александровной, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры теории и истории государства и права ЮИ ВлГУ, имеющей 2 (два) высших образования (филологическое, юридическое) по специальностям «Русский язык и литература» (квалификация и звание «учитель русского языка и литературы», диплом о ВО ЗВ № 625...), по специальности «Юриспруденция» (квалификация «юрист», диплом о ВО ОК № 148...), ученую степень кандидата юридических наук (ДКН № 030...), ученое звание доцента (ЗДЦ № 008...), стаж работы по первой специальности 18 лет, стаж работы по второй специальности 10 лет, и Логиновым Олегом Борисовичем, кандидатом психологических наук, доцентом кафедры общей и педагогической психологии ВлГУ, имеющим высшее образование по специальности «Психология» (квалификация «Психолог. Преподаватель психологии», диплом о ВО 33...), стаж работы по специальности – 22 года.

На разрешение специалистов поставлен следующий вопрос:

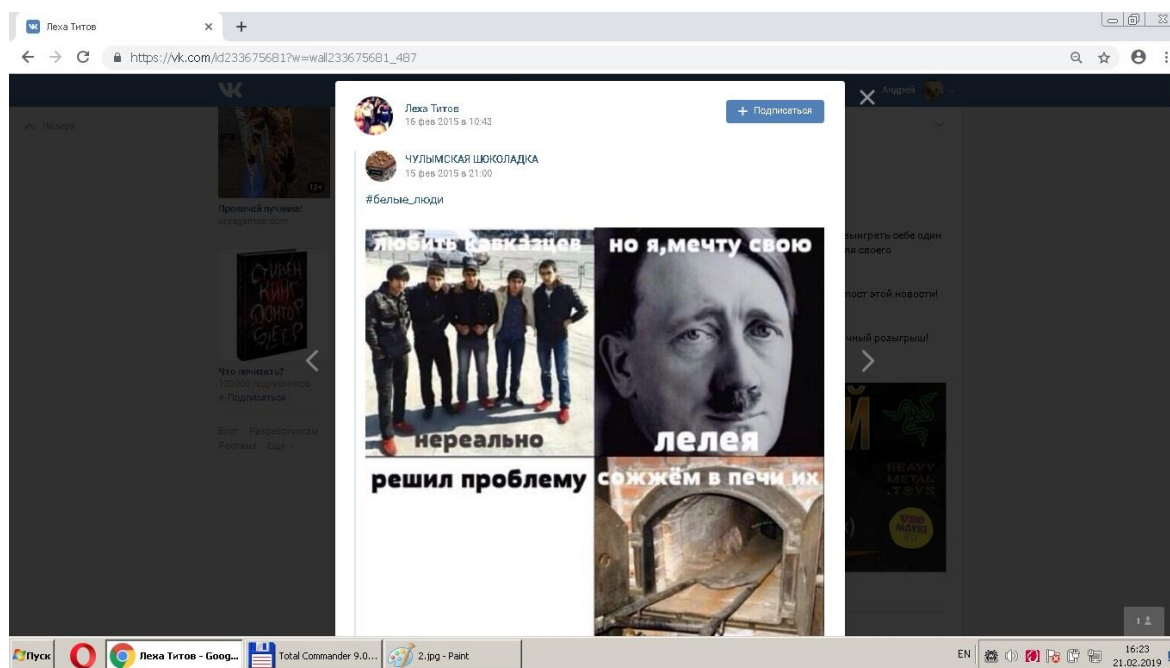
1. Имеются ли в указанных материалах призывы, на что они направлены, к каким действиям побуждают?

Исследование начато 15.02.2019 г., окончено 15.03.2019 г.

Лингвистическое исследование

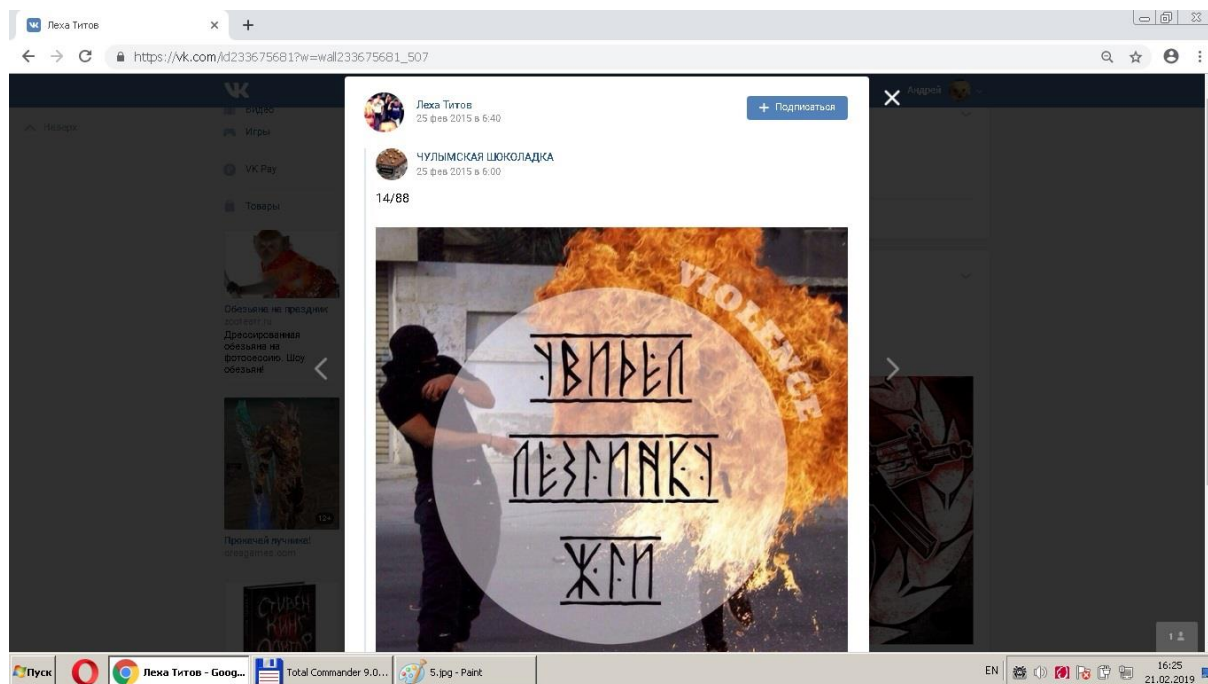
Объект исследования:

1. Информационный блок https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_487, размещенный на Интернет-странице <https://vk.com/id3..>, распечатанный и приложенный к акту проведения оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов», содержащий изображение, состоящее из четырех фотографий, оформленное в стиле комикса: на первой – группа из пяти молодых людей, предположительно выходцев из Кавказа (надпись сверху «любить кавказцев», снизу «нереально»), на второй – портрет А. Гитлера (надпись сверху «но я, мечту свою», снизу «лелея»), на третьей – белый квадрат с надписью «решил проблему гениально», на четвертой изображены печи для сжигания людей в фашистских концлагерях с надписью «сожжём в печи их как евреев».

2. Информационный блок https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_507, размещенный на Интернет-странице <https://vk.com/id..>, распечатанный и приложенный к акту проведения оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и до-

кументов», содержащий фотографию горящего человека с приподнятой ногой и стоящего рядом с ним мужчины в черной одежде и черной маской на лице, с текстом черного цвета в полупрозрачном круге серого цвета следующего содержания: «Увидел лезгинку жги», а также с надписью вверху рисунка «14/88».

Толкование понятий

Перед началом исследования специалист считает необходимым пояснить ряд понятий, используемых в тексте исследования.

1. Понятие речевого сообщения. Сообщение – форма информации, предназначенная для передачи получателю (получателям) сведений о событиях, происходящих, происшедших или которые будут происходить в ближайшее время. Сообщение ориентирует слушающего (или читающего) на получение какой-либо новой информации. Сообщение имеет задачу довести что-то до сведения [Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. – М: КомКнига, 2006. С. 31].

Речевое сообщение может носить вид публичной речи, которая имеет следующие признаки: публичность, разговорность, социальную

контекстность, направленность на воздействие, преднамеренность, целевую направленность. Речевое сообщение также характеризуется адресацией, то есть установкой речи на слушателя, которая обычно реализуется такими средствами, как обращение, вводные конструкции, императив и др. [Ковалева М.Н. К определению понятия публичной речи / Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15-17 июня 2009 г. // Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: «Эйдос», 2009. С. 126-127].

2. Понятие коммуникативного намерения и речевого воздействия. Коммуникативное намерение (или речевая интенция) понимается как тактический ход, являющийся практическим средством движения к соответствующей коммуникативной цели [Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и вузов. – М.: ПРИОР, 1998. С. 19]. Коммуникативное намерение – это намерение сообщить что-либо, передать какую-либо информацию. Коммуникативное намерение может выполнять различные функции: информативную, эмотивную (эмоционально-экспрессивную) и прагматическую (функцию воздействия). Коммуникативное намерение, выполняя прагматическую функцию, предназначено для воздействия на слушающего или читающего, то есть оказывать влияние, добиваться необходимого результата.

3. Речевая цель – сообщаемая адресату информация о том, зачем производится то или иное речевое действие.

4. Иллокутив – компонент речевого акта, выражающий намерение говорящего, его коммуникативную цель.

5. Адресант – отправитель речевого сообщения, лицо, которое является автором речи (текста).

6. Адресат – получатель речевого сообщения, реальное или мыслимое лицо, к которому обращена речь (текст).

7. Поликодовый текст – это текст, в котором сообщение закодировано семиотически [знаково] разнородными средствами – вербальными (словесными) и невербальными компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру. Поликодо-

вый текст характеризуют как устное, так и письменное общение. В качестве невербальных знаков могут выступать рисунки, фотографии, схемы, сюда же относятся специфические только для устного общения мимика, жесты, предметы окружающего мира. Наличие невербальных (или, применительно к письменному тексту, паралингвистических) знаков в тексте еще не свидетельствует о его поликодовости: поликодовым он будет в том случае, если это паралингвистически активный текст, т.е. такой, в котором паралингвистические средства являются носителями информации или вносят дополнительные оттенки в содержание. Поликодовость текста обусловлена ситуацией общения, коммуникативным замыслом, предметом речи и служит задачам эффективного общения. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и невербальный компоненты обеспечивают целостность и связность поликодового текста, его коммуникативный эффект, поскольку разнокодовые (разнознаковые) сообщения дополняют и поясняют друг друга.

8. Лексема – слово как структурная единица языка.

9. Семантика – содержание, значение, информация, передаваемые языком или какой-либо его значимой единицей (словом, формой слова, словосочетанием, предложением).

10. Коннотация – эмоциональная оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узувального (закрепленного в системе языка) либо окказионального () характера.

11. Оценка – совокупность разноуровневых, разнопорядковых (вербальных и невербальных) компонентов, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию высказывания.

12. Побудительное высказывание – высказывание, в котором выражается побуждение слушающего к выполнению определенных действий. Побуждение в таких высказываниях представлено различными видами: приказ, просьба, совет, требование, запрет, предупреждение и др. В ядерных случаях это высказывание, в котором присутствуют формы повелительного наклонения глагола, либо другие средства, которые способны выступать в функции побуждения (инфини-

тив, интонационные конструкции и т.п.). Одной из разновидностей побудительных высказываний является призыв. [Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 140].

13. Призыв – наиболее радикальная открытая форма словесного воздействия на поведение человека. По определению А.Н. Баранова, призыв – это особый тип речевого акта, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой, предложенной А. Вежбицкой для семантической экспликации императивов, – «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 412].

Призывом является речевой акт, представленный обычно как предложение или совокупность предложений, содержащих лексические (специальные слова, например, *необходимо, нужно, долой, нет (чему-либо), пусть, пора, призывать* и др.) и грамматические (глагол в повелительном наклонении – императив, инфинитив со значением императива, специальная интонация, порядок слов в предложении и др.) средства, и направленный на побуждение говорящим к выполнению какого-либо действия слушающим или читающим.

Лингвистическими признаками успешного призыва являются: 1 – наличие вербального императива; 2 – наличие в высказывании образа, способа совершения действия; 3 – наличие в высказывании обозначения объекта названного действия; 4 – наличие в высказывании образа адресата.

14. «Язык вражды» («риторика ненависти») – обобщённое обозначение языковых средств выражения резко отрицательного отношения «оппонентов» — носителей иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей. Это явление может выступать как форма проявления [расизма](#), [ксенофобии](#), [межнациональной вражды](#) и нетерпимости [Денисова А. Язык вражды в российских СМИ: гендерное измерение.]. Комитет министров Совета Европы определяет «язык вражды» как все

формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями [Китайчик М. Правовые механизмы противодействия «языку вражды» в СМИ.].

15. Гиперидентичность – самосознание «наступательного» типа, стремление к этническому доминированию [Смирнова А.Е. Этносоциальная модель общества и личности в подростковых группах / А.Е. Смирнова: Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2009.].

16. Оправдание идеологии – выражение автором положительного отношения к этой идеологии (одобрение, героизация, восхваление, приведение как образца для подражания, солидарность автора с излагаемыми им взглядами, идеями, пожелание положительного результата, сожаление по поводу прекращения действий, призыв к признанию справедливости этих действий, взглядов), убеждение адресата в правильности (допустимости) соответствующих действий, информирование адресата о том, как он должен действовать и (или) демонстрация адресату своих особых взглядов и аргументация их целесообразности (описание особых обстоятельств, делающих эти взгляды целесообразными) [Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Научно-методический совет РФЦСЭ. М., 2014].

Для решения вопроса использовались следующие методы лингвистического анализа:

- предметно-тематический, в ходе которого установлен предмет речи, то, что сказано о предмете речи, содержательные типы высказываний;
- оценочно-экспрессивный, в ходе которого установлена выраженность в высказываниях положительной оценки (при оправдании и

утверждении превосходства) и негативной оценки (при вражде, унижении, обвинении), положительного отношения к предмету речи (при оправдании и утверждении превосходства) и негативного отношения к предмету речи (при вражде, унижении, обвинении);

- целевой анализ, в ходе которого установлены речевые цели высказываний.

Исследование проводилось в соответствии с методиками производства психолого-лингвистических исследований (Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011; авторы-составители: О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секараж), а также с использованием следующей литературы:

1. Баранов А.Г., Кунина М.Н. Дискурсивные особенности текстов в предметной области «терроризм» // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002. С. 231-239.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.
3. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Монография. Барнаул, АГПА, 2009.
4. Галяшина, Е.И. Лингвистика экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2006.
5. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под. ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М., 2008.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2005.
7. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997.

Исследование по вопросу «Имеются ли в указанных материалах призывы, на что они направлены, к каким действиям побуждают?»

Изображение №1. Предметно-тематический анализ. В процессе исследования пропозитивного (пропозиция – языковое воплощение определенной ситуации в действительность) содержания текстовых

высказываний, представленных на четырех фотографиях, оформленных в стиле комикса, установлен предмет этих высказываний – группа лиц, объединяемых этнической принадлежностью, – «кавказцы»: на первой фотографии изображена группа молодых людей, предположительно, выходцев с Кавказа; над этой группой, вверху, надпись «любить *кавказцев*», а под изображением молодых людей, снизу, надпись «нереально»; на четвертой фотографии (последней) надпись «сожжем в печи *их* [вверху] как евреев [внизу]». Кроме того, в анализируемом поликодовом тексте присутствует и второй предмет речи – тоже группа лиц, объединяемых этнической принадлежностью, – «евреи»: «сожжем в печи их, как *евреев*» (четвертая фотография). Данный предмет речи можно назвать «скрытым», поскольку он присутствует в тексте как объект сравнения («как евреев» – эксплицитное выражение логической операции сравнения с помощью сравнительного оборота). Таким образом, здесь имеется два предмета речи, обозначенных вербально, связанных логическими отношениями, при этом второй предмет не является темой высказывания, однако выражается эксплицитно (открыто, прямо) посредством сравнительного оборота. Не является темой высказывания и другой скрытый предмет речи – Адольф Гитлер, чей портрет представлен на второй фотографии, т.е. выражен невербально. О присутствии этого предмета речи свидетельствуют также местоимения «я» и «свою» [мечту] во фразе, которая получается путем объединения всех изображений: «Любить кавказцев нереально, но я, мечту *свою* лелея, решил проблему гениально: сожжем в печи их, как евреев». Личное местоимение 1 лица единственного числа «я» указывает на то, что производителем действий (в данном высказывании: *лелеять* мечту) является говорящий, а притяжательное местоимение «свою» [мечту] указывает на «принадлежность» мечты говорящему. Надпись с выделенными нами местоимениями расположена на фоне портрета Гитлера. Следовательно, по мысли публикаторов, эту фразу произносит якобы он. В сегменте предложения «решил проблему гениально» глагол-сказуемое стоит в форме прошедшего времени единственного числа мужского рода, что также в общем контексте отсылает к предмету речи «Гитлер».

В отношении выделенных предметов речи используются следующие содержательные типы высказываний:

1) *описательно-информирующие*: представлена ситуация, передающая с помощью логико-языковых средств описание состояния: есть группа лиц – кавказцы (первая фотография), по поводу которых решается «проблема» (на второй фотографии с изображением Гитлера надпись «но я, мечту свою лелея», на третьей – «решил проблему гениально»); сообщаемая информация – действие, которое нужно совершить в отношении группы лиц, – сожжение (на четвертой фотографии изображение печи для сожжения людей и надпись «сожжем в печи их, как евреев»);

2) *оценочные*: приводится эмоциональная оценка – сообщение о чувствах, эмоциях, которые вызывает у автора (авторов) основной предмет речи «кавказцы»: «любить кавказцев нереально» (первая фотография), и эта негативная оценка выражается эксплицитно, т.е. прямо – использованием предиката *нереально* (с модальным значением невозможности) при подлежащем *любить*, выраженном глаголом семантической группы «позитивные чувства, эмоции». Имплицитно (скрыто, неявно) выражена рациональная (общая) и эмоциональная оценка к предметам речи «кавказцы» и «евреи»: «но я, мечту свою лелея» на фоне портрета Гитлера (вторая фотография) – вербальные средства (*лелеять мечту* означает «любовно вынашивать мысль, горячо желать чего-нибудь») и невербальный компонент (портрет Гитлера, проводившего политику геноцида – физического уничтожения – по отношению ко многим народам) вместе создают эффект враждебного отношения к предмету речи (кавказцам); «решил проблему *гениально*» (третья фотография) – подчеркивается, что кавказцы, поскольку «любить» их «нереально», являют собой проблему и найденное автором решение достойно самой высокой оценки – «оно гениально»; «*сожжем в печи их, как евреев*» на фоне жерла печи с задвинутыми в нее носилками (четвертая фотография) – вербальные и невербальные компоненты данного изображения призваны выразить активно негативное, агрессивное отношение к предметам речи – представителям кавказских народов и еврейской национальности.

Использование лексем с положительной коннотацией (*любить, мечта, лелея, гениально*) на фоне призыва к насильственным действиям (*сожжем в печи*) в отношении враждебных для автора групп лиц – кавказцев и евреев – является имплицитным выражением негативного, враждебного отношения к указанным предметам речи.

Отношение к предмету речи «Гитлер», представленному невербальными компонентами (портрет и печь для сожжения людей), можно характеризовать как положительное, с учетом семантики вербальных компонентов, свидетельствующей о «гениальном» решении проблемы (сжиганием в печи) борьбы с враждебными группами людей по признаку этнической принадлежности.

Таким образом, анализируемый поликодовый текст является паралингвистически активным, поскольку его вербальные и невербальные средства являются носителями информации о предметах речи (кавказцах и евреях), о враждебном отношении к ним и положительном отношении к скрытому предмету речи – Гитлеру, его идеологии расизма и политике геноцида;

3) *побудительные*: в анализируемом поликодовом тексте вербализуется призыв к насильственным действиям по отношению к предмету речи «кавказцы»: «Сожжем в печи их, как евреев» (четвертая фотография). В данном высказывании побуждение выражается эксплицитно – с помощью такого языкового средства, как глагол в форме 1 лица множественного числа (со значением совместного действия) будущего времени со значением повелительного наклонения – это так называемое транспозиционное (переносное) употребление формы изъявительного наклонения глагола. При экспликации (открытом выражении) побуждения в русском языке используются формы повелительного наклонения глагола либо другие языковые средства, которые могут выступать в функции глагольного императива. Форма 1 лица множественного числа изъявительного наклонения будущего времени является одним из таких языковых средств.

Оценочно-экспрессивный анализ. В процессе данного исследования выявлено определенное отношение автора (авторов) к предметам речи – второй (после установления предмета речи и содержательных

типов высказываний) обязательный компонент «экстремистских» значений, и значения эти в анализируемых высказываниях не нейтральны.

Здесь, во-первых, прослеживается эмоциональное негативное отношение к предметам речи «кавказцы» и «евреи»: «любить кавказцев нереально», «сожжем в печи их, как евреев» – ярко выраженное враждебное отношение эксплицируется с помощью лексемы «нереально», имеющей значение модальной оценки невозможности и недопустимости, и открытого призыва к насильственным действиям.

Во-вторых, в представленном поликодовом тексте выражается позитивное отношение к скрытому предмету речи – *Гитлеру*, его идеологии расизма и политике геноцида, о чем свидетельствуют вербальные и невербальные компоненты текста: надпись на третьей фотографии, следующей за портретом Гитлера на второй фотографии, «решил проблему гениально» (найденное автором решение, заимствованное у Гитлера, является «гениальным»), а также изображение печи для сожжения людей на четвертой фотографии и надписью «Сожжем в печи их, как евреев». Описанные средства свидетельствуют об оправдании указанного действия в отношении групп лиц (кавказцев и евреев): сжигание представителей враждебных народов в печи является «гениальным» решением, которое воплощал в действительность Гитлер.

Целевой анализ. В результате проведенного исследования речевых целей (третий обязательный компонент «экстремистских» значений, определяемый после установления предмета речи и отношения к нему) выявлено несколько речевых установок адресанта представленного для анализа поликодового текста: демонстрация убеждения в неполноценности групп лиц, объединяемых этнической принадлежностью («любить кавказцев нереально»); оправдание идей нацизма и фашизма, убеждение в их исключительности; побуждение к принятию мнения о необходимости насильственных действий в отношении указанных групп лиц и к совершению этих действий (призыв); убеждение аудитории в правильности и допустимости таких действий («решил проблему гениально»); информирование аудитории о том, как она должна действовать («сожжем в печи их, как евреев»).

В соответствии с поставленным вопросом остановимся более подробно на исследовании речевой цели «призыв».

Призыв рассматривается как убеждение в необходимости совершения определенных действий. И, являясь разновидностью убеждения, он включает в себя двойное побуждение: к принятию мнения о необходимости названных действий и к совершению этих действий.

К принятию мнения о необходимости насилия (физического уничтожения) в отношении групп лиц «кавказцы» (основной предмет речи) и «евреи» («скрытый» предмет речи, не являющийся основной темой высказывания) побуждают вербальные и невербальные компоненты анализируемого поликодового текста. Языковые средства передачи экстремистского лингвистического значения «вражда, рознь» имеют как эксплицитный, так и имплицитный характер. Эксплицитное выражение негативного отношения к названным предметам речи представлено использованием предиката *нереально* (с модальным значением невозможности) при подлежащем *любить*, выраженном глаголом семантической группы «позитивные чувства, эмоции» в надписи на первой фотографии «любить кавказцев нереально». Использование в предложении (разбитом на фрагменты и размещенном по соответствующим фотографиям: «любить кавказцев нереально», «но я, мечту свою лелея», «решил проблему гениально») лексем с положительной коннотацией (*любить, мечта, лелея, гениально*) на фоне призыва к насильственным действиям («сожжем в печи их, как евреев») в отношении враждебных для автора (авторов) групп лиц – кавказцев и евреев, – а также портрет Гитлера, известного своей идеологией расизма и политикой геноцида, являются имплицитным выражением негативного, враждебного отношения к указанным предметам речи и одновременно служат оправданием идеологии нацизма и фашизма (а оправдание – одна из форм убеждения в необходимости принятия мнения). Негативная оценка этих предметов речи является основным способом формирования у аудитории установок, соотносящихся с такими понятиями, как «вражда», «рознь», «ненависть», «унижение». Перечисленные средства (вербальные и невербальные) призваны побудить адресата к

принятию мнения о необходимости насильственных действий в отношении представителей кавказских народов и лиц еврейской национальности.

Побуждение к воплощению формируемого мнения в жизнь, к совершению насильственных действий в отношении «враждебных» этнических групп также осуществляется с помощью вербальных и невербальных компонентов анализируемого текста. Призыв к физическому уничтожению «кавказцев» выражен эксплицитно: для воплощения экстремистских идей адресантом используются лексическое и синтаксическое языковые средства: лексема «сжечь» (в форме «сожжем»), имеющая значение «уничтожить, истребить огнем *кого-что*» [Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. С. 1182], и побудительное предложение, в котором призыв морфологически представлен формой глагола 1 лица множественного числа (со значением совместного действия) будущего времени (эта форма в переносном употреблении выполняет функцию глагольного императива): «*Сожжем* в печи их, как евреев». При этом форма глагола 1 лица множественного числа (со значением совместного действия) является признаком того, что адресант включает себя в одну группу с адресатом речи, таким образом выражая отношение типа «мы, сторонники», что еще более усиливает побуждающее воздействие данного высказывания: так создается атмосфера доверия, идейного и духовного единения с потенциальными читателями. В отношении «евреев» экстремистский призыв является скрытым, поскольку оформляется имплицитно – через логическую операцию сравнения, о чем свидетельствует использование в анализируемом высказывании, призывающем к сожжению в печи «кавказцев», синтаксического изобразительно-выразительного средства русского языка – сравнительного оборота («как евреев»). Невербальные средства – изображения Гитлера и печи для сожжения людей – усиливают побуждающий эффект и являются наглядным дополнением вербальной информации о том, каким образом надо действовать: как Гитлер (величайший преступник в истории человечества), с использованием печи для сожжения людей.

В вербальной составляющей анализируемого сообщения выявлены три (из четырех) лингвистических признака призыва: 1 – наличие вербального императива – глагол «сожжем»; 2 – наличие в высказывании образа, способа совершения действия, выраженного в значении глагола «сожжем»: «сжечь» – «уничтожить огнем, с помощью огня»; 3 – наличие в высказывании обозначения объекта названного действия – «кавказцы» (и неосновной объект – «евреи»). Четвертым (4) лингвистическим признаком призыва является наличие в высказывании образа адресата – он отсутствует в исследуемом сообщении, размещенном на Интернет-странице. Отсутствие конкретного образа адресата можно объяснить тем, что в последние годы экстремистская деятельность по большей части переместилась в сеть Интернет, аудитория пользователей которым весьма масштабна и неопределенна. Однако указанный выше факт (отсутствие конкретного образа адресата речи) не снижает силу воздействия призыва «Сожжем в печи их [кавказцев], как евреев» именно по причине разнообразия и масштабности аудитории Интернет-пользователей.

Итак, в представленных высказываниях прослеживаются лингвистические значения речевой цели призыва как разновидности убеждения, подкрепляемые значениями невербальных компонентов (портрет Гитлера, изображение печи для сожжения людей): «побуждение к мнению» ('я говорю тебе это, чтобы ты согласился с необходимостью совершения тобой этих действий') и «побуждение к действию»: ('я говорю тебе, что я хочу, чтобы ты не только признал необходимость действий, но и совершил их'): «любить кавказцев нереально», «сожжем в печи их, как евреев».

Вывод по исследованию *Изображения №1*. В представленном поликодовом тексте в форме призыва говорится о насильственных действиях, направленных против групп лиц, объединяемых этнической принадлежностью, – кавказцев и евреев. Высказывание побудительного типа «Сожжем в печи их, как евреев» подтверждает нацеленность текста на формирование у адресата не только негативного (неприятного, враждебного) отношения к указанным группам лиц, но и

намерения, готовности к совершению действий против них – насилию, физическому уничтожению.

Изображение №2. Предметно-тематический анализ. В процессе исследования пропозитивного содержания высказывания «Увидел лезгинку жги» (пунктуация, точнее – ее отсутствие, сохранена), представленного на фотографии горящего человека с приподнятой ногой и стоящего рядом с ним мужчины в черной одежде и черной маской на лице, а также надписи вверху рисунка «14/88» установлено, что предмет этого сообщения является «скрытым»: он не назван, но присутствует в семантической структуре изображения, представляющего собой объединение семиотически разнородных средств – вербальных (словесных) и невербальных компонентов, т.е. поликодовый текст.

Лезгинка – традиционный танец народов Кавказа. Приподнятая нога горящего человека представлена автором как элемент танца. Автор призывает жечь всех, кто танцует лезгинку, которая в данном контексте выступает как идентифицирующий (культурно-бытовой) признак этнической группы кавказских народов. Таким образом, танец «лезгинка», о котором идет речь в предложении «Увидел лезгинку жги», связан логическими отношениями (имеет референтную соотнесенность) с группой лиц, объединенных по признаку этнической принадлежности, – народами Кавказа. Следовательно, предмет сообщения – кавказцы (как и в *Изображении №1*).

В отношении данного предмета речи используются следующие содержательные типы высказываний:

1) *описательно-информирующие*: представлена ситуация, передающая с помощью логико-языковых средств условие совершения основного действия, к которому призывает адресант: фраза «Увидел лезгинку жги» представляет собой бессоюзное сложное предложение (вербальное средство) с условными смысловыми отношениями, первая часть (первое простое предложение «увидел лезгинку») которого имеет значение условия – «если увидел лезгинку», а во второй части (втором простом предложении «жги») сообщается информация о действии, которое нужно совершить при названном условии в отношении

группы лиц, – сожжение – это следует из семантики глагола «жги» (вербальное средство): «жечь» – «уничтожать огнем» – и изображения горящего человека (невербальное средство);

2) *оценочные*: предложение «Увидел лезгинку жги» (вербальное средство) демонстрирует негативную оценку предмета речи, что является следствием из семантики глагола «жечь» в форме «жги», обозначающего и само действие по отношению к представителям кавказских народов, и способ совершения этого действия: убийство путем сожжения. Это эксплицитное выражение неприязненного, враждебного отношения к предмету речи, т.е. налицо лингвистические признаки экстремистского значения «возбуждение розни, вражды». Имплицитно данное значение дополняется, подкрепляется изображением (невербальным компонентом) горящего танцующего человека;

3) *побудительные*: в анализируемом поликодовом тексте вербализуется призыв к насильственным действиям по отношению к предмету речи «кавказцы»: «Увидел лезгинку жги». Вторая часть (второе простое предложение – «жги») данной синтаксической конструкции является классической (типичной) формой выражения призыва в русском языке – побудительным предложением, сказуемое которого – глагол повелительного наклонения, 2 лица, единственного числа (глагольный императив, образованный от основы настоящего времени с помощью суффикса повелительного наклонения *-и-*). Описываемое глаголом действие носит конкретный характер: лексическое значение лексемы «жечь» – «уничтожать огнем». Следовательно, побуждение к действию выражено в данном высказывании эксплицитно. При этом для констатации экстремистского значения в побудительном предложении «жги» важной является детекция признака насильственного характера действия, обозначаемого глаголом-сказуемым: действие по глаголу «жечь» – «уничтожать огнем», – употребленное по отношению к человеку (надпись «Увидел лезгинку жги» размещена поверх изображения фигуры горящего танцующего человека), несомненно, является насильственным, а форма императива данного глагола призвана побу-

дить адресата к совершению названного действия – уничтожению огнем человека, танцующего лезгинку (традиционный народный кавказский танец), т.е. любого представителя народов Кавказа.

Оценочно-экспрессивный анализ. В процессе данного исследования выявлено определенное отношение адресанта к предмету речи – второй (после установления предмета речи и содержательных типов высказываний) обязательный компонент «экстремистских» значений. Образ кавказца, танцующего лезгинку (а этот образ, как было доказано в ходе предметно-тематического анализа, является обобщенным представлением всех кавказских народов), вызывает у адресанта резко неприязненное, враждебное отношение, которое в своей силе доходит до крайности – призыва к физическому уничтожению представителей названной этнической группы. Это отношение выражается посредством вербальных и невербальных средств, эксплицитно (открыто, явно) и имплицитно (скрыто, неявно).

Высказывание «Увидел лезгинку жги» (вербальное средство) эксплицитно выражает негативную оценку предмета речи через семантику глагола «жечь», стоящего в форме императива, – «уничтожать огнем». Представленный таким способом призыв к физическому уничтожению «чужой», «враждебной» группы подкрепляется невербальным средством – изображением горящего танцующего человека.

С помощью невербальных средств выражается имплицитная оценка предмета речи: враждебное, агрессивное отношение к «кавказцам» передается посредством символа «14/88», размещенного вверху рисунка (над рисунком). Данный символ является шифровым, кодовым лозунгом так называемых «белых националистов» (или «белых неонацистов»). Толкование значения этого символа различно⁷¹, однако несо-

---

⁷¹ Число 14 объясняют либо количеством слов (в английском тексте) в лозунге Д. Лэйна, американского неонациста: «Мы должны защитить существование наших людей и будущее белых детей, потому что красота Белой Арийской женщины никогда не должна исчезнуть с земли», либо порядковыми номерами букв русского алфавита А (1) и Г (4) – инициалы А. Гитлера; 88 – числовое отображение приветствия «Heil Hitler», т.к. буква «Н» в латинском алфавите – 8-ая по счету; по этому числовому отображению назван и манифест Д. Лэйна «88 заповедей».

мненно, что его наличие в качестве заголовка (он расположен над рисунком, предваряя восприятие изображения, настраивая на определенную рецепцию) подготавливает адресата к националистическому (неонацистскому) содержанию предлагаемого ниже материала. Публичное использование символа, связанного в обществе с негативно оцениваемыми взглядами, означает солидаризацию с этими взглядами и их демонстрацию. В связи с этим текстовое значение такого символа может быть вербализовано так: *«Знайте, что я разделяю взгляды, которые связаны с данным символом»*. Очевидно, что не все адресаты данного закодированного сообщения понимают значение анализируемого символа, но знающие Интернет-пользователи, «свои» (в терминах оценки типа «свой/чужой»), однозначно воспримут следующее за символом «14/88» изображение с определенным настроением – враждебным и неприязненным отношением к предмету речи – кавказцам.

В анализируемом побудительном высказывании особый цинизм (циничное отношение) призыву к насильственным действиям относительно кавказцев придает использование каламбура – фигуры речи, состоящей в юмористическом использовании многозначности слова. А у глагола «жечь» в современном употреблении сформировалось еще одно лексическое значение, отмеченное в словарях как переносное, – «весело и артистично вести себя, выдавать необычное поведение, вызывающее смех» (ru.wikipedia.org). Следовательно, призыв «жги» можно толковать как побуждение к убийству, уничтожению представителей враждебной группы огнем и одновременному веселью по этому поводу.

Поскольку исследуемый поликодовый текст, как и любой подобный, является результатом («продуктом») сознательной, целенаправленной деятельности публикатора, постольку в процессе анализа выраженного в нем отношения к предмету речи необходимо обратить внимание на надпись, сделанную по границе круга с призывом «Увидел лезгинку жги» на фоне пламени, в котором горит танцующий человек, – это слово VIOLENCE, написанное латиницей. В переводе с французского оно означает «неистовая сила, буйность», в английском языке имеет значение «насилие, жестокость». Взаимодействуя с другими

компонентами Изображения 2 (вербальными и невербальными), эта надпись дополняет, поясняет и усиливает мысль о том, что представители «чужой» группы (выходцы с Кавказа) заслуживают жестокого отношения и к ним необходимо применять насилие. Как и в ситуации с символом «14/88», но по другой причине, трансляция подобного отношения понятна не всем русскоязычным пользователям, однако своего адресата, знающего французский либо английский языки, такая вербальная демонстрация жестокости и насилия по отношению к группе лиц, выделяемой по этническому признаку, найдет. Описанный вербальный компонент является имплицитной негативной оценкой предмета речи.

Таким образом, в анализируемом поликодовом тексте присутствуют лингвистические признаки экстремистского значения «возбуждение розни, вражды».

Целевой анализ. В результате проведенного исследования речевых целей (третий обязательный компонент «экстремистских» значений, определяемый после установления предмета речи и отношения к нему) в представленном для анализа поликодовом тексте выявлены следующие речевые установки адресанта: демонстрация враждебного отношения к группе лиц, объединяемых этнической принадлежностью (представители кавказских народов); побуждение к принятию мнения о необходимости насильственных действий в отношении указанной группы лиц и к совершению этих действий (призыв); информирование аудитории о том, как она должна действовать («жги»).

Рассмотрим речевую цель «призыв».

Призыв рассматривается как убеждение в необходимости совершения определенных действий. И, являясь разновидностью убеждения, он включает в себя двойное побуждение: к принятию мнения о необходимости названных действий и к совершению этих действий.

К принятию мнения о необходимости насилия (физического уничтожения путем сожжения) в отношении группы лиц «кавказцы» побуждают вербальные и невербальные компоненты анализируемого поликодового текста. Языковые средства передачи экстремистского лингвистического значения «вражда, рознь» имеют как эксплицитный,

так и имплицитный характер. Эксплицитное выражение негативного отношения к названному предмету речи представлено использованием предиката (сказуемого) «жги» во второй части бессоюзного сложного предложения, которое является основным (центральным) вербальным компонентом *Изображения №2*. Семантика предиката – «уничтожать огнем» – прямо указывает на возможность и необходимость физического уничтожения людей, а именно – кавказцев, о которых имплицитно говорится в первой части предложения со значением условия: «Увидел лезгинку», т.е. если увидел человека, танцующего лезгинку, а танцевать ее может любой представитель кавказских народов, то его, такого человека, можно и надо уничтожить – сжечь. Дополняют и подкрепляют побуждение к принятию мнения о необходимости насилия по отношению к указанной этнической группе невербальные средства: изображение горящего танцующего человека наглядно демонстрирует возможность сжигания людей; кодовый лозунг «белых националистов» «14/88», размещенный вверху рисунка, отсылает к сообществу неонацистов, ядром идеологии которых является расовая ненависть, вражда, рознь и т.п., следовательно, существует немало сторонников автора, разделяющих его мнение о необходимости борьбы с «чужими».

Вторая сторона призыва – побуждение к воплощению формируемого мнения в жизнь, – к совершению насильственных действий в отношении «враждебной, чужой» этнической группы также осуществляется с помощью вербальных и невербальных компонентов анализируемого текста. Призыв к физическому уничтожению «кавказцев» выражен эксплицитно: для воплощения экстремистских идей адресантом используются лексическое и синтаксическое языковые средства: лексема «жечь» (в форме «жги»), имеющая значение «уничтожать огнем», и побудительное предложение во второй части бессоюзной конструкции «Увидел лезгинку жги», в котором данная лексема используется для выражения побуждения к совершению действия: морфологически оно представлено формой 2 лица единственного числа повелительного наклонения глагольной лексемы «жечь» – «жги». При этом, учитывая полисемичность (многозначность) глагола «жечь», можно говорить и о втором призыве, выражаемом формой «жги», – «веселись, вызывая у

окружающих смех». Каламбур, основанный на многозначности слова (используются два значения: 1 – прямое «уничтожать огнем», 2 – переносное «весело и артистично вести себя, выдавать необычное поведение, вызывающее смех») и выявленный в данном высказывании, следует толковать как двойное побуждение: уничтожай представителей враждебной группы огнем и одновременно веселись по этому поводу.

Невербальные компоненты, участвующие в оформлении призыва к уничтожению кавказцев, подкрепляют и дополняют это побуждение: изображение горящего танцующего человека демонстрирует способ убийства – сжигание; символ «14/88» убеждает в возможности и реальности геноцида.

Имплицитно побуждение к совершению насилия в отношении представителей кавказских народов выражается посредством надписи латинскими буквами «VIOLENCE», сделанной по границе круга с призывом «Увидел лезгинку жги» на фоне пламени, в котором горит танцующий человек. Слово *violence* в переводе с французского языка означает «неистовая сила, буйность», с английского – «насилие, жестокость». Понимающий эти значения адресат воспримет надпись как усиление призыва к насильственным действиям.

В анализируемом поликодовом сообщении выявлены три (из четырех) лингвистических признака призыва: 1 – наличие вербального императива – глагол «жги»; 2 – наличие в высказывании образа, способа совершения действия, выраженного в значении глагола «жги»: «жечь» – «уничтожать огнем, с помощью огня»; 3 – наличие в высказывании обозначения объекта названного действия – «кавказцы» (объект «скрытый», но присутствующий в семантической структуре изображения). Четвертым (4) лингвистическим признаком призыва является наличие в высказывании образа адресата – он отсутствует в исследуемом сообщении, размещенном на Интернет-странице, аудитория пользователей которой потенциально весьма многочисленна, поэтому отсутствие конкретного образа адресата речи не снижает силу воздействия призыва «Увидел лезгинку жги».

Таким образом, в представленном изображении прослеживаются лингвистические значения речевой цели призыва как разновидности

убеждения, подкрепляемые значениями невербальных компонентов (вид горящего танцующего человека): «побуждение к мнению» ('я говорю тебе это, чтобы ты согласился с необходимостью совершения тобой этих действий') и «побуждение к действию»: ('я говорю тебе, что я хочу, чтобы ты не только признал необходимость действий, но и совершил их'): «Увидел лезгинку жги».

Вывод по исследованию *Изображения №2*. В представленном поликодовом тексте в форме призыва говорится о насильственных действиях, направленных против группы лиц, объединяемых этнической принадлежностью, – кавказцев. Высказывание побудительного типа «Увидел лезгинку жги» подтверждает нацеленность текста на формирование у адресата не только негативного (неприятного, враждебного) отношения к указанной группе лиц, но и намерения, готовности к совершению действий против них – насилию, физическому уничтожению.

Выводы:

Вопрос. Имеются ли в указанных материалах призывы, на что они направлены, к каким действиям побуждают?

Ответ:

Изображение №1 (<https://vk.com/id233675...>), состоящее из четырех фотографий, оформленное в стиле комикса, содержит лингвистические признаки призыва к физическому уничтожению групп лиц, выделяемых по этнической принадлежности, – кавказцев и евреев.

Изображение №2
(https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_507) также содержит лингвистические признаки призыва к физическому уничтожению лиц кавказской национальности.

Специалист Шабанова Н.А.

Психологическое исследование

Объект исследования:

1. информационный блок
https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_487 размещенный на Интернет-странице <https://vk.com/id3..>, распечатанный и приложенный к акту проведения оперативно-розыскного мероприятия.
2. информационный блок
https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_507 размещенный на Интернет-странице <https://vk.com/id3..>, распечатанный и приложенный к акту проведения оперативно-розыскного мероприятия.

Толкование понятий

Перед началом анализа специалист считает необходимым пояснить ряд понятий, используемых в тексте исследования.

Агрессия - индивидуальное или коллективное поведение или действие, направленное на нанесение физического или психического вреда либо даже на уничтожение другого человека или группы.

Вражда - переживание с оттенком пониженного настроения и гневливостью; отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью.

Враждебность - крайняя неприязненность, вражда, ненависть.

Ненависть - стойкое активное отрицательное чувство человека, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям, ценностям. Ненависть способна не только вызвать соответствующую оценку предмета, но и активную деятельность, направленную против него. Формированию ненависти обычно предшествует острое недовольство, вызываемое нежелательным развитием событий или систематическое накопление более слабых воздействий источника отрицательных переживаний.

Конфликт - это биполярное явление (противостояние двух начал), проявляющее себя в активности сторон, направленное на

преодоление противоречий, причем стороны представлены активными субъектами.

Призыв - обращение, в краткой форме выражающее политические требования; наиболее радикальная и открытая форма словесного воздействия на человека. Прямой призыв - словесная конструкция, содержащая глагол в форме повелительного наклонения, обязательным компонентом призыва является образ адресата речи. Косвенный призыв - форма открытого побуждения без использования форм глагола с побудительным значением и указания на адресата речи (используются модальные глаголы «нужно», «необходимо» без личных местоимений). Скрытый призыв - информация, подстрекающая к каким-либо действиям, формирующая у адресата желание действовать. Желание действовать, можно соотнести с побуждением, когда перед читателем рисуется «ясная, красочная, привлекательная программа действий».

Убеждение - используемый в коммуникации метод воздействия на сознание личности через обращение к его собственному критическому суждению. Основу его составляет отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой функциональной задаче. Два пути: центральный, периферийный. Центральный основывается на аргументах, опирающихся на достоверные факты, цифры, которые должны заставить людей задуматься. Периферийный путь вовлекает человека в процесс размышления. Он лишь снабжает его подсказками, стимулирующими принятие аргумента без серьезного осмысления.

Психологический анализ изображений

Изображение №1. Психологический анализ поликодового текста позволяет говорить о наличии в нем психологических признаков призыва к физическому уничтожению представителей этнических групп «кавказцы» и «евреи».

Указанные признаки выявлены в результате трехкомпонентного психологического анализа *Изображения №1*:

1) анализ обсуждаемой автором проблемы: информация, представленная в поликодовом тексте, связана с конфликтом, содержание которого носит межэтнический характер: «Любить кавказцев нереально»;

2) анализ выраженных отношений автора и проявляемых установок: негативное эмоциональное отношение к этнической группе «кавказцы» выражается оценочным словом «нереально»; портрет Гитлера, проводившего политику геноцида, и словосочетание «мечту свою лелея» передают и формируют враждебное отношение к предмету речи (кавказцам) и положительное отношение к нацистской идеологии и политике Гитлера; кроме того, с учетом семантически нагруженных изображений Гитлера и печи для сожжения людей, а также призыва «Сожжем в печи их, как евреев» можно говорить о том, что данный поликодовый текст содержит признаки пропаганды неполноценности представителей этнических групп «кавказцы» и «евреи»;

3) анализ цели сообщения и установок, на формирование которых направлены речевые сообщения: поскольку представленная конфликтная ситуация («Любить кавказцев нереально») требует своего разрешения, вмешательства, постольку автор формирует у адресата установку на насильственные действия в отношении враждебной стороны конфликта – кавказцев. Данная социальная установка включает в себя три основных компонента: когнитивный – посредством вербальных и невербальных компонентов передается информация о ситуации конфликта, об идеологии нацизма и фашизма; эмоциональный (аффективный) – явно и неявно выражается эмоциональное отношение адресанта к сторонам конфликта на основе знаний о них. Это отношение является выражением субъективной оценки идеологии расизма, нацизма, фашизма и политики геноцида как «положительных» явлений («решил проблему гениально») и «отрицательной» оценки «кавказцев» («Любить кавказцев нереально»), и конативный (поведенческий) компонент – элемент установки, направленный на формирование у адресата готовности действовать в отношении объекта установки в соответствии со знаниями о нем, на основе имеющегося образа и эмоционального отношения к нему: адресант побуждает аудиторию к принятию своей

точки зрения относительно идеологии фашизма и относительно кавказцев, а также к осуществлению насильственных действий в отношении кавказцев, для чего используется прямое побуждение: «Сожжём в печи их, как евреев».

Таким образом, можно утверждать, что в изображении №1 имеются психологические признаки призыва к физическому уничтожению представителей этнических групп «кавказцы» и «евреи».

Изображение №2. Психологический анализ поликодового текста позволяет говорить о наличии в нем психологических признаков призыва к физическому уничтожению представителей этнической группы «кавказцы».

Указанные признаки выявлены в результате трехкомпонентного психологического анализа *Изображения №2*:

1) анализ «обсуждаемой» автором проблемы: информация, представленная в поликодовом тексте, связана с конфликтом, содержание которого носит межэтнический характер. На национальную природу конфликта указывает изображение акта поджога живого человека, который, как следует из надписи поверх этого изображения «Увидел лезгинку – жги», танцует лезгинку. Лезгинка – традиционный танец народов Кавказа, который выступает здесь как идентифицирующий (культурно-бытовой) признак этнической группы кавказских народов;

2) анализ выраженных отношений автора и проявляемых установок: автор изображения выражает свое эмоционально-смысловое отношение к представителям враждебных сторон конфликта: к кавказцам – резко негативное, на что указывает побуждение в форме призыва к осуществлению насильственных действий против них: «Увидел лезгинку – жги», а также надпись на фоне огня (понятная, возможно, не всем пользователям, а только тем, кто знает французский или английский языки) VIOLENCE – «неистовая сила, буйность» (фр.), «насилие, жестокость» (англ.); к представителям «белой расы» – положительное отношение: автор солидаризируется со всеми, кто разделяет идеологию расизма (в его разновидностях – фашизм и нацизм) и считает правильной и необходимой политику физического уничтожения «не-белых»

людей. Об этом сигнализирует надпись «14/88» (размещенная вверху рисунка), символически обозначающая сообщество «белых националистов» (или «белых неонацистов»);

3) анализ цели сообщения и установок, на формирование которых направлен поликодовый текст: использованные в данном изображении вербальные и невербальные средства направлены на формирование у адресата враждебной психологической установки по отношению к представителям кавказских народов. Когнитивный компонент установки – информирование адресата (русских либо других представителей славянских народов) о проблеме, межэтническом конфликте; эмоциональный (аффективный) компонент – к представителям враждебной стороны, кавказцам, выражено отрицательное отношение; к идеологии нацизма и фашизма – позитивное; конативный (поведенческий) компонент – в тексте указано действие, которое является необходимым для разрешения конфликта, – физическое уничтожение кавказцев путем сожжения. Психологическая враждебная установка формируется у адресата посредством призыва его к насильственным действиям против кавказцев: «Увидел лезгинку – жги».

Таким образом, можно утверждать, что в *Изображении №2* имеются психологические признаки призыва к физическому уничтожению представителей этнической группы «кавказцы».

Выводы:

Вопрос. Имеются ли в указанных материалах призывы, на что они направлены, к каким действиям побуждают?

Ответ:

Изображение №1 (https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_487), состоящее из четырех фотографий, оформленное в стиле комикса, содержит психологические признаки призыва к физическому уничтожению представителей этнической группы «кавказцы».

Изображение №2 (https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_507) содержит психологические признаки призыва к физическому уничтожению представителей этнической группы «кавказцы».

Специалист О.Б. Логинов.

Синтезирующая часть

По вопросу «Имеются ли в указанных материалах призывы, на что они направлены, к каким действиям побуждают?»

Изображение №1 (<https://vk.com/id2...>), состоящее из четырех фотографий, оформленное в стиле комикса, содержит лингвистические и психологические признаки призыва к физическому уничтожению (путем сожжения) групп лиц, выделяемых по этнической принадлежности, – кавказцев и евреев.

Изображение №2 (<https://vk.com/id2...>) также содержит лингвистические и психологические признаки призыва к физическому уничтожению (сожжению) лиц кавказской национальности.

Специалист Н.А. Шабанова.
Специалист О.Б. Логинов.

ВЫВОДЫ

По вопросу «Имеются ли в указанных материалах призывы, на что они направлены, к каким действиям побуждают?»

Изображение №1 (<https://vk.com...>), состоящее из четырех фотографий, оформленное в стиле комикса, содержит лингвистические и психологические признаки призыва к физическому уничтожению групп лиц, выделяемых по этнической принадлежности, – кавказцев и евреев.

Изображение №2 (<https://vk.com/id2...>) также содержит лингвистические и психологические признаки призыва к физическому уничтожению лиц кавказской национальности.

Таким образом, в указанных материалах выявлены лингвистические и психологические признаки формирования у аудитории негативного, враждебного отношения к представителям групп лиц, объединяемых по этническому/национальному признаку (кавказцы и евреи), и побуждения адресатов посредством призыва к совершению насильственных действий против кавказцев и евреев.

В целом, иллокутив «призыв» в представленных материалах является «коммуникативным давлением», которое осуществляется воздействием (с помощью вербальных и невербальных средств) на ментальную сферу адресата речи через его ценностно-смысловую систему, являющуюся центром структуры личности, высшим уровнем регуляции ее социального поведения. Подобное воздействие, реализуемое в форме призыва (побуждения) к насильственным действиям, безусловно, создает условия для таких действий.

Специалист Н.А. Шабанова.

Специалист О.Б. Логинов.

Пример психолого-лингвистической экспертизы (лингвистическая часть)

ПОДПИСКА

Мне, Сергеевой Светлане Михайловне, в соответствии с ч.4 ст.199 УПК РФ разъяснены права и обязанности эксперта, изложенные в ст. 57 УПК РФ.

Об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ предупреждена.

«__»_____2020 г.

Эксперт

С.М. Сергеева

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

10 марта 2020 года Сергеевой С.М. поступило постановление от 25 февраля 2020 года следователя следственного отделения УФСБ России по Владимирской области старшего капитана юстиции Антонова Д.М. по материалам уголовного дела № 314... о назначении комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы.

Производство комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы поручено Сергеевой Светлане Михайловне, доценту кафедры теории и истории государства и права ВлГУ, кандидату юридических наук, имеющей 2 высших образования (филологическое, юридическое), в 19.. году окончившей Владимирский государственный педагогический институт им. П.И. Лебедева-Полянского по специальности «Русский язык и литература» с присвоением квалификации и звания «учитель русского языка и литературы» (диплом ЗВ № 61...), в 20.. году окончившей Федеральное казенное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» по специальности «Юриспруденция» с присвоением квалификации «юрист» (диплом ОК

№ 24..), имеющей стаж работы по первой специальности 20 лет, имеющей стаж работы по второй специальности 11 лет. В 20.. году присуждена ученая степень кандидата юридических наук (ДКН № 02...); в 20.. году присвоено ученое звание доцента по специальности «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» (аттестат серии ЗДЦ № 03...).

На разрешение экспертов поставлены **вопросы:**

1. Являются ли речевые сообщения в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени с 16 ч. 00 мин. по 18 ч. 00 мин. 17.01.2020 и в период с 07 ч. 20 мин. по 08 ч. 00 мин. 18.01.2020, содержание которых зафиксировано в 2 (двух) файлах (аудиозаписях),.. целостными по содержанию и смыслу?

2. Какова речевая установка в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени..., содержание которых зафиксировано в 2 (двух) файлах (аудиозаписях)...?

3. Содержатся ли в речевых сообщениях разговоров, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени..., признаки оправдания терроризма – заявления о признании идеологии и практики терроризма (то есть идеологии и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий) правильными, нуждающимися в поддержке и подражании?

4. Направлены ли речевые сообщения в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени..., на формирование у Соколова А.Б. идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности?

5. Содержатся ли в речевых сообщениях разговоров, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени с..., психолого-лингвистические признаки склонения, вербовки или иного вовлечения Осипяном А.Н. Соколова А.Б. (например, путем уговоров,

подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений и т.п.) к совершению каких-либо действий (в том числе насильственных, дискриминационных, разрушительных), а именно - к осуществлению террористической деятельности (то есть организации, планированию, подготовке, финансированию и реализации террористического акта; к организации незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно к участию в такой структуре; к вербовке, вооружению, обучению и использованию террористов; к информационному или иному пособничеству в планировании, подготовке или реализации террористического акта)? Если да, то в каких именно выражениях?

Для производства экспертизы экспертам предоставлены **материалы**:

- компакт-диск... с пояснительной биркой о содержимом...;
  - копия протокола осмотра предметов (документов) от ...
- 2020 г. на 58 листах.

Объект исследования: речевые сообщения, содержащиеся в стенограммах указанных разговоров Осипяна А.Н. и Соколова А.Б.

Экспертиза начата 20.03.2020 г., экспертиза окончена 29.04.2020 г.

При производстве экспертизы использовалась следующая **литература**:

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. 3-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
2. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психологические основы «Паблик рилейшнз». - СПб, 2004.
3. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009.
4. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. - СПб, 2014.

5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. – М: КомКнига, 2006.
6. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006.
7. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения / Под. ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: СТЭНСИ, 2003.
8. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга / программа «Словари XXI века»; научный редактор-лексикограф Н. Б. Троепольская. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 2007
9. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - СПб, 2003.
10. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. - СПб, 2014.
11. Ислам. Энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Милославского, Ю.А. Петросяна, М.Б. Пиотровского / М.: «Наука», Институт востоковедения РАН, 1991.
12. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 2 е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Мир, 2006.
13. Кармин А.С. Психология рекламы. - Издательство: ДНК Изд-во.
14. Ключев Е.В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и вузов. – М.: ПРИОР, 1998.
15. Ковалева М.Н. К определению понятия публичной речи / Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15-17 июня 2009 г. // Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: «Эйдос», 2009.
16. Ковшиков В.А., Глухов В.П. Психолингвистика. М.,2006.
17. Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Часть 2: Нормы современного

- русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка). Кн. 2: Н-Я, А-Z / Под общ. ред. Г.Н. Складерской, Е.Ю. Ваулиной. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012.
18. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.
  19. Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. - М, 2008.
  20. Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998.
  21. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: «Питер», 2008.
  22. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. / Под ред.: Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Научно-методический совет РФЦСЭ. М., 2014.
  23. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.
  24. Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
  25. Райгородский Д.Я. Психология масс. Хрестоматия. - Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2010.
  26. Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г по делу №АКПИ 14-1424С // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=417350>
  27. Рыженкова С. Н. Вариативный потенциал речевого побуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2009/Philologia/53391.doc.htm (дата обращения 09 ноября 2015 года). – Загл. с экрана.

28. Сабитов Р.А. Расследование преступлений экстремистской направленности: методика и квалификация / Р. А. Сабитов, П. В. Худяков: учеб. пособие. Челябинск. Челяб. Юрид. Ин-т. МВД России, 2010.
29. Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия / Под ред. В. Андреевой, В. Куклева, А. Ровнера. М., 2001.
30. Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия / Под ред. В.И. Теплицына. М., 2003.
31. Стернин И.А. Правила и приёмы речевого воздействия: учеб. пособие для вузов. Воронеж: «Истоки», 2013.
32. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. М.: «Ламберт», 2013. 192 с.
33. Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности: учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / сост. Л.З.Подберезкина, Е.Ю.Федоренко. – Электрон.дан. – Красноярск: Сиб.федер.ун-т, 2012.
34. Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: ПГУ, 1995.
35. Узнадзе Дм. Психология установки. - СПб, 2001.
36. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями и дополнениями) // Режим доступа:
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=58840>
37. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / Санкт-Петербургский государственный университет. Филологический факультет. – СПб: Норинт, 2004.
38. Чалдини Р. Психология влияния., Спб., 2007.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Обстоятельства дела

Из постановления о назначении комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы известно, что в период с 07 декабря 2019 года по 18 января 2020 года (более точный период времени следствием не установлен) Осипян А.Н., отбывающий наказание в виде лишения свободы в ..., ложно понимая положения ислама и придерживаясь радикальной его формы, желая оказать содействие террористической организации «Исламское государство» в пополнении ее рядов путём вовлечения лиц в совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, неоднократно в ходе личных бесед с Соколовым А.Б., также отбывающим наказание в виде лишения свободы в указанном исправительном учреждении, путем убеждения склонял последнего после его освобождения из исправительной колонии к выезду на территорию, контролируемую террористической организацией «Исламское государство», а также к даче присяги указанной террористической организации и к участию в ее деятельности.

Лингвистическое исследование

Основные понятия, используемые в исследовательской части

1. *Понятие текста, его связности и целостности.*

Текст – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность [Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 507]. В качестве текста может выступать речевой акт или ряд связанных речевых актов, осуществляемых индивидом в определенной ситуации. Текст представляет собой некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров) [Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. – М:

КомКнига, 2006. С. 20]. Текст характеризуется тематической однородностью, связностью, целостностью, проявляющейся в смысловом и формальном объединении всех частей текста, и завершенностью. Текст обладает коммуникативной направленностью, то есть создается с определенной целью и имеет потенциального адресата.

2. Понятие речевого сообщения. Сообщение – форма информации, предназначенная для передачи получателю (получателям) сведений о событиях, происходящих, происшедших или которые будут происходить в ближайшее время. Сообщение ориентирует слушающего (или читающего) на получение какой-либо новой информации. Сообщение имеет задачу довести что-то до сведения [Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. – М: КомКнига, 2006. С. 31].

Речевое сообщение может носить вид публичной речи, которая имеет следующие признаки: публичность, разговорность, социальную контекстность, направленность на воздействие, преднамеренность, целевую направленность. Речевое сообщение также характеризуется адресацией, то есть установкой речи на слушателя, которая обычно реализуется такими средствами, как обращение, вводные конструкции, императив и др. [Ковалева М.Н. К определению понятия публичной речи / Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15-17 июня 2009 г. // Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: «Эйдос», 2009. С. 126-127].

3. Понятие диалога. Диалог – форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц; речевая связь посредством обмена, словами, фразами по какой-либо теме [Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд-ие 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. С. 92].

4. Понятие диалогического единства. Диалогическое единство – основная структурно-семантическая единица диалогической речи, включающая от двух до четырех реплик. Диалогическое единство обеспечивается наличием одной темы, согласием или несогласием со-

беседника. Диалогическое единство – последовательность взаимосвязанных реплик, объединенных: 1) накоплением информации по данной теме; 2) мотивированностью форм; 3) сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики. Связь реплик осуществляется: 1) в виде цепочки взаимосвязанных словоформ; 2) через параллельность, однотипность строения [Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд-ие 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. С. 92].

5. Понятие коммуникативного намерения и речевого воздействия. Коммуникативное намерение (или речевая интенция) понимается как тактический ход, являющийся практическим средством движения к соответствующей коммуникативной цели [Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и вузов. – М.: ПРИОР, 1998. С. 19]. Коммуникативное намерение – это намерение сообщить что-либо, передать какую-либо информацию. Коммуникативное намерение может выполнять различные функции: информативную, эмотивную (эмоционально-экспрессивную) и прагматическую (функцию воздействия). Коммуникативное намерение, выполняя прагматическую функцию, предназначено для воздействия на слушающего или читающего, то есть оказывать влияние, добиваться необходимого результата.

4. Понятие призыва. По определению А.Н. Баранова, призыв – это особый тип речевого акта, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой, предложенной А. Вежбицкой для семантической экспликации императивов, – «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 412].

Структура призыва как речевого акта четко представлена К.И. Бриневым, выделяющим следующие элементы призыва:

Участники. Участник 1 – говорящий, Участник 2 – воспринимающий (воспринимающий может представлять собой неопределенную группу лиц).

Иллокутивная цель. Говорящий, произнося высказывание, делает это для того, чтобы побудить слушающего к определенным действиям.

Условие искренности. Говорящий хочет, чтобы цель была достигнута и слушающий выполнил действия, к которым призывает говорящий.

Условия успешности. Для говорящего и слушающего неочевидно, что то, к чему говорящий побуждает слушающего, произойдет само собой (без побуждения слушающего к тому, чтобы он сделал X).

Высказывание-побуждение. Высказывание, в котором выражается побуждение слушающего к выполнению определенных действий. В ядерных случаях это высказывание, в котором присутствуют формы повелительного наклонения глагола, либо другие средства, которые способны выступать в функции побуждения (инфинитив, интонационные конструкции и т.п.). [Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 140].

Призывом является речевой акт, представленный обычно как предложение или совокупность предложений, содержащих лексические (специальные слова, например, *необходимо, нужно, долой, нет (чему-либо), пусть, пора, призывать* и др.) и грамматические (глагол в повелительном наклонении – императив, инфинитив со значением императива, специальная интонация, порядок слов в предложении и др.) средства, и направленный на побуждение говорящим к выполнению какого-либо действия слушающим или читающим.

5. Риторический вопрос – предложение, вопросительное по структуре, но передающее, как и повествовательное предложение, информацию о чем-л., утверждение. Информация в риторическом вопросе всегда связана с выражением различных экспрессивно-эмоциональных значений.

6. Понятие пропаганды. Согласно «Словарю русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой под *пропагандой* понимается «распространение в обществе и разъяснение каких-н. воззрений, идей, знаний, учения» [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского

языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. С.616].

7. *Оправдание идеологии* – выражение автором положительного отношения к этой идеологии (одобрение, героизация, восхваление, приведение как образца для подражания, солидарность автора с излагаемыми им взглядами, идеями, пожелание положительного результата, сожаление по поводу прекращения действий, призыв к признанию справедливости этих действий, взглядов), убеждение адресата в правильности (допустимости) соответствующих действий, информирование адресата о том, как он должен действовать и (или) демонстрация адресату своих особых взглядов и аргументация их целесообразности (описание особых обстоятельств, делающих эти взгляды целесообразными) [Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Научно-методический совет РФЦСЭ. М., 2014]

Методы проведения исследования

Для достижения экспертных целей проводятся следующие виды лингвистического анализа:

1) лексико-семантический анализ с целью установления лексических значений слов и сочетаний, сопряженных с обозначением словами русского языка явлений экстремизма и его разновидностей (методология использована с опорой на работу Галяшиной: Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006. С. 53);

2) семантико-стилистический анализ с целью установления в тексте наличия оценочных высказываний, содержащих лексемы русского языка, относящиеся к наименованию явлений экстремизма и его разновидностей и определения модальности и знака содержащихся в них оценок (позитивной или негативной) (см.: Там же. С. 53);

3) метод ступенчатого анализа стилистически маркированных текстов - комплексный анализ по декодированию речевого сообщения с применением компонентного и контекстуального анализа лексем в

тексте, выражающих значение призыва, и функционального анализа синтаксических отрезков, содержащих лексемы со значением призыва (методология использована с опорой на работу Тарланова З.К.: Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 112).

По вопросу 1. Являются ли речевые сообщения в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени с 16 ч. 00 мин. по 18 ч. 00 мин. 17.01.2020 и в период с 07 ч. 20 мин. по 08 ч. 00 мин. 18.01.2020, содержание которых зафиксировано в 2 (двух) файлах (аудиозаписях),.. целостными по содержанию и смыслу?

Данные речевые сообщения представляют собой диалоги между двумя участниками (Участник 1 – Осипян А.Н.; Участник 2 – Соколов А.Б.) и являются целостными и завершенными по смыслу текстами.

Смысловую целостность первого текста (разговор между Осипяном А.Н. и Соколовым А.Б. в период с 16 ч. 00 мин. по 18 ч. 00 мин. 18.01.2020) обеспечивают тема и основная мысль.

Основные темы речевого сообщения (обобщенное содержание текста, решаемая в тексте проблема) – ислам и террористическая организация «Исламское государство». Основные мысли (авторская позиция по поводу данной проблемы) – восхваление ислама и порядков, установленных т.н. «Исламским государством», оправдание жестокости террористов, сочувствие страдающим и гонимым мусульманам, возможности переезда в т.н. «Исламское государство».

Основной речевой установкой Осипяна А.Н. является формирование у Соколов А.Б. на основе мусульманской доктрины идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности, представления о допустимости осуществления террористической деятельности; склонение собеседника к участию в деятельности т.н. «Исламского государства», побуждение к выезду в т.н. «Исламское государство» и принятию баята (присяги).

Смысловое единство текста создается за счет слов двух основных тематических групп: религиозная исламская лексика преимущественно арабского происхождения (*сунна* – «путь, указанный пророком Мухаммадом, основное учение о жизни, основанное на Коране», *шариат* – «комплекс верований и религиозно-правовых норм, которым должен следовать мусульманин», *Аллах*, *мусульмане*, *мунафик* – «лицемер, выражающий показную приверженность вере, но не являющийся верующим», *даруль харб* – «земля войны, где живут воюющие с мусульманами кафиры», *кафиры* (в речи Осипяна А.Н. – *куфары*) – «неверные», *дуа* – «молитва», *аят* – «стих Корана», *тафсир* (в речи Осипяна А.Н. – *тапсир*) – «толкование Корана и сунны», *шайтан* – «дьявол», *джамаат* – «община правоверных мусульман», *сунниты*, *шииты* – «представители исламских течений» и др.) и общественно-политическая лексика (наименования реалий государственной жизни: *проголосовать за независимость*, *отсоединение республики*, *Госдума*, *министр*, *министерство*, *МВД*, *ФСБ*; наименования реалий и социальных процессов дезорганизации общественной жизни: *экстремизм*, *терроризм*, *террористы*, *незаконный правитель*, *казнь*, *казнить по шариату*, *шариатская полиция*, *шариатский суд*, *война*, *воюющая сторона*, *враждующая сторона*, *живой щит*, *штурм*, *боевые действия*, *бомбить*, *взорвать*, *истреблять* и др.; наименования политических, в том числе запрещенных в России религиозно-политических, партий, объединений, групп, их символов: *Исламское государство*, оно же – *дауля*, *ИГИЛ*, *баят* – «присяга» ИГИЛ, «*Имират Кавказ*», *Талибан-движение*, «*Бока харам*», *Аль-Каида*; идеологемы общественно-политической сферы: *ислам*, *религия Аллаха*, *путь Аллаха*, *халифат*, *даруль харб* – «земля войны», *зульм* – «угнетение, притеснение», *мусульманское общество*, *поклонение* и др.; слова морально-идейной и морально-этической сферы: *несправедливость*, *богобоязненность*, *твердое намерение*, *искренние намерения*, *лучшие* – *худшие*, *скромность*, *отрицательные качества*, *идеальные люди* и др.).

Данный текст (диалог) обладает необходимым признаком структурности, т.к. ему присуща формальная организованность: он состоит

из обмена высказываниями (при этом самые пространные их них принадлежат Участнику 1 – Осипяну А.Н.), для которых характерны вопросы, ответы, добавления, пояснения, разъяснения, возражения, реплики.

Диалог Участника 1 (Осипян А.Н., далее – О.) и Участника 2 (Соколов А.Б., далее – С.) состоит из предложений, которые связаны между собой лексически, грамматически и логически. Например, С.: ... *там нехорошие вещи говорили про Исламское государство. ... в Сирии. Говорят то, говорят это. И все думаешь, может это они реально террористы-террористы какие-то? Реально такие вещи.* – О.: (смеется). – С.: Реально такие мысли. – О.: Такие мысли у меня тоже были, «ахи», бывают такие мысли, «ахи», короче; С.: В том-то и дело: говорили, что Абубакр незаконный правитель, короче. Поэтому присягать нельзя. – О.: «Ахи», это тот, кто не хочет к ним присягать или говорить, другое там мнения придерживается (лексическая связь посредством повторов слов и словосочетаний); С.: Ты вчера-вчера-вчера. Мощно сказал..., побаиваешься? – О.: Очкую, брат, чуть-чуть, очкую, жесть (лексическая связь посредством синонимов); С.: Что делать? – О.: Дуа [молитву] делай; С.: Вот с этого «аята», который ты прочитал. – О.: Угу. Сейчас я другой прочитаю (грамматическая связь посредством словоформ); С.: Чего я там сделаю? А? Чего я там сделаю?.. – О.: Ты? «Ахи», ты там будешь поклоняться Аллаху (грамматическая связь посредством однотипных синтаксических конструкций). Разные варианты повторов (лексических и грамматических) формируют из диалога относительно законченное, тематически структурное целое.

Смысловая и структурная целостность анализируемого речевого сообщения обеспечивается также функционированием в нем диалогических единств различных видов:

- информативное диалогическое единство (построено как вопросно-ответное сочетание реплик): С.: *Что делать?* – О.: Дуа [молитву] делай; С.: *Чего я там сделаю? А? Чего я там сделаю?..* – О.: *Ты? Ахи, ты там будешь поклоняться Аллаху (смеется). Каждую секунду;* и др.;

- директивное (прескриптивное) диалогическое единство (репликой-стимулом служит прямое или косвенное побуждение, а ответной репликой является реакция на него – согласие или несогласие, отказ):
О.: ...Пророк Мухаммед сказал, что мы должны присягнуть, если есть правитель, короче, мусульманский, земля, где «шариат», короче, мы обязаны им, «иншаллах», присягнуть, минимум. – С.: Мне просто. В том-то и дело, говорили, что Абубакр – незаконный правитель, короче. Поэтому присягать нельзя; и др.;

- оценочное диалогическое единство (объединяет реплики, прямо или косвенно выражающие оценку каких-либо предметов, явлений, лиц):
С.: Смотри, я вот просто думаю, да? Ты говоришь-сказал, я думаю, а как же те, что мусульмане, которые просто живут? Намаз делают, живут обычной этой жизнью. Неужели они все «мунафики»? – О.: Ахи, вот этот вопрос. Знаешь, я вот честно тебе скажу, честно скажу – «мунафики». Я думаю – да, ахи; О.: ...Люди, которые конкретно против нашей религии ничего не имеют они так же, короче, неприкосновенны. Все остальные, кто, короче, словом, деньгами, короче, всеми, короче, там и тому подобному, короче – все враги, без исключения. Я такого мнения придерживаюсь... – С.: Даже в России тут «даруль харб» [«земля войны»]? Эта вся или часть? и др.

Языковой состав реплик Участника 1 (О.) нацелен на активизацию и восприятие Участника 2 (С.): в данном диалоге присутствуют элементы разговорного стиля (*движуха, бабки – «деньги», отксерены, палить – «предавать огласке, разоблачать, выдавать», короче, типа, сдохнуть, непонятки*), обращения (со стороны О. – это обращения *брат* и *ахи*), вводные конструкции семантической группы «привлечение внимания собеседника», восклицания (*Какие мучения, посмотри! Какие видео! Как в Пакистане мучают!*) и вопросы, частицы и междометия (частицы *ли, да, не, даже, ну, как бы, вот, вон, же*; междометия *угу* и др.). Перечисленные языковые средства способствуют реализации речевых целей (установок) Осипова А.Н.

Композиция текста типична для диалогической речи: она представляет собой последовательную смену высказываний двух говорящих (О. и С.) на одну или несколько тем, связанных, в целом, с идеями ислама и идеологией терроризма.

Следовательно, данный диалог (как текст, являющий собой ряд связанных речевых актов) характеризуется тематической однородностью, связностью, целостностью, проявляющейся в смысловом и формальном объединении всех его частей, обладает коммуникативной завершенностью, т.к. содержит основные мысли, которые полностью реализуются через это речевое произведение, и целеустановки Участника 1 – говорящего (Осипяна А.Н.), направленные на конкретного адресата-собеседника – Участника 2 (Соколова А.Б.). Данное речевое сообщение обладает и признаком информативности, что также является одним из важнейших признаков текста.

Смысловую целостность второго текста (разговор между Осипяном А.Н. и Соколовым А.Б. в период с 07 ч. 20 мин. по 08 ч. 00 мин. 18.01.2020) также обеспечивают тема и основная мысль.

Основные темы данного речевого сообщения такие же, как и в предыдущем разговоре (в период с 16 ч. 00 мин. по 18 ч. 00 мин. 17.01.2020), – ислам и террористическая организация «Исламское государство». Основные мысли – восхваление ислама, системы управления обществом, созданной т.н. «Исламским государством», утверждение смысла жизни в служении Аллаху, оправдание терроризма, необходимость принятия баята дауле (присяги террористической организации «Исламское государство»).

Основной речевой установкой Осипяна А.Н. в представленном диалоге так же, как и в первом, является формирование у Соколова А.Б. на основе мусульманской доктрины (через чтение религиозных книг, «дуа» – молитвы) идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности, представления о допустимости осуществления террористической деятельности; склонение собеседника к участию в деятельности т.н. «Исламского государства», побуждение к переезду в т.н. «Исламское государство» и принятию баята (присяги).

Смысловое единство текста создается за счет слов двух основных тематических групп: религиозная исламская лексика (большая часть – арабизмы: (*шайтан, Аллах, дуа* – «молитва», *джихад, фитна* – «смута», *Коран, сунна, джамаат* – «община правоверных мусульман», *шариат*,) и общественно-политическая лексика (наименования реалий государственной жизни: *государство, территория, Российская Федерация, гражданство, усиление на границе, страна, регион, аэропорты, паспорт, политологи, светские институты, официально оформлять бумаги*, и др.; наименования реалий и социальных процессов дезорганизации общественной жизни: *незаконное вооруженное формирование, агрессия, война, убить* и др.; наименования политических, в том числе запрещенных в России религиозно-политических, партий, объединений, групп, их символов: *Талибан, Исламское государство*, оно же – *дауля, баят* – «присяга» ИГИЛ и др.; идеологемы общественно-политической сферы: *ислам, религия Аллаха, суфизм* – «одно из течений в исламе», *дунья* – «земной мир», *фитна* – «смута» и др.; слова морально-идейной и морально-этической сферы: *благонравный, скромный, быть равнодушным* и др.; политико-юридическая лексика: *суд, Лефортово* – «следственный изолятор», *Мосгорсуд, прокурор, прокурорский надзор, показания, адвокат, Уголовный кодекс, судопроизводство, показания, дело, статья* и др.).

Анализируемый текст структурно организован: как и предыдущий диалог, он состоит из обмена высказываниями, для которых характерны вопросы, ответы, добавления, пояснения, разъяснения, возражения, реплики.

Диалог Участника 1 (О.) и Участника 2 (С.) содержит предложения, которые связаны между собой лексически, грамматически и логически. Например, О.: *Тяжело?* – С.: *Вот честно тебе скажу, очень тяжело.* – О.: *В смысле тяжело, «ахи»? В смысле тяжело? Никогда не будет легко, «ахи»* (лексическая связь посредством повтора слов); С.: *Знаешь, меня мысль не покидает, что это ошибка была, короче.* – О.: *Вот то, что ты оттуда уехал, вот твоя ошибка была* (лексическая связь посредством повтора слов и однотипных синтаксических

конструкций); С.: *Меня очень сильно волнует, почему я должен «даули» «баят» давать, если я не хочу?* – О.: *Ахи, это же правитель! Ахи, это «Исламское государство», ахи!* (лексическая связь посредством синонимов); С.: *Ситуация в том, что я не знаю, что со мной происходит, короче.* – О.: *Самый этот момент... ты просто знаешь, как шайтан работает. Сильно* (грамматическая связь посредством словоформ и однотипных синтаксических конструкций); О.: *Все братья там.* – С.: *Я говорю, хорошо.* – О.: *Я говорю, в принципе думаю, это правильно* (грамматическая связь посредством однотипных синтаксических конструкций). Различные повторы (лексические и грамматические) формируют из данного диалога относительно законченное тематически структурное целое.

Смысловая и структурная целостность речевого сообщения (разговор между Осипяном А.Н. и Соколовым А.Б. в период с 07 ч. 20 мин. по 08 ч. 00 мин. 18.01.2020) обеспечивается также функционированием в нем диалогических единств различных видов:

- информативное диалогическое единство (построено как вопросно-ответное сочетание реплик): С.: *Меня очень сильно волнует, почему я должен «даули» «баят» давать, если я не хочу?* – О.: *Ахи, это же правитель! Ахи, это «Исламское государство», ахи! Там все это, «сунны», это религия наша, ахи! Так всегда мы правителю все «баят» давали!;* С.: *Дело. Дело не в том, что страх какой-то есть, а дело в том, что у меня в голове что-то поменялось. Я не знаю почему. Что это такое [об Исламском государстве]? Это место, и что это?!* – О.: *Это «мушкиля» [правильно: Машалла – букв. «На то была воля Аллаха»]; так говорят, когда что-то хвалят];* и др.;

- директивное (прескриптивное) диалогическое единство (репликой-стимулом служит прямое или косвенное побуждение, а ответной репликой является реакция на него – согласие или несогласие, отказ): О.: *... Ничего такого даже не разговаривать, чтобы они могли что-то делать.* – С.: *Это да. Ну, можно и раздуть;* и др.;

- оценочное диалогическое единство (объединяет реплики, прямо или косвенно выражающие оценку каких-либо предметов, явлений, лиц): О.: *... Он ихний! Что ты ему! Потом аккуратнo, пусть даже не*

знает, что мы, короче, все это спалили. Понял. Все братья там. – С.: Я говорю, хорошо. – О.: Я говорю, в принципе, думаю, это правильно; и др.

Языковой состав реплик Участника 1 (Осипяна А.Н.) нацелен на активизацию и восприятие Участника 2 (Соколова А.Б.): в данном диалоге присутствуют элементы разговорного стиля (*бухать* – «пить спиртное», *негодяйские, короче, подколы, прикол, продленка; спалить, палить* – «предавать огласке, разоблачать, выдавать», *грузануть*), эллиптические конструкции (*Брат короче; Я вот так, короче* и др.), обращения (со стороны О. – это обращения *брат, братишка, ахи*), вводные конструкции семантической группы «привлечение внимания собеседника» (*понимаешь, видишь, знаешь* и др.), восклицания и вопросы (*Почему их истребляют?! Ну, посмотри, что здесь? Что здесь есть?!* и др.), частицы и междометия (частицы *ли, да, не, даже, ну, как бы, вот, вон, же*; междометия *ах, угу* и др.). Названные языковые средства способствуют реализации речевых целей (установок) Осипяна А.Н.

Композиция данного текста, как и любого диалога, представляет собой последовательную смену высказываний двух говорящих (в данной ситуации – О. и С.) на одну или несколько тем, связанных в нашем случае с идеями ислама и идеологией терроризма.

Следовательно, диалог между Осипяном А.Н. и Соколовым А.Б. в период с 07 ч. 20 мин. по 08 ч. 00 мин. 18.01.2020 также характеризуется тематической однородностью, связностью, целостностью, проявляющейся в смысловом и формальном объединении всех его частей, обладает коммуникативной завершенностью, т.к. содержит основные мысли, которые полностью реализуются через это речевое произведение, и целеустановки Участника 1 – говорящего (О.), направленные на конкретного адресата-собеседника – Участника 2 (С.). Данное речевое сообщение обладает и признаком информативности, что также является одним из важнейших признаков текста.

Таким образом, речевые сообщения, содержащиеся в 2 (двух) файлах (аудиозаписях),.. сохраненные на компакт-диске... и зафиксированные в протоколе осмотра предметов (документов)...., являются

целостными по содержанию и смыслу. При этом оба сообщения объединяют общие темы, основные мысли и речевые установки Участника 1 (Осипяна А.Н.).

По вопросу 2. Какова речевая установка в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени..., содержание которых зафиксировано в 2 (двух) файлах (аудиозаписях)...?

В ходе предметно-тематического и иллокутивного анализа (исследования речевых намерений, установок адресанта) разговоров, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени с 16 ч. 00 мин. по 18 ч. 00 мин. 17.01.2020 и в период с 07 ч. 20 мин. по 08 ч. 00 мин. 18.01.2020 г., выявлено несколько речевых установок Осипяна А.Н.: своими высказываниями Осипян А.Н. (Участник 1) стремится сформировать у собеседника – Соколова А.Б. (Участника 2) – положительное мнение о деятельности боевиков международных террористических организаций (прежде всего «Исламского государства»), иных незаконных вооруженных формирований, лиц, исповедующих ислам и его радикальные течения; оправдать действия названных субъектов, обвинить тех, кто им угрожает; утвердить в сознании собеседника превосходство мусульманской религии; побудить к принятию мнения о необходимости переезда в ИГИЛ и даче присяги этой организации. Данные речевые установки можно свести к двум видам речевых целей: 1) убеждение и призыв (как вид убеждения); 2) обвинение и оправдание. К такому заключению приводит наличие в высказываниях Осипяна А.Н. лингвистических признаков названных видов речевых целей.

1). Убеждение. Для реализации данной речевой установки Осипян А.Н. использует различные языковые средства:

- лексические (общие оценки фактов и отношение к ним выражается в этих случаях эксплицитно, т.е. явно, прямо): например, в предложениях *Я понял одно, короче – как знания укрепляют, ахи, в религии, да, так ничто не укрепляет; ... у меня только убежденность, короче, я не знаю, короче. Все исправимо, «ин шаллах»; Я «ин шаллах» твердое*

намерение сделал «ин шаллах». Все ко Всевышнему обратил; ... Но, короче, я убежден параллельно и в другом, короче - это единственная на сегодняшний день религия, – для ментального воздействия на Участника 2 говорящий использует лексемы, непосредственно выражающие его собственную убежденность в истинности и превосходстве ислама; Он [Ибн Каййим аль-Джаузия] говорит, короче, что это самые лучшие, понял! Рабы, короче. Он так красиво объясняет это. Самые-самые любящие вот так любовь проявляют, искреннюю. Самые любящие, короче, из них; Что там [в «Исламском государстве»] нет, «ахи»?! Возвышают слово Аллаха, религию Аллаха... Что там делают не так, «ахи»?! Наоборот все, все, все объединились; Все, все живем, живем. Братья ради Аллаха. Относимся хорошо к друг другу, любим. Все. Делаем друг к другу нормальное отношение, – для утверждения превосходства ислама, правильности деятельности «Исламского государства» говорящий употребляет слова с положительной коннотацией;

- морфологические: например, *Я вот, просто, ну, в основном уезжали, честно тебе скажу, «ахи», оттуда [из ИГИЛ] худшие. Худшие, короче, вот так если на фоне братья, я не могу себя к лучшим-худшим, короче,* – для выражения своего отношения к содержанию высказывания говорящий использует оценочные формы превосходной степени прилагательных (в данном контексте – субстантивированных, т.е. перешедших в разряд существительных);

- синтаксические: обращения (*брат, братишка, ахи*) – присутствуют в репликах Осипова А.Н. постоянно, поскольку диалог как речевое высказывание максимально лично ориентирован; вопросно-ответная форма: например, *Если бы там было бы не так, «ахи», наоборот, им это нужно было бы? Нет. Почему их истребляют?! Потому что единственное место. Они что, не могут «Талибан» так истребить? Они могут, «ахи»,* – для создания атмосферы доверия, идейного и духовного единения с собеседником и др.

Речевая функция аргументации (доказательства, обоснования), необходимая для убеждения, реализуется в высказываниях Осипова А.Н. открытой демонстрацией своих целей и мнений: например, *Я кон-*

*кретно иду туда, «ахи», довольство Аллаха получать, земли освобождать, ахи, короче, нести слово Аллаха на этой земле; Люди, которые конкретно против нашей религии ничего не имеют они так же, короче, неприкосновенны. Все остальные, кто короче, словом, деньгами, короче, всеми короче там и тому подобному, короче – все враги, без исключения. Я такого мнения придерживаюсь, а также с помощью специальных языковых средств. Например, наличием между высказываниями логической пропозиции причинно-следственного типа, выраженной эксплицитно: *Сами войну сделали, начали, свергли это ихнего там [в Афганистане], короче, принца...И когда они знали, что там несколько сил, когда там мусульмане начала за свое, короче, за религию, то есть, так как началось, «ахи», волнения начались мусульманского общества, Советский Союз сделали вот это; Они так истребили «даулю» [ИГИЛ], потому что они на самом деле поняли, что это реальная опасность, реальная опасность, и имплицитно – соотношением содержания двух высказываний: например, *Знаешь, самое прекрасное, уповать на Аллаха, [потому что] Аллах там через кого-то там или тебе напрямую поможет там, «ин шаллах», убежденность*.**

Речевая установка убеждения в высказываниях Осипяна А.Н. представлена также семантическим компонентом модальной оценки «нужно делать», выраженной эксплицитно – через прямое побуждение к выезду в ИГИЛ и принятию баята с помощью модальных слов (категории состояния *надо, нужно, краткого прилагательного должен, краткого причастия обязан*): *Я тебе говорю напрямую: туда [в ИГИЛ] ехать сейчас – это глупо. То есть, ну, надо поехать левыми документами; Надо взять жену, которая с матушкой нормально. Надо ей сказать: «Выбирай сама. Какую хочешь»; Аллах говорит: «Подготавливай себя, подготавливаться надо столько сколько сил есть, максимально надо подготавливаться». Ты должен понимать: «Горит? Это не горит?». Это не им нужно, это тебе нужно, понимаешь? Это им не нужно,.. это нам нужно, нам нужно ради Аллаха что-то сделать; Надо попытаться их вывезти в какую-нибудь страну, я не знаю, может так получится, надо будет их туда увозить сделать; Ты просто не должен обращать на какие-то действия, на какие-то вещи . Ты*

должен смотреть непосредственно, короче, на «даулю» [ИГИЛ] саму. Она распространяет справедливость, стремится к довольству Аллаха, стремится возвысить слово Аллаха, и она стремится к распространению чести; Пророк Мухаммед сказал, что мы должны присягнуть если есть правитель, короче, мусульманский, земля, где «шариат», короче, мы обязаны им, «иншаллах», присягнуть, минимум, – и имплицитно (т.е. скрыто, неявно), – через предоставление информации: например, о страданиях мусульман в Ираке, Сирии, Пакистане (см. стенограмму разговора 17.01.2020 г., с. 36).

Лингвистическое значение речевой цели убеждения определяется как «побуждение к изменению мнения», которое можно представить так: ‘я говорю это, потому что хочу, чтобы ты изменил свое мнение, понял, что эта точка зрения правильна, целесообразна для тебя (это нужно и тебе), и с огласился с ней, учел ее’. Именно такая семантика (намерение Осипяна А.Н. убедить Соколова А.Б. в исключительности мусульманской религии, в правильности действий т.н. ИГИЛ, в необходимости и целесообразности выезда на территорию ИГИЛ и принятия присяги этой организации) представлена в приведенных высказываниях Участника 1 (Осипяна А.Н.).

Призыв как вид убеждения (включает в себя двойное побуждение: к принятию мнения о необходимости названных действий и к совершению этих действий). В высказываниях Участника 1 представлены различные лингвистические средства выражения этой речевой установки. Наиболее яркими являются синтаксические – обращения и побудительные предложения (в том числе – побудительно-восклицательные): *Короче, «истихару»* [добровольная молитва с целью поиска руководства Аллаха] сделай. Выйди из этой страны, в какую-то страну, откуда можно спокойно из этой петли вылезти... «Ният» [намерение] бери ради Аллаха, а там уже; Поедешь, «ахи», «ин шаллах», «дуат» делать. Аллах заберет тебя скорее и всё, что ты думаешь, рано или поздно, по-любому, «ахи», просто «дуат» делай; Знаешь, брат, ... Уповай на Всевышнего, он направит; ...если мы будем от «фитны» убежать, то мы можем, мне кажется, еще больше заблудиться. То есть ты должен твёрдые намерения!.. И ты едешь туда,

и если увидишь, что тебе приказывают сделать, если только то, что ты не можешь сделать, «ву Аллах», Аллах позаботится о тебе; Ты просто это запомни на всю жизнь. Ты сейчас истребитель, который будет больше и лучше всего мира, и у всех нас будет даже самая лучшая армия. Выражению активного побуждения к действию в данных конструкциях способствует использование специализированных морфологических средств – глагольных императивов. Значение повелительного наклонения передается с помощью форм собственно императива (с суффиксом *-и-*: *выйди, бери, запомни; уповай, сделай, делай* – в этих формах суффикс повелительного наклонения нулевой, т.е. не выражен материально) и транспозиционного (переносного) употребления форм изъявительного наклонения (*едешь, поедешь* – формы 2 лица единственного числа будущего времени в значении повелительного наклонения).

Итак, в представленных примерах из реплик Участника 1 (Осипяна А.Н.) прослеживаются лингвистические значения речевой цели призыва как разновидности убеждения: «побуждение к мнению» ('я говорю тебе это, чтобы ты согласился с необходимостью совершения тобой этих действий') и «побуждение к действию»: ('я говорю тебе, что я хочу, чтобы ты не только признал необходимость действий, но и совершил их'): Осипян А.Н. побуждает собеседника к признанию необходимости служения Аллаху, выезда на территорию т.н. Исламского государства, исполнения всех «приказов», а также побуждает к совершению всех этих действий – служить Аллаху (постоянно молиться), выехать на территорию т.н. Исламского государства и исполнять «приказы».

2). Обвинение и оправдание. Обвинение различных сил и субъектов, противостоящих террористическим организациям и воюющих с ними, как речевая установка реализуется Осипяном А.Н. в ходе его рассказов о страданиях «истинных» мусульман в Сирии, в том числе в г. Пальмире, Ираке, Афганистане, Пакистане, Чечне. При этом автор высказываний выражает информационную оценку событий (описанные действия имели, с точки зрения говорящего, место в действительности) и субъективную (собственную) оценку этих событий: все действия сил,

противостоящих террористическим организациям, являются крайне жестокими и преступными. Наиболее яркими лингвистическими средствами выражения указанных значений являются следующие:

- лексические: слова тематических групп «война-воевать» (*И столько-то сотен мирных жителей женщин, детей убили; ... Ты бы видел братьев ... плач, детей доставали из-под обломков... Они просто выжигали, они просто бомбили [о Пальмире]; «Ахи», вот это все полностью истребляет нашу религию, «ахи», сражаются с Аллахом; ... ты даже не представляешь, когда авиация просто сжигает мирных жителей, просто. Ты бы видел, как Раку они просто; ... Истребляют просто города! ... Вот прямо по рынку точно целились, короче. Они знали, что на рынке нет «даули». Просто, таким образом, просто выжигают, короче, мстят; ... Вообще «истишхадия» [понятие, употребляемое в отношении верующих, принявших мученическую смерть] только в бою, конкретно, с воюющей стороны; ... все отбили эту Чечню, захватили короче. А они не признали, короче, эти голосования, понимаешь? Напали на эту страну, короче, «ахи», истребили весь народ, практически пол населения, весь города, всё сравняли, короче, руины; ... Афганистан, когда пришли, они в Афганистан, «ахи», просто, конкретный борщ там был. Сами войну сделали и др.), «боль, страдание» (Какие мучения, посмотри! Как в Пакистане мучают! Во всех странах!.. Как издеваются, как мусульман честь полностью опускают, короче; Знаешь, как дети после этого плачут, короче; ... «Ахи», за что ты здесь сидишь (в значении «отбываешь наказание, страдаешь»)? За свои убеждения, за то, что в Сирии был? ... Ты бы видел братьев ... плач, детей доставали из под обломков и др.), употребляемые при описании боевых и подобных действий и состояния тех, кто подвергается нападению и мучению; слова с положительной коннотацией (братья, идеальные люди, самые лучшие, смело сражались, истишхадия и др.) – при выражении отношения к «страдающим» и с отрицательной коннотацией (мстят, наезды на женщин и детей, беспредельный, ничем никогда не брезговали, напали, истребили, наплевать, безжалостные, жестокие и др.) – при оценке действий «враждебной» стороны.;*

- синтаксические: большое количество восклицательных предложений, передающих силу эмоций Осипяна А.Н.: возмущения и гнева – по отношению к противникам террористов (*Истребляют просто города!.. Им наплевать на Ислам, наплевать на население, наплевать вообще на все. Им чтоб все сдохли там!.. Полностью города в руины превращают, им по борту, вообще!.. Они так истребили «даулю», потому что они на самом деле поняли, что это реальная опасность, реальная опасность!* – здесь лексический повтор усиливает выразительность эмоций; и др.) и сочувствия, сострадания и любви – по отношению к Аллаху и «братьям», страдающим за веру, их родным и близким (*Клянусь Аллахом!.. Сказать, что вот это, «субханаллах» [букв. «Преславен Аллах»], на пути Аллаха! ... Какие мучения, посмотри!.. Какие были идеальные люди по сравнению с нами!.. В день тысячи сестер вдовами становятся! Тысячи!* – здесь также лексический повтор усиливает выразительность эмоций; и др.); вопросно-ответная форма (*Почему их истребляют?! Потому что единственное место... Они что, не могут «Талибан» так истребить? Они могут, «ахи»; ... В чем мы можем ошибиться? В чем? В чем мы можем ошибиться? Перед Аллахом ни в чем и др.*).

При реализации речевой цели «оправдание» Осипян А.Н. утверждает правильность, справедливость, необходимость деятельности т.н. Исламского государства, других террористических организаций и дает положительную оценку этой деятельности, действий «истинных» мусульман, «братьев» (*Настоящая земля появилась, где на самом деле возвышают слово Аллаха и начали в соответствии с Кораном и «сунной» жить!.. Ты должен смотреть непосредственно, короче, на «даулю» [ИГИЛ] саму. Она распространяет справедливость, стремится к довольству Аллаха, стремится возвысить слово Аллаха, и она стремится к распространению чести.*) – утверждение правильности каких-либо действий и взглядов, а также их положительная оценка и составляет лингвистическое значение данной речевой установки. При этом Осипян А.Н. частично признает некоторые негативные стороны деятельности т.н. Исламского государства, но объясняет их «фитной»

(смутой), недостойными моральными качествами некоторых «братьев», происками «шайтана», необходимостью и убежден в том, что все «исправимо»: ...вижу там какие-то моменты, которые неуместны в истинной религии... у меня только убежденность, короче, я не знаю, короче. Все исправимо, «ин шаллах»; ... Толпами уезжали оттуда, в чем-то разочаровывались, «ахи». 90 процентов «фитна» (смута); ... Я просто много видел из въезжающих, единицы, единицы такие нормальные, короче, были. Какие-то, что-то случилось, Аллах лучше знает. Я вот, просто, ну, в основном уезжали, честно тебе скажу, «ахи», оттуда худшие; ... А так, все, они каждый, «ахи», не идеальный; ... В общем, каждая душа привыкла себя оправдывать, «ахи», мы всегда, короче, себя пытаемся оправдывать; ... Никого не трогают. Там такого нету, там. А так, если там братьев там каких-то казнят, «ахи». Я знаю много братьев, «ахи», языки распускают, «фитну» делают, «ахи»; ... А потом как иракские войска наступали... Восстали против ИГИЛ. И ИГИЛ говорит: «Ву аллахи», в следующий раз, когда мы захватим, мы вам всем отрубим головы. Короче, «бесмиляр» сделаем. То есть, «ахи», не было жести ... но там жестокость показывают. ... может, много, короче, можем ошибаться. Никто не может быть убежден, убежденность лишь только в вере в Аллаха, а все остальное, короче, мы не можем быть в чем-то убеждены там; .....Но в человеке иногда доминирует, короче, любовь к этой «дунье», привязанность к этой «дунье», ... Но не понимает, что ему в этом «шайтан» помогает; «Мы сейчас, если будем атаковать, их жены, дети рядом с ними погибнут, короче». Он [пророк Мухаммед] сказал: «Ждать». Нет... ..дал приказ: «Атаковать!». Вот это довод приводится, понимаешь? То есть, ты... необходимость конкретная... Враги, надо атаковать. То есть все надо делать, чтобы ни один лишней человек не пострадал, но если это невозможно, невозможно, то в этом случае допустимо и на тебе нет грехов!. Иллокутив «оправдание» реализуется в перечисленных высказываниях с помощью такого изобразительно-выразительного средства языка, как антитеза (противопоставление), оформленного с помощью противительных союзов

«но» и «а». Использование противопоставлений и сопоставлений является одним из признаков экстремистского текста.

Помимо утверждения о правильности и необходимости действий террористических организаций, речевая установка «оправдание» реализуется Осипяном А.Н. в виде положительной оценки участников этих организаций, тогда как международное сообщество оценивает таких лиц однозначно негативно, признавая их преступниками. Положительная оценка названных лиц производится путем их героизации: *Да, разные попадались, «ахи», но самые лучшие туда ехали, «ахи», самые искренние, самые таких искренних там видел! Всех тех, которые здесь борзые такие все, дерзкие, короче, такие, религиозные, такие голосистые - они все здесь остались. Все тихие, скромные, когда их мало видно было, самые такие благонравные, все скромные, все массово туда. Короче, вот... все они в первую очередь ушли, ахи. Их в самую первую очередь не стало, а самые проблематичные всегда оставались, а самые прекрасные такие быстро уходили; ...самые лучшие из «Даруль-Аркама» поехали туда, самые лучшие, короче, и все отдали, и др. Используя антитезу (противопоставление с союзами «а» и «но»), слова с положительной коннотацией (лексические средства) и их повторы, формы превосходной степени прилагательных (морфологические средства), восклицательные предложения (синтаксические средства), Осипян А.Н. путем восхваления «братьев» полностью оправдывает их действия.*

Главные обстоятельства, делающие негативно оцениваемые обществом действия террористов ИГИЛ целесообразными, оправданными, – это, по убеждению Осипяна А.Н., истинная вера (ислам), высшая идея (... это [ислам] единственная на сегодняшний день религия. ...Знаешь, самое прекрасное, уповать на Аллаха... Ты уповай на всевышнего, «дуа» делай, «сихару» делай. Всё, короче, спокойно делай, занимайся своими делами, «ин шаллах»... Аллах лучше знает!.. Короче, в любом случае намерения - главное, первое - это намерения перед Всевышним; ... Я конкретно иду туда, «ахи», довольство Аллаха получать, земли освободить, ахи, короче, нести слово Аллаха на этой земле. А там - что, как, ахи, только у Аллаха во власти; ... Сегодня

другого, третьего нет. Короче. Либо ты раб Аллаха, либо ты раб этой «дуньи»; ... Я хочу, «ахи», короче на кусочек такой земли выйти... во славу Аллаха помогать своей религии. Получать довольство Аллаха! Описание подобных обстоятельств является типичным содержанием оправдательных высказываний.

Итак, утверждая справедливость, необходимость деятельности т.н. Исламского государства, других террористических организаций, частично признавая некоторые негативные стороны этой деятельности, Осипян А.Н. путем героизации духовных лиц ислама и «братьев» полностью оправдывает совершаемые ими действия.

И обвинение, и оправдание используются Участником 1 (Осипяном А.Н.) в качестве средства убеждения Участника 2 (Соколова А.Б.) в необходимости принятия точки зрения Участника 1 и побуждения к совершению описанных в разговорах действий.

Таким образом, речевыми установками Осипяна А.Н. в разговорах, состоявшихся между ним и Соколовым А.Б. в период времени с 16 ч. 00 мин. по 18 ч. 00 мин. 17.01.2020 и в период с 07 ч. 20 мин. по 08 ч. 00 мин. 18.01.2020 г., являются: оправдание деятельности т.н. Исламского государства, других террористических организаций; обвинение сил и субъектов, противостоящих террористическим организациям и воюющих с ними; формирование у Соколова А.Б. на основе мусульманской доктрины идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности, представления о допустимости осуществления террористической деятельности; склонение собеседника к участию в деятельности т.н. «Исламского государства»; побуждение к выезду в т.н. «Исламское государство» и принятию баята (присяги).

По вопросу 3. Содержатся ли в речевых сообщениях разговоров, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени..., признаки оправдания терроризма – заявления о признании идеологии и практики терроризма (то есть идеологии и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями, свя-

занных с утрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий) правильными, нуждающимися в поддержке и подражании?

Анализ речевых установок в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н., в числе прочих выявил намерение Осипяна А.Н. оправдать терроризм, то есть утвердить в сознании собеседника убеждение в правильности идеологии и практики террористической деятельности, которые нуждаются в поддержке и подражании.

В результате предметно-тематического, оценочно-экспрессивного и целевого анализа речевых сообщений, проведенных с учетом коммуникативной ситуации, установлено, что в исследуемых высказываниях содержатся следующие признаки оправдания терроризма:

1) тематика – представлена информация о предмете речи: группы лиц, объединяемых религиозной, национальной и социальной принадлежностью – боевики международных террористических организаций, иных незаконных вооруженных формирований, а также лица, исповедующие ислам и его радикальные течения: *Я знаю, короче, самые искренние из «джамаата» Умара туда [в ИГИЛ] пошли; Ибн Каййим аль-Джаузия какой «даваат» делает... Тему «джихада» обсуждает он. Поэтому он говорит, короче, что это самые лучшие, понял!; Настоящая земля появилась, где на самом деле возвышают слово Аллаха и начали в соответствии с Кораном и «сунной» жить! «Талибан» тоже, но там как-то вот это всё как-то; «Имират кавказ» - то есть самое такая проблематичное... конфликтная была; определенные устои устройства и деятельности т.н. Исламского государства: *Настоящая земля появилась, где на самом деле возвышают слово Аллаха и начали в соответствии с Кораном и «сунной» жить!; Это же не просто «джамаат», короче, собрался, где-то в лесу бегают. Мы договорились с ним. Это, «ахи», уже государство... Это конкретное государство, которое полностью основано на Коране и «сунне». Там «шариат». Там нету другого. Там все «боят»... Она распространяет справедливость, стремится к довольству Аллаха, стремится возвы-**

суть слово Аллаха, и она стремится к распространению чести; экстремистские и террористические действия: Он из Афганистана, Талибана, приехали теракт здесь делать; Вот братья, которые теракт в Питере сделали, вообще в суши баре в каком-то китайском или японском работали; Ты бы в это время, «ахи», мог бы помешать! Дома, где они сидят «иншаллах» «истишхадю» (самоподрыв) сделать. Сказать, что вот это, «субханаллах», на пути Аллаха! и др.;

2) выражено положительное отношение к названным предметам речи: *это самые лучшие, самые искренние, благонравные, прекрасные; настоящая земля, конкретное государство, распространение чести и др.* Осипян А.Н. считает деятельность т.н. Исламского государства и действия боевиков справедливыми и необходимыми;

3) выражена речевая цель «оправдание», включающая в себя убеждение слушателя в правильности описываемых действий и демонстрацию собеседнику своих особых взглядов. Так, Осипян А.Н. утверждает правильность, справедливость, необходимость деятельности т.н. Исламского государства, других террористических организаций и дает положительную оценку этой деятельности, действий «братьев»: *Настоящая земля появилась, где на самом деле возвышают слово Аллаха и начали в соответствии с Кораном и «сунной» жить!.. Ты должен смотреть непосредственно, короче, на «даулю» [ИГИЛ] саму. Она распространяет справедливость, стремится к довольству Аллаха, стремится возвысить слово Аллаха, и она стремится к распространению чести.* Языковые средства выражения убеждения в правильности деятельности террористической организации – лексемы с положительной коннотацией и даже слова высокого стиля (*настоящая, справедливость, довольство; возвысить, честь*), восклицательные предложения.

Речевая установка «оправдание» реализуется Осипяном А.Н. в виде положительной оценки участников террористических организаций, тогда как общество оценивает таких лиц однозначно негативно, признавая их преступниками. Положительная оценка названных лиц производится путем их героизации: *Да, разные попадались, «ахи», но*

*самые лучшие туда ехали, «ахи», самые искренние, самые таких искренних там видел! Всех тех, которые здесь борзые такие все, дерзкие, короче, такие, религиозные, такие голосистые - они все здесь остались (составные формы превосходной степени прилагательных самые лучшие, самые искренние являются морфологическим средством выражения положительной оценки указанных лиц). Все тихие, скромные, когда их мало видно было, самые такие благонравные, все скромные, все массово туда. Короче, вот... все они в первую очередь ушли, ахи. Их в самую первую очередь не стало, а самые проблематичные всегда оставались, а самые прекрасные такие быстро уходили (в лексическом значении слов *тихие, благонравные, скромные* содержится положительная коннотация; составная форма превосходной степени прилагательного *самые прекрасные* – морфологическое средство выражения положительной оценки; изобразительно-выразительным языковым средством усиления выражения положительной оценки в данном отрывке является антитеза – эксплицитное противопоставление с помощью союзов *но* и *а* «самых лучших, искренних» и – «борзых таких, голосистых», «тихий, скромных, благонравных» и – «проблематичных»); ...самые лучшие из «Даруль-Аркама» поехали туда, самые лучшие, короче, и все отдали (восхваление «братьев» осуществляется посредством использования составной формы превосходной степени прилагательного); Роберт. Он брат такой нормальный. Он из Афганистана, Талибана, приехали теракт здесь делать, приняли их короче. Он нормальный брат, я за него много потом слышал. Он без глаза, короче, ранение получил. Взорвалось кое-что. Короче, такой конкретный брат (положительная оценка дается «брату», о котором сообщается, что он приехал «делать теракт»); «Ву аллахи», я своими глазами видел там, прямо полностью город, прямо сравнивали... Вот это там скаты прилетали 12-метровых, по несколько домов сжигают просто. Ты бы видел братьев, ... плач, детей доставали из под обломков. Они просто выжигали, они просто бомбили. Клянусь Аллахом! Я вот в городе стою, там прямо истребитель над головой бомбу кидает, там пару сотен метров взрывается, «ахи». Вот прямо по рынку точно целились, короче. Они знали, что на рынке нет «даули». Просто, таким образом,*

просто выжигают, короче, мстят. ... Просто, понимаешь, истребляют! Истребляют просто города! Если бы ты видел этих сестер лежащих, окровавленных маленьких детей!.. Ты бы в это время, «ахи», мог бы помешать!.. Эти братья на эти эмоциях, короче, многие, «ахи», бросаются на них. ...Самое прекрасное! Ты приезжаешь, принимаешь, допустим, и идешь на «рипат», «ахи» ... Пошел границы, «ахи» и там, короче, границы самые, где «омоление» постоянно идет, «рипады» держат, границы Исламского государства, – в данном фрагменте из речи Осипяна А.Н., помимо сопереживания и сострадания по отношению к погибающим «братьям» и «сестрам», прослеживается и намерение говорящего обвинить врагов т.н. Исламского государства в жестокости и несправедливости (для этого он использует такие лексические средства, как например, слова тематических групп «война-воевать» и «боль, страдание», а также синтаксические средства – восклицательные предложения), что еще больше подчеркивает правильность деятельности ИГИЛ и ее необходимость защищать себя. Эти и другие подобные высказывания Осипяна А.Н. оправдывают террористические действия и, в целом, терроризм и его идеологию. Утверждение правильности каких-либо действий и взглядов, а также их положительная оценка и составляет лингвистическое значение речевой установки «оправдание».

В результате сопоставления выявленных в анализируемых речевых сообщениях лингвистических признаков с диагностическим комплексом «Оправдание действий», представленного в Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (Под ред.: Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Научно-методический совет РФЦСЭ. М., 2014. С. 226-227), установлено их полное совпадение.

Таким образом, в речевых сообщениях разговоров, состоявшихся между Птушкиным А.В. и Маргаряном Д.А. в период времени..., содержатся лингвистические признаки оправдания терроризма – заявления о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

По вопросу 4. Направлены ли речевые сообщения в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени.., на формирование у Соколова А.Б. идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности?

Анализ речевых установок в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени.., позволяет говорить о намерении последнего сформировать (укрепить) у собеседника идеологию терроризма, убежденность в ее привлекательности и представление о допустимости осуществления террористической деятельности. Об этом свидетельствуют лингвистические признаки речевой цели «убеждение», выявленные в результате предметно-тематического, оценочно-экспрессивного и целевого анализа речевых сообщений, проведенных с учетом коммуникативной ситуации:

1) тематика – представлена информация о предмете речи: группы лиц, объединяемых религиозной, национальной и социальной принадлежностью – боевики международных террористических организаций, иных незаконных вооруженных формирований, а также лица, исповедующие ислам и его радикальные течения: *Я знаю, короче, самые искренние из «джамата» Умара туда [в ИГИЛ] пошли; Ибн Каййим аль-Джаузия какой «даваат» делает...; Настоящая земля появилась, где на самом деле возвышают слово Аллаха и начали в соответствии с Кораном и «сунной» жить! «Талибан» тоже, но там как-то вот это всё как-то; радикальный ислам как основа идеологии терроризма: Я понял одно, короче – как знания укрепляют, ахи, в религии, да, так ничто не укрепляет; ... у меня только убежденность, короче, я не знаю, короче; Тему «джихада» обсуждает он [Ибн Каййим аль-Джаузия]. Поэтому он говорит, короче, что это самые лучшие, понял!; В «джаматах», короче, недовольство как растёт и растёт, недовольство, то приходит туда «шариатский» суд. Шариатская полиция «дуат» арестовывает. Идет казнь... Смотря какую «фитну» можно делать, «ахи». 100-200 человек... чтобы они соскочили и еще началось какое-то противостояние делали. Там надо все смотреть с точки религии,*

«ахи». Просто мы много что не знаем; экстремистские и террористические действия: Он из Афганистана, Талибана, приехали теракт здесь делать; Вот братья, которые теракт в Питере сделали, вообще в суши баре в каком-то китайском или японском работали; Ты бы в это время, «ахи», мог бы помешать! Дома, где они сидят «иншаллах» «истишхадию» (самоподрыв) сделать. Сказать, что вот это, «субханаллах», на пути Аллаха! и др.;

2) выражено положительное отношение к названным предметам речи: ...самые лучшие из «Даруль-Аркама» поехали туда, самые лучшие, короче, и все отдали; Да, разные попадались, «ахи», но самые лучшие туда ехали, «ахи», самые искренние, самые таких искренних там видел!; ...Люди, которые конкретно против нашей религии ничего не имеют они так же, короче, неприкосновенны... Остальные – враги!.. Знаешь, самое прекрасное, уповать на Аллаха; Там шейх урок дает, он просто говорит: ...представьте лик Аллаха ... ну возможно да это, ну, громко так плачет, сильно-сильно прям. Это самое прекрасное такое! – в данных высказываниях позитивная оценка выражается с помощью слов с положительной коннотацией, лексических повторов, восклицательных предложений, антитезы;

3) выражена речевая цель «убеждение», лингвистическим значением которой является побуждение адресата к изменению его мнения и принятию точки зрения говорящего: Я хочу пользу принести во имя слова Аллаха, мечтаю о таком конце. Хочу ... чтобы как-то оправдаться, «ахи», перед Аллахом. Аллах лучше знает, короче. Так любовь свою хочу показать; Я «ин шаллах» твердое намерение сделал «ин шаллах». Все ко Всевышнему обратил; ... Но, короче, я убежден параллельно и в другом, короче - это единственная на сегодняшний день религия, Я конкретно иду туда, «ахи», довольство Аллаха получать, земли освободить, ахи, короче, нести слово Аллаха на этой земле; – убеждение в истинности ислама и привлекательности идеологии терроризма через демонстрацию собственных мнений и намерений (используются лексемы, непосредственно выражающие эту убежденность говорящего); Я нигде не видел ... что можно просто тупо короче взять женщину, ребенка, задавить и сказать, что это я на пути Аллаха

«джихад» делаю, короче. Такого нигде не было дозволено, только если они конкретно, короче, какую-то агитацию ведут, оружие возьмут; Истребляют просто города! Если бы ты видел этих сестер лежащих, окровавленных маленьких детей!.. Ты бы в это время, «ахи», мог бы помешать! Дома, где они сидят, «иншаллах», «истишхадию» (самоподрыв) сделать. Сказать, что вот это, «субханаллах», на пути Аллаха!.. Сами войну сделали, начали, свергли это ихнего там [в Афганистане], короче, принца...И когда они знали, что там несколько сил, когда там мусульмане начала за свое, короче, за религию, то есть, так как началось, «ахи», волнения начались мусульманского общества, Советский Союз сделали вот это (стенограмма разговора 31.01.18, с. 44); Они так истребили «даулю» [ИГИЛ], потому что они на самом деле поняли, что это реальная опасность, реальная опасность, – убеждение собеседника в допустимости насильственных действий в данных высказываниях осуществляется путем реализации речевой функции аргументации (доказательства, обоснования), для чего используются сложноподчиненные предложения с придаточными условия и причины; Что там [в «Исламском государстве»] нет, «ахи»?! Возвышают слово Аллаха, религию Аллаха...Что там делают не так, «ахи»?! Наоборот все, все, все объединились, – убеждение в превосходстве ислама, правильности деятельности «Исламского государства» выражено высказываниями логической пропозиции сопоставительного типа.

В результате сопоставления выявленных в анализируемых речевых сообщениях лингвистических признаков с диагностическим комплексом «Убеждение», представленного в Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (Под ред.: Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Научно-методический совет РФЦСЭ. М., 2014. С. 215-216), установлено их полное совпадение.

Таким образом, в речевых сообщениях разговоров, состоявшихся между Соколовым А.Б, и Осипяном А.Н. в период времени с.., содер-

жаты лингвистические признаки формирования Осипяном А.Н. у Соколова А.Б. идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности и представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

По вопросу 5. Содержатся ли в речевых сообщениях разговоров, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени с..., психолого-лингвистические признаки склонения, вербовки или иного вовлечения Осипяном А.Н. Соколова А.Б. (например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений и т.п.) к совершению каких-либо действий (в том числе насильственных, дискриминационных, разрушительных), а именно - к осуществлению террористической деятельности (то есть организации, планированию, подготовке, финансированию и реализации террористического акта; к организации незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно к участию в такой структуре; к вербовке, вооружению, обучению и использованию террористов; к информационному или иному пособничеству в планировании, подготовке или реализации террористического акта)? Если да, то в каких именно выражениях?

Предметно-тематический, оценочно-экспрессивный анализ, а также исследование речевых установок в разговорах, состоявшихся между Соколовым А.Б. и Осипяном А.Н. в период времени с..., выявил лингвистические признаки склонения и вербовки Осипяном А.Н. Соколова А.Б. к совершению насильственных действий, т.е. к осуществлению террористической деятельности: к реализации террористических актов и к участию в деятельности незаконного вооруженного формирования.

Лингвистические признаки склонения и вербовки составляют языковое значение речевой цели «убеждение и призыв (как вид убеждения)»:

1) тематика – представлена информация о предмете речи: группы лиц, объединяемых религиозной, национальной и социальной принадлежностью – боевики международных террористических организаций, иных незаконных вооруженных формирований, а также лица, исповедующие ислам и его радикальные течения: *Я знаю, короче, самые искренние из «джамаата» Умара туда [в ИГИЛ] пошли; Ибн Каййим аль-Джаузия какой «даваат» делает...; Настоящая земля появилась, где на самом деле возвышают слово Аллаха и начали в соответствии с Кораном и «сунной» жить! «Талибан» тоже... и др.; радикальный ислам как основа идеологии терроризма: Я понял одно, короче – как знания укрепляют, ахи, в религии, да, так ничто не укрепляет; ... у меня только убежденность, короче, я не знаю, короче; Тему «джихада» обсуждает он [Ибн Каййим аль-Джаузия]. Поэтому он говорит, короче, что это самые лучшие, понял! и др.; экстремистские и террористические действия: Он из Афганистана, Талибана, приехали теракт здесь делать; Вот братья, которые теракт в Питере сделали, вообще в суши баре в каком-то китайском или японском работали; Ты бы в это время, «ахи», мог бы помешать! Дома, где они сидят «иншаллах» «истишхадию» (самоподрыв) сделать. Сказать, что вот это, «субханаллах», на пути Аллаха! и др.;*

2) выражено положительное отношение к названным предметам речи: *... самые лучшие из «Даруль-Аркама» поехали туда, самые лучшие, короче, и все отдали; Относимся хорошо к друг другу, любим. Все. Делаем друг к другу нормальное отношение; Ты должен смотреть непосредственно, короче, на «даулю» [ИГИЛ] саму. Она распространяет справедливость, стремится к довольству Аллаха, стремится возвысить слово Аллаха, и она стремится к распространению чести и др.;*

3) выражена речевая цель «призыв» (как форма убеждения), включающая в себя двойное побуждение: побуждение к принятию мнения о необходимости каких-либо действий и побуждение к совершению этих действий – в нашем случае (в речевых сообщениях Осипяна А.Н.) это насильственные, т.е. террористические действия. Лингвистические признаки данной цели обнаруживаются в следующих высказываниях Маргаряна Д.А.:

О переезде, возвращении в Сирию, на территорию т.н. Исламского государства. *Вот то, что ты оттуда [из Сирии] уехал, вот твоя ошибка была* (в ответ на размышления Соколова А.Б. о своей ошибке); – оценивая отъезд Соколова А.Б. из Сирии как ошибку, Осипян А.Н. имплицитно выражает побуждение к возвращению туда.

Я тебе говорю напрямую: туда ехать сейчас - это глупо. То есть, ну, надо поехать левыми документами. В Турции, «ахи», примут короче, «халяз» будет. Моё мысль: надо выезжать из этой страны, оттуда уже аккуратно, короче, выехать, и это - отказаться от гражданства, попытаться получить в другом месте, потом оттуда выехать или просто. То есть показать в любом случае, что выезжаю в другую страну. Выезжаю, а оттуда, короче, делать дорогу как-нибудь. – В данном отрывке призыв выражен эксплицитно – через прямое побуждение к выезду в ИГИЛ: говорящий употребляет наречие *напрямую* (говорю), использует модальное слово категории состояния *надо* со значением необходимости, долженствования. При этом Осипян А.Н. открыто говорит о нарушении закона – «*поехать левыми документами*». «Левые документы» – широко распространенный в просторечии синоним нейтральному словосочетанию «поддельные документы». Использование наречия *аккуратно* в рассказе о «схеме» выезда в ИГИЛ также подчеркивает необходимость осторожности при совершении описанных действий.

Ну, посмотри, что здесь?! Что здесь есть?!.. Ты будешь жить в этой петле. Тихий. Ты будешь жить, как раб ихний. Не только раб Аллаха, но и как раб этих правителей... Я не знаю, как, как может искренний человек, искренний раб Аллаха смотреть на то, что там творится и равнодушным быть, не участвовать?.. Ты должен причину делать здравую... В Турции сейчас уже отпечатки тоже оставляют, прилетая. Это все не вариант. Это все надо аккуратно, через какую-нибудь страну спокойно выехать. – В приведенном фрагменте призыв выражается и эксплицитно (с использованием модальных слов *должен, надо*; наречий *аккуратно, спокойно* при сказуемом *надо выехать* для выражения необходимости осторожности при совершении описанных действий и минимального привлечения внимания к себе), и

имплицитно (сравнительные обороты *как раб ихний, как раб этих правителей*, метафора *жить в этой петле*, риторические вопросы, содержащие утверждения, являются средствами побуждения к неравнодушию, к участию в противодействии тому, что «там творится»).

Место только мужчинам там, а их (семью) - в какую-то более или менее умеренную там страну, где спокойно можно нормальные знания, нормальных ученых там, в почете, а не в опале. Понял, да? Где ты будешь исповедовать свою религию. Там, где тебя не будут сажать, пытать. Какие-то страны там есть более или менее, Кувейт или там Бахрейн, – побуждение выражается в форме убеждения в необходимости совершения действий. Выражение это осуществляется имплицитно – через предоставление информации о странах, в которых может жить семья, пока мужчина будет «там» (в Сирии).

*... максимально, пока ты с ней (с матерью), наилучшим образом относись, добро делай, мягко «даваат» делай, короче, своим нравом показывай. То есть так делай, чтобы жена хорошо относилась. Потом время придет, ты ей даже не говори, тихо-тихо скажи: «Мама ты понимаешь, я не могу исповедовать религию. Ты же не хочешь, чтобы мне завтра, послезавтра, что-то в карман подкинули... – В данном фрагменте Осипян говорит о том, как подготовить семью к выезду. Побуждение выражается открыто – использованием глаголов в форме повелительного наклонения: *делай, показывай, скажи*.*

*Тебе дана секунда, искренне ради Аллаха один шаг сделать в этом направлении. Уже теперь делай на пути Аллаха... Мы хотим пользу принести, но Аллах лучше знает, Аллах не нуждается ни в ком. Красиво, брат, можно сделать по-умному. Сразу выйдешь, «ахи», я тебе советую, иди, короче, учиться на повара. Понял? И резюме дай там в какую-нибудь халяльную, можешь не халяльную, лучше халяльную, «ахи», – побуждение в этой части «схемы» выезда на территорию т.н. Исламского государства представлено в форме совета (я тебе *советую*), используются глаголы в форме повелительного наклонения: *делай, дай*, модальные слова *можно, можешь*.*

Здесь тебе как раньше жить не дадут. Говори, чтобы они слышали, понял? Что ты хочешь уехать жить в другую страну. Это тупо

обман. То есть не туда, понял, короче, а в какую-нибудь спокойную страну, где можно спокойно там исповедовать свою религию. То есть, когда ты будешь пытаться выезжать. Понял? Пусть думают, что ты переехать со всей семьей в другую страну, спокойно жить. – В этом речевом высказывании Осипяна обращает на себя внимание то, что, наставляя собеседника, он открыто советует ему обманывать компетентные органы.

Сейчас везде таможня, сейчас, во всех странах, по крайней мере в Турции, там уже и отпечатки, и зрачки сейчас берут, короче. Там возможности нет. Так легально надо стать, чтобы попытаться. Уехать в какую-нибудь страну. Понял, нет? И оттуда уже... В общем, короче, так. ...брат, мы будем искать, где они нас никак не поймут. – В данном фрагменте говорящий продолжает побуждать собеседника к выезду в ИГИЛ (...легально надо стать... *Уехать в какую-нибудь страну... И оттуда уже...*). При этом Осипян А.Н. использует форму местоимения 1 лица множественного числа (мы, нас), объединяя и представляя себя с собеседником как двух активных субъектов описываемых действий, что также является имплицитным выражением побуждения.

Выйдешь, «ин шаллах» «истихару» сделай, «ахи». Всё там не ...просто я не знаю, как тебя пробить, короче, это уже опасно. Короче, «истихару» сделай. Выйди из этой страны, в какую-то страну, откуда можно спокойно из этой петли вылезти, да? – формы повелительного наклонения глагола (*сделай, выйди*) используются для выражения побуждения к молитве и к выезду из России. В данном фрагменте Осипян говорит о том, что пытается «пробить» (в значении «с трудом добиться осуществления, продвижения чего-нибудь» – 3-е значение глагола «пробить» с пометой «просторечное» в Словаре русского языка С.И. Ожегова. М.: «Русский язык», 1987. С. 523) собеседника, т.е. открыто заявляет о своем речевом намерении побудить Соколова к выезду из страны.

О принятии присяги («баята») т.н. Исламскому государству. В ответ на вопрос Соколова А.Б. «Меня очень сильно волнует, почему я должен «даули» «баят» давать, если я не хочу?» Осипян отвечает:

«Ахи», это же правитель! «Ахи», это «Исламское государство», «ахи»! Там все это, «сунны», это религия наша, «ахи»! Так всегда мы правителю все «баят» давали! Пророком Мухамедом сказано, так поставлено, то есть Аллахом так установлено, «ахи»! Это же не просто «джамаат», короче, собрался, где-то в лесу бегают. Это, «ахи», уже государство Это конкретное государство, которое полностью основано на Коране и «сунне». Там «шариат» ... Там все «баят» жить, – убеждение в необходимости совершения действия – дачи присяги («баята») т.н. Исламскому государству – является имплицитным (нет открытых побуждений) – призыв передается через побуждение к принятию мнения о необходимости принятия присяги посредством сопоставления «джамаата» и «конкретного государства». Указанное сопоставление оформлено с помощью восклицательных предложений с повторяющимся обращением «ахи», что усиливает побуждение собеседника к принятию решения о совершении «баята».

В ответ на реплику Соколова А.Б. «В том-то и дело: говорили, что Абубакр незаконный правитель, короче. Поэтому присягать нельзя» Осипян А.Н. отвечает: *«Ахи», это тот, кто не хочет к ним присягать или говорить, другое там мнения придерживается ...Брат, посмотри сколько... почему все тогда присягнули? Кроме... Все! Весь мир присягнул, все «джамааты»! Все страны, короче, начиная даже Афганистан, короче, все, присягали, «ахи», ...Ливан. Да? То есть и Ливан, и Иран. Все..* В этом фрагменте, как и в предыдущем, призыв выражается имплицитно: побуждение к принятию мнения о необходимости принятия присяги оформляется с помощью примеров других стран и обобщений. Намерение Осипяна эмоционально воздействовать на слушателя реализуется с помощью восклицательных предложений, вопросно-ответной формы изложения мыслей.

Пророк Мухаммед сказал, что мы должны присягнуть если есть правитель, короче, мусульманский, земля, где «шариат», короче, мы обязаны им, «иншаллах», присягнуть, минимум – прямое побуждение к совершению действий – принятию баята – в данном высказывании Маргаряна Д.А. на языковом уровне выражается посредством слов с

модальным значением (краткого прилагательного *должен*, краткого причастия *обязан*).

О реализации террористических актов, боевых действиях. *Там только мужчины там нужны сейчас* – имплицитное побуждение с использованием модального слова *нужны* со значением необходимости, важности. Акцент на слове *мужчины* (акцент определяется наличием ограничительно-выделительной частицы «только») свидетельствует о том, что «там» (в Сирии) идут боевые действия, в которых традиционно участвуют только представители «сильного пола».

То есть, ты... необходимость конкретная... Враги – надо атаковать. То есть все надо делать, чтобы ни один лишний человек не пострадал, но если это невозможно, невозможно, то в этом случае допустимо и на тебе нет грехов! – В данном фрагменте побуждение к применению силы обосновывается наличием «врагов» (побуждение оформлено с помощью составного сказуемого, вспомогательная часть которого выражается модальным словом категории состояния со значением необходимости), причем Осипян допускает возможность гибели людей, не участвующих в вооруженном конфликте, и оправдывает эту возможность необходимостью истреблять врагов – в таком случае, по мнению говорящего, на убийце «нет грехов!».

Истребляют просто города! Если бы ты видел этих сестер лежащих, окровавленных маленьких детей! Всевышнему отдают твоего ребенка или моего ребенка, без рук, без ног понимаешь? Ты бы в это время, «ахи», мог бы помешать! Дома, где они сидят, «иншаллах», «истишхадию» сделать. Сказать, что вот это, «субханаллах», на пути Аллаха! – В данном речевом сообщении содержится имплицитное (через представление эмоциональной информации о страданиях и гибели «сестер» и маленьких детей; грамматическое значение сказуемого *мог бы помешать* – условное наклонение) побуждение к совершению террористического акта – истишхадии («самоподрыву»), хотя такую возможность (*мог бы помешать!.. «истишхадию» сделать*) Осипян открыто относит к своему собеседнику, употребляя местоимение 2-го лица единственного числа – это местоимение обозначает собеседника говорящего и субъекта действия, которое названо в высказывании.

Ты просто это запомни на всю жизнь. Ты сейчас истребитель, который будет больше и лучше всего мира, и у всех нас будет даже самая лучшая армия. ИмPLICITное выражение побуждения к террористическим действиям: употребленное в данном фрагменте слово «истребитель» по отношению к Соколову А.Б. определяет его как воюющего человека (в узком контексте речь идет и об армии), который истребляет, т.е. «уничтожает, губит» (Словарь русского языка С.И. Ожегова. М.: «Русский язык», 1987.С. 222) врагов ислама (как следует из широкого контекста); определение «*который будет больше и лучше всего мира*» призвано возвысить собеседника в его собственных глазах, укрепить в нем чувство превосходства над теми, кто не «истребляет», не участвует в насильственных (в том числе террористических) действиях. Уверенность Осипяна в своей правоте подкрепляется его надеждой на наличие в будущем не просто отдельных вооруженных формирований, а целой армии: *у всех нас будет даже самая лучшая армия.*

Следует отметить, что в речевых сообщениях Осипяна А.Н. содержится обоснование необходимости совершения насильственных действий. Совершать указанные действия необходимо по следующим причинам: во имя веры (*Я конкретно иду туда, «ахи», довольство Аллаха получать, земли освободить, ахи, короче, нести слово Аллаха на этой земле*) и в силу необходимости – в ответ на угрозы, насильственные действия со стороны врагов ислама (*Истребляют просто города! Если бы ты видел этих сестер лежащих, окровавленных маленьких детей! ... То есть, ты... необходимость конкретная... Враги – надо атаковать*), или в случае недостойного поведения самих мусульман (*Я нигде не видел ...что можно просто тупо короче взять женщину, ребенка, задавить и сказать, что это я на пути Аллаха «джихад» делаю, короче... А так, если там братьев там каких-то казнят, «ахи». Я знаю много братьев, «ахи», языки распускают, «фитну» делают, «ахи*).

В результате сопоставления выявленных в анализируемых речевых сообщениях лингвистических признаков с диагностическим комплексом «Призыв», представленного в Методике проведения судебной

психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (Под ред.: Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Научно-методический совет РФЦСЭ. М., 2014. С. 222-223), установлено их полное совпадение.

Таким образом, в речевых сообщениях разговоров, состоявшихся между Осипяном А.Н. и Соколовым А.Б. в период времени с..., содержатся лингвистические признаки склонения и вербовки Осипяном А.Н. Соколова А.Б. путем уговоров, убеждения и советов к осуществлению террористической деятельности: к участию в деятельности незаконного вооруженного формирования (т.н. Исламского государства), в том числе к выезду на территорию ИГИЛ и принятию присяги этой террористической организации, и к реализации террористических актов. Данные лингвистические признаки обнаруживаются в следующих высказываниях Маргаряна Д.А.: эксплицитное (открытое, явное) выражение побуждения: *Это все надо аккуратно, через какую-нибудь страну спокойно выехать; ... надо выезжать из этой страны; Уже теперь делай на пути Аллаха; Выйди из этой страны, ... мы должны присягнуть если есть правитель, ...короче, мы обязаны им, «иншаллах», присягнуть, минимум, ...Враги – надо атаковать!* – и имплицитное (скрытое, неявное) выражение побуждения – через представление информации: *Так всегда мы правителю все «баят» давали! ... Все! Весь мир присягнул, все «джамааты»! Все страны, короче, начиная даже Афганистан, короче, все, присягали, «ахи», ... и Ливан и Иран. Все; ... Ты сейчас истребитель; ... Ты бы в это время, «ахи», мог бы помешать!..* и др. О речевом намерении Осипяна А.Н. склонить Соколова А.Б. к перечисленным в вопросе действиям и о том, что он (Осипян) осознает противоправное содержание своих разговоров, свидетельствует фраза: *Я не знаю, как тебя пробить, короче, это уже опасно.*

Эксперт:

Сергеева С.М.

Учебное электронное издание

ПЕТРОВА Ирина Леонидовна

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader;
дисковод CD-ROM.

Тираж 25 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlgu@yandex.ru

Кафедра теории и истории государства и права
i-l-petrova@mail.ru